

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТТ

ХЕЙЕР

ЗАЧЕМ УБИВАТЬ
ДВОРЕЦКОГО?

ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК

Джорджетт Хейер
Зачем убивать дворецкого? Лакомый кусочек
М.: АСТ, 2014

Georgette Heyer

WHY SHOOT A BUTLER?

THE UNFINISHED CLUE

© Georgette Rougier, 1933, 1934

© Перевод. Н.В. Рейн, 2012

© Перевод. Д.В. Вознякевич, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Buckman Agency.

Аннотация

Поздно вечером на сельской дороге в машине обнаружен труп дворецкого семейства Фонтейн. Но кто мог лишить жизни преданного слугу, много лет работавшего в богатом поместье? К расследованию преступления подключается частный детектив Фрэнк Эмберли и узнает, что у дворецкого имелись крупные счета в банках.

Пока он пытается выяснить, не шантажировал ли покойный своих хозяев, в поместье происходит новое убийство...

Убийство богатого землевладельца сэра Артура в загородном имении не огорчило его родственников – он был довольно неприятным человеком. В день своей смерти сэр Артур лишил наследства сына, оскорбил жену, жестоко обидел племянника и повздорил с одним из гостей...

Детектив Скотленд-Ярда Хардинг, которому поручено расследование, понимает: подозреваемых много, причем и мотив, и возможность совершить преступление были у каждого.

Так кто же убийца?

Содержание:

Джорджетт Хейер. Зачем убивать дворецкого? (роман, перевод Н. Рейн), стр. 5-309

Джорджетт Хейер. Лакомый кусочек (роман, перевод Д. Вознякевича), стр. 311-574

Джорджетт Хейер

Зачем убивать дворецкого?

*Тому,
кто знает зачем*

Глава первая

Дорожный указатель не слишком помог. Одна из его растопыренных металлических стрелок сообщала, что Ламсден находится на западе, возможно – в самом конце довольно невзрачной узкой дороги. Вторая стрелка указывала на Паттингли, место, о котором сбившийся с пути мистер Эмберли сроду не слыхивал. Но если Ламсден находится на западе, то Верхний Неттлфолд должен располагаться где-то в направлении этого самого Паттингли.

Мистер Эмберли развернул автомобиль, проклиная себя за то, что доверился кузине Фелисити, знавшей, по ее уверениям, дорогу покороче. Если б у него хватило ума ехать обычным путем, сейчас он уже был бы в Грейторне. А теперь из-за этой «самой короткой дороги» Фелисити он наверняка опоздает к обеду.

Мистер Эмберли осторожно поехал по кочковатой грунтовке, обрамленной неровно подрезанной живой изгородью. Над ней низко нависали клочья осеннего тумана, и это еще больше смущало его. Открылся поворот налево, но дорога туда выглядела еще более подозрительной, и мистер Эмберли решил продвигаться вперед.

Грунтовка теперь проходила через пустошь. Ни одного дома в поле зрения, ни единого признака приближения к населенному пункту под названием Паттингли – месту, которое мистер Эмберли успел возненавидеть всеми фибрами души. Он взглянул на часы и тихо чертыхнулся. Уже начало девятого. Он вдавил педаль акселератора, и его длинный мощный «бентли» рванул вперед, слегка подпрыгивая на неровной поверхности, что еще больше раздражало мистера Эмберли.

Местонахождение Паттингли по-прежнему оставалось загадкой; ни признака деревушки или маленького городка, могущего порадовать взгляд мистера Эмберли. Но вот за крутым поворотом вдруг мелькнули красные габаритные огни.

«Бентли» свернул и приблизился к ним; Эмберли, щуя серо-стальные глаза, всматривался в туман. На обочине дороги, рядом с машиной, стояла неподвижная фигура. Марка автомобиля, как отметил Эмберли, «остин-семь» с закрытым кузовом. Мотор не работал, были включены лишь боковые и задние габаритные огни. Мистер Эмберли сбросил скорость и обнаружил, что неподвижная фигура на обочине оказалась женщиной – в дождевике с поясом и низко надвинутой на лоб фетровой шляпе.

Он остановил «бентли» рядом с маленьким «остином» и перегнулся через пассажирское сиденье.

– Что-то случилось? – спросил он без особой, впрочем, заинтересованности в голосе. Мало того, что сбился с пути, так не дай Бог придется кого-то подвозить или торчать здесь, заглядывая во внутренности «остина» в попытке обнаружить неисправность.

Девушка – он скорее догадался, чем увидел, что она очень молода – не сдвинулась с

места. Так и осталась стоять возле задней дверцы «остина», засунув руки в карманы плаща.

– Нет, ничего, – ответила она довольно низким голосом.

Мистер Эмберли почувствовал нотку раздражения в ее тоне, но у него не было ни малейшего желания допытываться, чем оно вызвано.

– Тогда, может, подскажите мне, правильно ли я еду в Грейторн?

– Не знаю, – последовал короткий и не слишком вежливый ответ.

Мистеру Эмберли показалось, что при этом на лице девушки появилась сардоническая усмешка.

– Вы, видно, и сами не из этих краев?

Она слегка повернула голову в его сторону, и мистер Эмберли более явственно увидел ее лицо: узкий овал, злые губы.

– Почему же? Из этих. Практически. Вот только никогда не слышала о Грейторне. Добрая ночи.

Ответ недвусмысленный, однако мистер Эмберли решил его проигнорировать. Его собственные манеры, по словам близких, тоже не отличались особой любезностью, и резкость девушки ему даже импонировала.

– Тогда, может, поднапряжетесь немного и вспомните: как проехать в Верхний Неттлфолд?

Поля ее шляпы отбрасывали тень на верхнюю часть лица, однако он был уверен: глаза девушки гневно сверкнули.

– Примерно за милю до этого места вам следовало свернуть влево, – бросила она.

– Вот черт! Спасибо. – Мистер Эмберли сел в машину и выжал сцепление.

Развернуться на этой узкой дорожке было не просто. Он обогнул «остин» и начал маневр. Пришлось попотеть, но все же в конце концов тяжелый «бентли» развернулся, и теперь его фары освещали девушку и «остин» двумя яркими лучами. Она вздрогнула, как только свет ударил ей прямо в глаза. И мистер Эмберли успел – теперь очень отчетливо – разглядеть ее лицо всего за долю секунды до того, как она отвернулась, бледное, как мел.

И, вместо того чтобы проехать мимо и двигаться дальше, он так и застыл на месте. Фары целиком освещали маленькую машину, и кое-что ему показалось странным. В лобовом стекле виднелась маленькая дырочка, от нее в форме звезды разбежались трещины. Мистер Эмберли перегнулся через рулевое колесо и всем телом подался вперед, всматриваясь в салон авто.

– Кто у вас в машине? – резко спросил он.

Девушка метнулась к «остину» и загородила собой лобовое стекло от чрезмерно любопытного взгляда мистера Эмберли.

– А вам-то что за дело? Я же объяснила, как проехать в Неттлфолд. Вот и поезжайте!

Мистер Эмберли поставил машину на ручной тормоз. Затем вышел из салона и направился к девушке. Приблизившись к ней, он заметил, что она очень хорошенькая – впрочем, этот факт мало интересовал его – и страшно нервничает. А вот этот факт лишь усилил подозрения мистера Эмберли.

– Что-то ваш попутчик не слишком разговорчив, – мрачно заметил он. – А ну, отойти от машины!

Она не сдвинулась с места, но здорово испугалась: сразу было видно.

– Пожалуйста, уезжайте! Не ваше это дело, и нечего приставать ко мне с расспросами!

Он резко схватил девушку за запястье, довольно грубо отдернул ее в сторону от машины и заглянул в салон. И увидел на водительском сиденье мужчину – странно неподвижного. Голова низко опущена на грудь. Он не поднял глаз и не заговорил.

– О! – протянул мистер Эмберли. – Все ясно.

– Оставьте меня в покое! – взвизгнула девушка. – Я... не... это не я сделала!

Он продолжал удерживать ее за руку и не сводил глаз с мертвеца. Карманы темного пиджачного костюма вывернуты, точно кто-то по ним шарил; полосатая рубашка в мелких красных брызгах, на жилете расплывается большое темное пятно.

Мистер Эмберли запустил свободную руку в машину, потрогал мужчину за плечо. Никакой реакции.

– Еще не закоченел. И так?..

– Если думаете, что это моих рук дело, то ошибаетесь. Я нашла его уже в таком виде. Говорю же вам, когда это случилось, меня и близко не было!

Мистер Эмберли провел рукой по ее плащу, пытаясь нащупать оружие. Девушка начала было вырываться, но вскоре поняла, что это бесполезно – он держал ее за руку мертвой хваткой. И вот в правом кармане пальцы мистера Эмберли нащупали что-то твердое. Он бесцеремонно извлек оттуда маленький автоматический пистолет.

На какое-то мгновение она, казалось, окаменела. А потом дрожащим от ненависти голосом пробормотала:

– Если возьмете на себя труд проверить, убедитесь, что он заряжен полностью. В магазине семь патронов. Все на месте. И оружие даже не снято с предохранителя.

– Вы всегда носите с собой заряженные пистолеты?

– Не ваше дело.

– Несомненно.

Он, осторожно приподняв пистолет, понюхал кончик ствола. А потом отпустил ее руку и вынул магазин. Девушка сказала правду: все семь патронов были на месте. Мистер Эмберли оттянул затвор, убедился, что в казеннике пусто. Затем с щелчком вставил магазин на место и протянул оружие девушке.

Она как-то неуверенно взяла его.

– Спасибо. Теперь убедились, что это не я?

– Полностью убедился в том, что убили мужчину не из этого пистолета. Возможно, вы в него действительно не стреляли, но кое-что знаете о данном происшествии.

– Ошибаетесь. Ничего я не знаю. Он уже был... в таком виде, когда я его нашла.

– Мертв?

– Нет... то есть да.

– Так вы определитесь: да или нет, – посоветовал мистер Эмберли.

– Черт побери, оставьте меня в покое! – вспыхнула она. – Неужели не видно, как я расстроена и просто не соображаю, что говорю?

Он окинул ее холодным цепким взглядом.

– Раз так ставите вопрос, то ответ будет «нет». Я не могу оставить вас в покое. К тому же вы наделены нешуточным самообладанием, это я сразу заметил. Давайте выкладываете! Так был этот человек мертв, когда вы его нашли?

Девушка ответила не сразу – видно, обдумывала, что лучше сказать. Гнев и испуг, казалось, покинули ее, в глазах читались лишь холод и усталость.

– Нет, – ответила она после паузы. – Я просто подумала, что мужчина мертв.

– А с чего потом вдруг передумали?

– Он что-то сказал! – выпалила она.

– Вот как? И что же именно?

– Не знаю. Я не разобрала.

– Лжец из вас никудышный. Наверное, вам просто не пришлось в голову оказать этому человеку первую помощь?

– Я пыталась остановить кровотечение. – Она разжала правую ладонь и показала скомканный носовой платок, пропитанный кровью. – Но потом поняла: бесполезно. Он умер вскоре после того, как я здесь оказалась.

– И вам не пришлось в голову остановить мою машину и попросить о помощи?

Она прикусила нижнюю губу, снова метнула в его сторону гневный взгляд.

– А что толку? Вы бы подумали, что это я его убила!

– А вы, на мой взгляд, весьма хладнокровное создание, верно?

– Можете думать что угодно. Мне все равно.

– Ошибаетесь. То, что я думаю, очень и очень вас интересует. А ну подойдите-ка сюда

на минутку. – И мистер Эмберли схватил ее за руку чуть ниже локтя и подтолкнул к «остину». – Не загораживайте мне свет! – сердито бросил он и снова заглянул в салон. – Это вы обыскивали его карманы?

– Нет.

– Но кто-то все же обыскал. – Он сунул руку в окошко, прошелся по карманам одежды убитого. – Ни блокнота, ни записной книжки. – Мистер Эмберли выпрямился и снова отпустил руку девушки. – Черт! – Он принялся вытирать кровь с пальцев.

– Я... мне что-то нехорошо, – пробормотала девушка.

Мистер Эмберли приподнял бровь:

– Ничуть не удивлен.

Она уселась на подножку автомобиля, низко опустила голову. Мистер Эмберли продолжал вытирать пальцы носовым платком и, хмурясь, смотрел на нее. Наконец девушка встала.

– Все прошло, я в порядке. Что собираетесь делать?

– Сообщить в полицию.

Она подняла на него испуганные глаза:

– Обо мне?

– Возможно.

Девушка нервно потерла ладони. А потом с горечью произнесла:

– Если считаете, что я это сделала, зачем тогда отдали мне пистолет? Я ведь и вас запросто могу пристрелить.

– Не думаю. Но мне бы очень хотелось знать, что делали вы здесь в этот час и зачем носите при себе оружие.

Она молчала.

После небольшой паузы он заметил:

– А вы, смотрю, не очень-то общительны, верно?

– А я что, должна отвечать на все ваши вопросы? Вы же не полицейский.

– Да, вам повезло, что я не полицейский. А платочек ваш окровавленный советую сжечь. – Он развернулся и направился к своей машине.

Девушка неуверенно спросила:

– Так вы меня отпускаете?

Он открыл дверцу «бентли».

– Я не полицейский, – бросил мистер Эмберли через плечо.

– И все-таки... почему? – не отставала она.

Он сел в машину, захлопнул дверцу.

– Если вы сделали это, тогда вы просто набитая дура. И полиции не составит труда разыскать вас и без моей помощи. Всего хорошего.

Машина рванула вперед.

Девушка стояла рядом с «остинком» и, растерянно моргая, провожала глазами «бентли» до тех пор, пока его задние огни не скрылись за поворотом.

Затем нащупала в кармане фонарик, вынула его. Включила и повернулась к машине. Кровь перестала вытекать из раны мертвеца и уже начала сворачиваться в холодном вечернем воздухе. Девушка осторожно запустила руку в открытое окно и принялась ощупывать внешние карманы на одежде убитого. В одном обнаружили кيسет с дешевым табаком и курительная трубка, в другом – коробок спичек. Она пыталась добраться до карманов брюк, но сделать это было невозможно, не передвинув труп. Дрожа всем телом, она убрала руку и оглядела заброшенную дорогу.

Туман по-прежнему висел над ней клочьями, продолжая сгущаться. Луч фонаря упал на землю возле ее ног, и девушка увидела свой носовой платок, он лежал там, где она его уронила. Девушка подняла его, мокрый от крови, крепко сжала в ладони.

В свете фонаря пелена тумана казалась сплошной серой стеной, но вблизи дорогу и

канаву вдоль нее было видно. И девушка зашагала по дороге по направлению к Паттингли. На вершине небольшого холма, на который ей пришлось подняться, тумана было меньше, лишь у самой земли струились полосы белого дыма, и впереди, в нескольких ярдах от нее, виднелась прогалина в живой изгороди. От нее через поля вилась тропинка, уходящая на восток. Девушка быстро зашагала по ней. Тропинка привела ее к еще одной изгороди, затем прорезала небольшую березовую рощицу, потом снова начались поля, и впереди показались мерцающие огоньки Верхнего Неттлфолда.

Тропа поворачивала на север, к деревне, но девушка двинулась по другой дорожке, к югу, прошагала по ней примерно пятьсот ярдов и вышла на сильно разбитую телегами и машинами грунтовку. Табличка на покосившемся столбе возвещала о приближении к дому с весьма романтическим названием коттедж «Плющ», два эти слова были выведены кривыми буквами; впереди уже виднелись белые ворота.

Девушка отворила их и зашагала по выложенной камнями дорожке к двери. Та оказалась не заперта, и она вошла в дом. Почти сразу от входа начиналась крутая лестница, которая вела на второй этаж. По обе стороны небольшой прихожей – двери: одна открывалась на кухню, вторая – в гостиную.

Последняя была распахнута настежь. Девушка встала на пороге, прислонившись плечом к стене. И не сводила черных печальных глаз с единственного обитателя этой комнаты, молодого человека, который, развалившись на стуле у стола, сонно и тупо моргая, смотрел на нее.

– Что, еще не протрезвел? – сердито спросила она.

Молодой человек поднялся и попытался задвинуть стул.

– Я в порядке, – с трудом ворочая языком, пробормотал он. – А где... где ты была?

Она вошла в гостиную и захлопнула за собой дверь. С грохотом. Молодой человек вздрогнул.

– Господи, да меня от тебя просто тошнит! – с горечью произнесла девушка. – Где я была? Ты прекрасно знаешь, где я была! Ты превратился в ничтожество, Марк! Жалкая пьяная свинья!

– Заткнись! – Он, пошатываясь, побрел мимо нее к двери.

Она услышала, как Марк добрался до раковины на кухне и пустил воду – наверное, льет ее себе на голову, догадалась она. Улыбнулась краешками губ. Затем сняла шляпу, бросила ее на стул и погасила масляную лампу, которая сильно коптила.

Марк вернулся в гостиную. Ему было стыдно, он избегал смотреть ей в глаза.

– Прости, Ширли, – тихо пробормотал он. – Сам не понимаю, как это случилось. Клянусь, выпил самое большее две рюмки, ну от силы три. Да я вообще не собирался идти в этот чертов паб, но этот парень, фермер, как его там...

– Да какая разница?! – нетерпеливо перебила она. – Не можешь обойтись без выпивки даже один день. Хотя прекрасно знал, что должен сделать.

– Умоляю, не брани меня, Ширли! – устало взмолился он. – Ладно, ладно. Сам знаю, что свинья. И не стоит лишний раз напоминать мне об этом. Должен был встретиться с тем парнем, верно? Ну и подумал, что ты пошла вместо меня.

Она достала из кармана пистолет, выложила его на стол и принялась расстегивать дождевик.

– Да, пошла я.

– И ничего тут такого, верно? Я всегда говорил, это был просто розыгрыш. Но ты заставила меня приехать в эту дыру, заставила жить в этом вонючем, продуваемом всеми сквозняками домишке, и все в погоне за какими-то призраками, по ложному следу... – Тут его взгляд упал на дождевик. – Бог ты мой, Ширли... А это что такое? – хрипло пробормотал он.

Она сняла плащ.

– Кровь. Теперь придется его сжечь.

Он побледнел, вцепился пальцами в край стола.

– Что... произошло? – с трудом выдавил он. – Ты ведь не хочешь сказать... Ты не стреляла в него, нет?

– Не пришлось. Он уже был мертв.

– Мертв? – потрясенно переспросил Марк. – Как это мертв, что ты имеешь в виду?

– Его застрелили. Так что, как видишь, то был вовсе не ложный след.

Он опустил в кресло, не сводя с нее глаз.

– Господи, – пробормотал Марк. Потом сделал над собой усилие, постарался взять себя в руки. – Но кто это сделал?

– Откуда мне знать? Одно совершенно очевидно: его обыскивали. Все карманы вывернуты, так что тот, кто это сделал, знал о нашей встрече. Однако найти ему ничего не удалось.

– Откуда ты знаешь?

– Да потому, что при нем этого не было. Он успел мне шепнуть прямо перед смертью. Струхнул, наверное, в самый последний момент, побоялся взять с собой.

Молодой человек неуклюже похлопал ее по руке.

– Прости, сестренка. Должно быть, это было ужасно. Бедная моя!

– Все нормально, – жестко заметила она. – Я в порядке. Хотя досадно, конечно.

– Досадно? Мягко сказано! Так получается, мы с тобой как были нищими, так и остались. Если, конечно, та вещица вообще существует. А раз этого парня пристрелили, то, похоже, так оно и есть.

Она окинула его снисходительным взглядом.

– Конечно, существует. И я точно знаю, где она находится. Он сам мне сказал.

– Он тебе сказал? – Марк всем телом подался вперед. – Где?

– Так я тебе и сказала, дожидайся! – презрительно бросила Ширли. – Чтобы ты выболтал при первом же удобном случае, как только напьешься.

Он покраснел.

– Черт побери, это же и мое дело, верно?

– Да, дело твое, – звенящим от злобы голосом произнесла она. – Однако проворачивать его ты отправил меня. Ладно, я пошла, но теперь держись от этого дела подальше. Понял?

Физиономия у него так и вытянулась, однако он упрямо произнес:

– Ты девчонка. И не сможешь все сама провернуть. Господи, до чего ж мне не нравится это убийство!

– А тебе и не должно нравиться. И чтоб не смел об этом трепаться! – Затем выражение ее лица немного смягчилось. – Послушай, Марк, ради всего святого, брось пить, хотя бы на время! Нам нужно собрать все силы и волю, чтобы проверить это дельце, а что от тебя толку, если не просыхаешь по полдня?

– Ладно, – пробормотал он и отвернулся. – Если честно, сегодня-то была не моя вина. Я вообще не собирался заглядывать в этот паб. Но...

– Знаю, – нетерпеливо бросила она. – Но ты встретил приятеля, и тот тебя просто не отпустил. Слыхали мы такое и прежде. Старая песня.

Глава вторая

Фрэнк Эмберли проехал совсем недолго и вскоре оказался в Верхнем Неттлфолде, небольшом городке примерно в десяти милях от Карчестера. Его охватило раздражение, которое все более нарастало: ведь если б он не пропустил левый поворот с дороги на Паттингли, то не только мог бы не опоздать к обеду в Грейторне, но и избежал бы встречи с неизвестной девицей, не стал бы свидетелем ужасного и могущего принести нешуточные неприятности происшествия.

«И вообще, какого черта я ее отпустил?» – в который уже раз спрашивал он себя.

Но ответа на него не было. Фрэнк нахмурился.

– Вот дурак! – тихо пробормотал он себе под нос.

Мистер Эмберли действительно не понимал, что заставило его оставить эту девицу на дороге и уехать. Он не был влюбчив, и не сказать, чтобы незнакомка ему так уж понравилась. Наглая, лживая девка! Но очевидно: к этому убийству она никакого отношения не имеет. И все равно – следовало отвезти ее в полицейский участок. Пусть она не стреляла в того несчастного мужчину, но определенно что-то знает. Уж это ясно как день, тем более ему, Фрэнку Эмберли, который сталкивается с убийствами чуть ли не каждый рабочий день в году. Но, если б он сдал ее полиции, каковы были бы ее шансы? Перспектива вырисовывалась мрачноватая. Подсобрать еще немного улик (а он не сомневался, их найдется предостаточно), и получилось бы дельце – пальчики оближешь, сразу можно передавать прокурору.

Но ведь это не его проблема. Да и вообще, почему данный эпизод должен его так волновать? Впрочем, если не соблюдать осторожность, Фрэнк может оказаться в положении соучастника, это факт. И все из-за чего? Он и сам не понимал.

Эмберли въехал в Верхний Неттлфолд и направился прямо к полицейскому участку, старинному зданию красного кирпича, расположенному на Рыночной площади. Там он увидел молодого констебля, тот сидел, прижимая к уху телефонную трубку, с выражением крайней скуки на физиономии. Констебль без всякого интереса взглянул на мистера Эмберли, затем бросил в микрофон, что пока еще ничего неизвестно, но он делает все, что в его силах. После этого он какое-то время слушал, что ему говорят, потом повторил свою предыдущую ремарку и повесил наконец трубку на рычаг.

– Да, сэр? – буркнул констебль и что-то записал на лежащем перед ним листке бумаги.

– Сержант Губбинс на месте? – спросил мистер Эмберли, деловито набивая трубку.

Полицейский ответил утвердительно.

– Хочу его повидать. – Мистер Эмберли чиркнул спичкой.

Констебль окинул его неодобрительным взглядом, который остановился на трубке.

– И как можно скорее, – добавил мистер Эмберли.

– Ну не знаю, сэр, – неопределенно протянул констебль.

– Я должен переговорить с сержантом.

Констебль поднялся и вышел, мистер Эмберли подошел к стене и стал разглядывать афишу, обещавшую разнообразные радостные сюрпризы тем, кто купит билет на ежегодный концерт для полиции.

На двери в конце помещения крупными буквами на стекле с изморосью было выведено строгое: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Открыл ее плотный мужчина с агрессивно торчащими кончиками усов и красной физиономией.

– Да, сэр, чем могу помочь? – осведомился он строгим, хорошо поставленным голосом, способным вселить трепет в сердца всех правонарушителей.

Эмберли обернулся:

– Добрый вечер, сержант.

– Кого я вижу! Мистер Эмберли, сэр! – радостно воскликнул сержант. – Не видел вас в наших краях вот уже с полгода, никак не меньше. Надеюсь, вы в добром здравии? Чем могу помочь, сэр?

– О нет, мне ничем. Но, думаю, вам будет небезынтересно узнать, что на дороге в Паттингли обнаружен мертвец.

Констебль, уже вернувшийся на свое место, услышав эту новость, тихо ахнул, но сержант воспринял ее спокойно.

– Ничего себе шуточки, сэр, – улыбнулся он.

– Я не шучу. И посоветовал бы вам послать туда кого-то из своих людей. Если понадобится, можете найти меня в Грейторне.

Улыбка тотчас померкла на лице сержанта:

– Так вы это серьезно, сэр?

– Вполне. Мужчина сидит в «остине-семь», убит выстрелом в грудь. Жуткое, доложу вам, зрелище.

– Убийство! – воскликнул сержант. – Господи Иисусе! Так, сэр, погодите минутку. Где, вы сказали, его нашли?

Мистер Эмберли подошел к столу и попросил листок бумаги. Получив желаемое, он начертил приблизительный план.

– Где находится это чертово местечко под названием Паттингли, я понятия не имею, но машина стоит приблизительно вот в этой точке, примерно в миле от поворота на Верхний Неттлфолд. Я остановился спросить, как проехать в Грейторн, а потом увидел – парень мертв. По всей вероятности, убит. Я бы поехал с вами, но уже на час опаздываю на обед.

– Ничего страшного, сэр. Вы ведь пробудете в Грейторне денек или два, я правильно понимаю? Проведем расследование; впрочем, вам это и так понятно. Соедините меня с Карчестером, Уилкинс. А вы, сэр, ничего необычного там не заметили? Никого не встретили на дороге?

– Нет. Стоял страшный туман. Труп еще и остыть не успел, я его потрогал, если, конечно, это для вас важно. Доброй ночи.

– Доброй ночи, сэр. И огромное вам спасибо.

Констебль поднес сержанту телефон и, пока Губбинс докладывал в вышестоящую инстанцию, стоял, потирая подбородок и глядя на дверь, за которой скрылся мистер Эмберли. А как только сержант повесил трубку на рычаг, заметил:

– Станный какой-то посетитель, уж больно спокойный.

– Это мистер Фрэнк Эмберли, племянник сэра Хамфри, – пояснил Губбинс. – Очень умный молодой человек, доложу я тебе.

– Входит сюда как ни в чем не бывало; не моргнув глазом сообщает о мертвце на дороге, точно покойники раскиданы тут повсюду, как колокольчики на лугу, – неодобрительно заметил констебль.

– Да они для него и есть все равно, что колокольчики, – строго сказал сержант. – Если бы ты, друг мой, читал газеты, то знал бы о нем все. Он барристер. Сделал очень даже неплохую карьеру. Далеко пошел.

– По мне, так не очень далеко, – сердито заметил констебль. – И вообще, не понравился он мне.

– Пришли мне Харпера и прекрати болтать ерунду! Многим не нравится мистер Эмберли, но лично ему на это плевать.

Тем временем машина Фрэнка Эмберли на полной скорости мчалась по направлению к Хай-стрит. Отсюда, из Верхнего Неттлфолда, он уже прекрасно знал дорогу и менее чем за десять минут доехал до Грейторна, солидного каменного особняка, расположенного на землях, что под уклон сбегали к реке Неттл.

В холле его встретила кузина, подвижная, озорная девица восемнадцати лет, и сразу же поинтересовалась, в чем причина задержки.

Фрэнк снял пальто и окинул мисс Мэттьюз испепеляющим взглядом.

– Это все твой «короткий путь», – с упреком заметил он.

Фелисити захихикала:

– Ну и осел же ты, Фрэнк! Что, заблудился?

– Не то слово. – Он обернулся, в холл вошла тетушка. – Прошу прощения, тетя Мэрион. Это не моя вина. Что, сильно опоздал к обеду?

Леди Мэттьюз обняла его и рассеянно ответила:

– Фрэнк, дорогой! Опоздал, причем безнадежно. А у нас подавали сырное суфле. Дорогая, скажи кому-нибудь, что Фрэнк приехал. О, а вот и Дженкинс! Дженкинс, мистер Эмберли прибыл.

Она одарила племянника чарующей улыбкой и проплыла в гостиную. Эмберли крикнул ей вслед:

– Тетя Мэрион, мне обязательно переодеваться?!

– Переодеваться, дорогой? Нет, не надо. Надеюсь, багаж свой не потерял?

– Не потерял. Но уже десятый час.

– Просто ужас, дорогой. Мы так волновались; думали, несчастный случай. Фелисити вцепилась в рукав кузена.

– Но Фрэнк! Не мог же ты блуждать где-то битый час! Сознawайся! Наверное, просто выехал поздно?

– Не мучай меня, Фелисити, маленькая зверушка. Пусти. Я должен умыться с дороги.

Минут через пять он снова спустился вниз и вместе с Фелисити направился в обеденный зал. Пока он ел, кузина сидела, уперев локти в стол и положив на ладони подбородок.

– Бал состоится в среду, – объявила она.

Фрэнк тихо застонал.

– Ты не забыл маскарадный костюм?

– Не забыл.

– Что за костюм? – Фелисити так и сгорала от любопытства.

– Мефистофеля. Подходит моему типу внешности.

– Вообще-то я ничего не имею против, но я собираюсь одеться пуховкой для пудреницы. И тогда мы с тобой совсем не сочетаемся.

– Боже упаси! Пуховкой от пудреницы! Послушай, что это вообще за бал, по какому случаю и где?

Она удивленно округлила и без того большие карие глаза.

– Господи! Но разве мама тебе не сообщала в письме?

Он рассмеялся:

– Все письма тети Мэрион похожи на ее разговоры, самое главное обычно опускается.

– Так вот бал будет в особняке Нортон. В честь помолвки Джоан.

– Джоан?

– Ну ты же помнишь. Джоан Фонтейн. Ты же видел ее здесь, у нас.

– А, такая светленькая, с большими глазами. А жених кто?

– О, сущий ангел! Зовут Кокрейн. И у него вроде бы просто куча денег. Как бы там ни было, но они помолвлены, и бал устраивается в честь этого события.

– погоди минутку. Кокрейн – это имя или фамилия парня?

– Кокрейн? Тони. А что?

Фрэнк приподнял брови:

– Старина Коркс! Да он в школе со мной учился.

– Как это мило с его стороны, – вежливо заметила мисс Мэттьюз.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий худощавый господин с седой шевелюрой.

Фрэнк поднялся из-за стола:

– Добрый вечер, дядя.

Сэр Хамфри протянул руку для рукопожатия:

– Ну-с, Фрэнк? Мне только сейчас сообщили, что ты прибыл. В чем причина задержки?

– В Фелисити, сэр. Она подсказала самый короткий путь из города. Но он таковым не оказался. Напротив.

– Так стало быть, великий мистер Эмберли заблудился! Чем выше заберешься, Фрэнк, тем больше падать.

– Боюсь, что вы, как всегда, правы, сэр.

– Да все дело в том, что выехал он позже! – вмешалась возмущенная Фелисити. – И не говори, Фрэнк, что ты был страшно занят, поскольку мне прекрасно известно, что ты... Чем там барристеры заняты летом, а, папа? У них перерыв в заседаниях, так, кажется, это называют. И да, папа, оказывается, наш Фрэнк знает молодого человека Джоан.

Увидев, что племянник заканчивает трапезу, сэр Хамфри пододвинул ему графин с

портером.

– Вот как? На редкость безмозглый молодой человек, такой лично я сделал вывод, зато из прекрасной семьи. И весь этот бал-маскарад, насколько я понял, устраивается, чтобы отметить помолвку. Фелисити очень дружна с мисс Фонтейн.

Мистеру Эмберли сразу стало очевидно, что эта дружба не встречает большого одобрения со стороны сэра Хамфри. Он порылся в памяти, пытаясь вспомнить хоть что-то о семействе Фонтейнов, но там было пусто.

Тут Фелисити позвали к телефону. Фрэнк расколочил орех, очистил его от кожуры.

– Все было не совсем так.

– Что не совсем так? – Сэр Хамфри подлил племяннику портера в бокал.

– Да то, что я заблудился. То есть заблудился, но не на целый час. Я... наткнулся на убийство.

– Господи, спаси мою грешную душу! – воскликнул сэр Хамфри и нащупал пенсне. Водрузил его на костистый нос и уставился на племянника с выражением крайнего удивления. – И кого же убили?

– Понятия не имею. Мужчина средних лет, одет вполне прилично. Кто он, сказать сложно. Возможно, странствующий коммивояжер. Ну что-то в этом роде. Сидел в «остин-семь» по дороге на Паттингли.

– Ай, ай, ай! – удрученно затряс головой сэр Хамфри. – Ужас! Просто кошмар какой-то! Без сомнения, то дело рук разбойников, орудующих на дорогах.

– Возможно, – уклончиво ответил его племянник.

– Думаю, тебе лучше не говорить об этом тете и кухне. Господи, до чего же неприятное известие! Убийство у самого нашего дома! Не знаю, куда катится мир.

Он все еще сокрушался, когда в гостиную вошла и присоединилась к ним леди Мэттьюз. И, когда жена мягко осведомилась, что же произошло и столь сильно его огорчило, сэр Хамфри принялся так яростно отрицать этот факт, что она тут же обратилась к Фрэнку с требованием выложить ей все как на духу.

У мистера Эмберли уже давно сложилось вполне определенное мнение о состоянии нервной системы тетушки, полностью противоположное мнению сэра Хамфри, а потому отмалчиваться он не стал.

– Ужасное происшествие, тетя. Я наткнулся на покойника. Точнее, убитого мужчину.

Леди Мэттьюз ничуть не встревожилась.

– Боже мой, Фрэнк! Надеюсь, не здесь?

– Нет. По дороге на Паттингли. Дядя считает, что убили мужчину разбойники.

– Только этого не хватало. Просто средневековое какое-то. И где? На Паттингли-роуд. Совершенно неподходящее место. Дорогой, тебе дали что-нибудь поесть?

– Да, спасибо. Прекрасный обед.

Сэр Хамфри, постоянно играющий роль заботливого мужа, нежно похлопал супругу по плечу.

– Ты не должна так расстраиваться, Мэрион.

– Конечно, нет, дорогой, с какой стати? Хотя бедный Фрэнк, наверное, очень удручен. Остается надеяться, что у нас здесь поблизости не орудует шайка отпетых преступников. Представляешь, какой кошмар, если наш шофер вдруг окажется предводителем бандитской шайки?

– Лудлоу?! – воскликнул потрясенный сэр Хамфри. – Но, любовь моя, Лудлоу служит у нас вот уже десять с лишним лет! С чего ты вдруг вообразила, что он может иметь отношение к этому ужасному происшествию?

– Уверена, что не имеет. И вообще считаю, что ничего подобного произойти не может. Но вот в этой книге, – она порылась в подушках на диване и извлекла оттуда роман в кричаще яркой обложке, – главарем шайки был именно шофер. И это удручает.

Сэр Хамфри снова нацепил пенсне и взял книгу.

– «И подкралась смерть», – прочел он вслух. – Скажи, дорогая, неужели подобные

книжонки действительно тебя занимают?

– Не слишком. Приятный во всех отношениях человек вдруг оказывается убийцей. Думаю, со стороны автора это просто нечестно, ведь все уже успели полюбить его героя. Скажи, Фрэнк, я не забыла написать, чтобы ты прихватил маскарадный костюм?

– Не забыли, тетя. А кто они такие, эти Фонтейны? Новые соседи?

– О нет, совсем даже не новые. Ты же наверняка помнишь старого мистера Фонтейна? Хотя нет, вряд ли, он никогда и никуда не ходил. К тому же он уже умер.

– Наверное, поэтому никуда и никогда не ходил? – невинно заметил Фрэнк.

– Ну что за глупости, дорогой. Да и потом, откуда мне точно знать, бывал он где-то или нет? Напомни, Хамфри, когда умер Джаспер Фонтейн?

– Года два тому назад, если мне не изменяет память. Может, даже больше.

– Думаю, не изменяет. Лично мне он никогда не нравился, хотя и виделись мы не часто, а наша Фелисити никогда особенно не стремилась подружиться с этой девушкой, хотя лично я ничего против нее не имею. Даже напротив – она очень славная. Но мне всегда не нравился этот Бэзил; боюсь, что так и останусь при своем мнении. Как поживает матушка, дорогой?

– Неплохо, передает вам привет. Однако не отвлекайтесь, тетя Мэрион. Кто такой этот Бэзил и почему вам не нравится?

Леди Мэттьюз подняла на Фрэнка глаза, улыбнулась:

– А тебе никогда не приходило в голову, что человек часто не понимает, почему ему кто-то нравится или нет?

Мистер Эмберли призадумался.

– Полагаю, я обычно отдаю себе в этом отчет, – произнес он после паузы.

– Ах, как это по-мужски! – вздохнула тетя. – Лично мне никогда не удавалось разобраться в таких вещах.

Сэр Хамфри, погружившийся в чтение вечерней газеты, оторвался от нее:

– Мэрион, дорогая, не стоит напускать таинственности относительно личности этого Фонтейна. Самый обычный человек. Не могу сказать, чтобы он был мне симпатичен, но, наверное, я просто старомоден... Фелисити, умоляю, затвори за собой дверь! Сквозняк страшнейший!

Фелисити бросилась закрывать дверь:

– Извините. Это все Джоан. Сегодня у нее такой торжественный день. Представляешь, мамочка? Привезли ее маскарадный костюм, а при нем счет. И Бэзил, как только увидел этот счет, закатил чудовищный скандал и сказал, что платить не будет. Можно подумать, что он от этого разорится! Джоан говорит, он всегда стонет и жалуется из-за малейшей траты, что абсурдно, ведь он буквально купается в деньгах!

Сэр Хамфри посмотрел на дочь поверх очков.

– Не советую потворствовать своей подружке и столь нелестно отзываться о ее родном брате, Фелисити, – строго заметил он.

– Но он всего лишь сводный брат, – упрямо возразила Фелисити. – И к тому же безнадежно старомоден. Однако Джоан все же удалось уговорить его насчет платья. Думаю, Бэзил утешается только одной мыслью, что ему больше не придется поддерживать ее материально.

– Так ты что же, все это время болтала с ней по телефону? – вмешался Фрэнк.

– Ну да, конечно! Почему бы нет? Кстати, Джоан говорит, что пыталась заставить Бэзила нарядиться Мефистофелем, поскольку они с Тони должны были выступить в ролях Маргариты и Фауста, но только он не согласился. Что ж, как бы там ни было, но все сложилось очень удачно. Я сказала ей, что приведу человека, которому куда как больше подходит роль Мефистофеля. Она страшно обрадовалась.

– Может, хватит говорить загадками? – заметил Фрэнк. – Уже начинает действовать на нервы. Кто такой этот Бэзил?

– Сводный брат Джоан, идиот!

– Это я понял. И он унаследовал все после кончины старого мистера Фонтейна, так?

– Ну да, конечно. Унаследовал все, когда старик Фонтейн отбросил коньки.
Сэр Хамфри снова оторвался от газеты и строго поправил дочь:
– Умер, моя дорогая.
– Да, хорошо, папочка. Умер. Он доводился мистеру Фонтейну племянником, а поскольку у мистера Фонтейна не было своих детей, стал наследником. Все очень просто.
– А вот и нет, – вмешалась ее мать. – У Джаспера Фонтейна были дети. Вернее, один. Сын. Скончался три года тому назад. Помню, как читала некролог в «Таймс».
Фелисити искренне удивилась:
– Первый раз слышу, что у него был сын. Ты уверена, мамочка?
– Совершенно уверена, дорогая. Молодой человек с непростым характером, он отправился в Южную Америку и...
– В Африку, дорогая, – поправил жену сэр Хамфри, не отрываясь от газеты.
– Разве, Хамфри? Хотя какая разница! Он был замешан в грандиозном скандале. Карточный долг или мошенничество, что-то в этом роде. И еще тот молодой человек пил, чем, возможно, и объясняются его сумасбродное поведение и пагубные привычки. Уж не знаю, чем бы все это кончилось и как далеко его завело. Но он умер.
– Наверное, пьянство парня и прикончило, – заметил Фрэнк. – И что же, этот ваш невозможный Бэзил тоже страдает... пагубными привычками?
– Насколько мне известно, нет, дорогой.
Сэр Хамфри отложил газету:
– В сегодняшних газетах нет ровным счетом ничего, кроме описаний самых отвратительных преступлений, – сердито заметил он. – Ну-с, молодые люди, как насчет партии в бридж?

* * *

На следующий день Фелисити по поручению матери собиралась за покупками в Верхний Неттлфолд и пригласила Фрэнка присоединиться. Его предложение поехать на машине было отвергнуто. Волка, сказала Фелисити, следует вывести на прогулку.

Волком звали немецкую овчарку Фелисити. Когда его привезли из питомника, он выражал свою преданность, прыгая вокруг хозяйки и громко облаивая всех и каждого, кто находился в радиусе ста ярдов от места их прогулки. По опыту Фрэнк знал: воспитывать и обучать такого пса занятие не из легких. Волк не признавал дисциплины, его приходилось ловить за ошейник и удерживать при приближении любого транспортного средства. И еще у него была отвратительная манера вступать в схватку с каждой встречной собакой.

Как это обычно бывает по выходным, узкая главная улица городка была забита машинами, их владельцы предпочитали парковаться там, где им удобно. Волк обменялся бешеным лаем с эрделем, сидевшим в большой машине, и Фелисити, сразу же обратив на нее внимание, объявила, что это авто принадлежит Тони Кокрейну. Тут из кондитерской в сопровождении молодого человека вышла стройная светловолосая девушка.

– Да это же Джоан! – воскликнула Фелисити и бросилась через улицу.

Мистер Эмберли вскоре последовал за ней, оставив в одиночестве Волка, которого заинтересовала витрина мясной лавки.

– О, Фрэнк, – воскликнула Фелисити, когда он подошел, – можешь себе представить?! Джоан только что сказала: убили их дворецкого! Да, кстати, знакомьтесь, мой кузен Фрэнк Эмберли. А это Джоан. Фрэнк говорит, вы с ним знакомы, мистер Кокрейн. Но это просто ужасно, что произошло с Доусоном! А как и где именно это случилось? Просто кошмар какой-то, уму непостижимо, – торопливо добавила она.

– Ваш дворецкий? – переспросил Фрэнк, высвободившись из сердечных объятий мистера Кокрейна. – О!

– Жуткая история, не правда ли? – заметил Энтони, обаятельно простодушный молодой

человек. – То есть я хотел сказать, только что этот человек напоминал: «Вы не забыли свою клюшку для гольфа, сэр?», а в следующую секунду его убивают. – Он обращался к своему бывшему школьному другу с уважением, точно к некоему высшему существу. – Нет, конечно, понимаю, для ваших мозговитых и проницательных коллег адвокатов все это повседневная рутина, ничего не значащая, пусть и малоприятная мелочь. И однако же... ничего хорошего, знаете ли. Скверная история, это определено.

– Определено. – При этом Фрэнк лишь слегка нахмурился.

Кузина тотчас укорила его в отсутствии должного интереса к трагедии.

– Ничего подобного! – энергично возразил он. – Я очень даже заинтересован. Можно сказать, заинтригован. Расскажите, как это произошло, мисс Фонтейн.

– Ну, пока что нам известно совсем немного. Доусон работал только полдня, потом его отпустили, и он отправился куда-то в своем карликовом «остине». Бэзил держит эту машину для прислуги, поскольку наш особняк далеко от города и ни одной автобусной остановки поблизости. Мы вообще об этом ничего не знали, пока вдруг вчера поздним вечером не появился полицейский и не сказал Бэзилу, что на Паттингли-роуд нашли мертвого мужчину. И что в нем опознали нашего Доусона. Его застрелили. Ужасно. Просто кошмар... Он прослужил у нас целую вечность, просто представить не могу, кому понадобилось его убивать и за что. Бэзил страшно огорчен.

– Так значит, он ваш старый слуга?

– О да, – ответил Энтони. – Настоящее ископаемое. Теперь таких не бывает. Исполнитель просто невероятно. Ну и всегда мрачен, как туча.

Джоан содрогнулась:

– Ужасно... Мне страшно жаль, что это произошло. Хотя на самом деле Доусон прослужил у нас не так уж и долго. Мы взяли его и Коллинза после смерти дяди Джаспера, но все равно это просто чудовищная история. И мне кажется, как-то неловко, даже неприлично устраивать в среду бал.

– Это верно, конечно. Но с другой стороны, дорогая, не можем же мы сидеть и скорбеть вечно, – пожал плечами ее жених. – Должен сказать вам, друг мой, этот братец Бэзил уже начал действовать мне на нервы. Нет, я понимаю, произошло несчастье и все такое, но ведь не лучшего же друга он потерял, в самом-то деле!

– Дело совсем не в том, дорогой, – тактично возразила ему Джоан. – Я все пытаюсь объяснить тебе, что это вызвано отношением Бэзила к мертвецам вообще. Он их просто не выносит. А ты считаешь его бессердечным и грубым мужланом лишь потому, что таковым он выглядит внешне, но это на самом деле не так. Он очень чувствительный человек.

– Ах, оставь, ерунда все это! – махнул рукой Энтони. – Он ведь стреляет и ездит на охоту, разве нет?

– Да, но его удручает сам вид погибшего существа, и готова побиться об заклад, что во время охоты ты ни разу не видел, как он поднимает с земли птиц, которых сам же и подстрелил. Только смотри, никому не говори об этом, иначе Бэзил страшно рассердится. Он даже отказался похоронить щенков Дженни, когда я попросила. Не пожелал к ним прикасаться.

– И все равно, лично мне кажется, весь этот траур – явный перебор.

Джоан промолчала и выглядела огорченно.

Фелисити поспешила исправить ситуацию:

– Да, не слишком весело, когда у тебя вдруг убивают дворецкого... – Тут ее отвлекла какая-то возня посреди дороги. – О Господи! Волк!

Волк, выбежавший из лавки мясника, столкнулся с бультерьером. Между ними моментально возникла антипатия, и после недолгой прелюдии они сцепились в яростной схватке. Какая-то девушка бросилась к собакам и пыталась поймать и оттащить бультерьера. К ней тут же присоединился мистер Эмберли, ухватив Волка за загривок. Руки девушки сжимали бультерьера за горло.

– Держите свою собаку! – задыхаясь, произнесла она. – Иначе я просто задушу Билла.

Другого выхода нет!

Мистер Эмберли поднял на нее глаза, но лица так и не увидел: девушка склонилась над дерущимися собаками.

Бультерьер вцепился в своего противника мертвой хваткой, но наконец его хозяйке удалось пережать псу горло, и он отпустил овчарку. Мистер Эмберли тут же оттащил Волка в сторону и удерживал его.

Девушка прицепила к ошейнику своего питомца поводок и наконец-то подняла голову.

– Это все ваша собака... – начала она и тут же осеклась. И даже слегка побледнела.

– Так оно и есть, – холодно заметил Фрэнк. – Однако не думаю, что ваш пес сильно пострадал.

Девушка опустила глаза:

– Нет. – И уже собралась уходить, как вдруг к ней подбежала Фелисити.

– Простите меня ради Бога! – запричитала мисс Мэттьюз. – Мне не следовало спускать его с поводка. Надеюсь, он не поранил вашу собачку?

Девушка мрачно улыбнулась:

– Скорее наоборот.

Фелисити рассматривала незнакомку с доброжелательным интересом:

– Скажите, а вы случайно не та девушка, что живет в коттедже «Плющ»?

– Да, мы с братом поселились там недавно. Сняли дом с мебелировкой.

– И надолго? Вы Ширли Браун, я не ошиблась? Позвольте представиться, Фелисити Мэттьюз. А это мой кузен, Фрэнк Эмберли.

Мисс Браун слегка кивнула, но по-прежнему избегала смотреть на мистера Эмберли.

– Мне страшно хотелось с вами познакомиться, – не отставала Фелисити. – Я даже рада, что так все произошло. Ведь в этом забытом Богом месте не так уж много молодежи. Вы знакомы с мисс Фонтейн?

Девушка покачала головой:

– Нет. Я вообще крайне редко выхожу из дома. Мой брат... он, видите ли, в некотором роде инвалид.

– О, как это ужасно! – сочувственно воскликнула Фелисити. – Джоан, познакомься. Это мисс Браун. Представляешь, это она живет в коттедже «Плющ».

– Послушайте, милые дамы, – вмешался Фрэнк, – может, нам все же не стоит препятствовать движению?

Только тут Фелисити заметила раздраженного водителя, который бешено жал на клаксон. И повлекла упирающуюся мисс Браун к тротуару.

– Слышали новости? – спросила она. – Убили дворецкого Фонтейнов. Ужасно, не правда ли?

– Нет, не слышала. А вы уверены, что он был убит?

– Ему выстрелили прямо в грудь, – осторожно вставил мистер Эмберли. – Сам он в этот момент сидел за рулем «остина-семь».

– Вот так, – пробормотала Ширли.

Мистер Кокрейн не мог скрыть удивления:

– Да, все именно так. Но тебе-то, Фрэнк, откуда это известно?

– Да я его и нашел.

Слова мистера Эмберли прозвучали как гром среди ясного неба, однако стоявшая рядом с ним темноволосая девушка не выказала ни недоверия, ни удивления. Держалась она несколько напряженно, но ее глаза, перебегающие с встревоженного лица Джоан на любопытное личико Фелисити, казались абсолютно равнодушными.

– Полагаю, – начал мистер Эмберли, предвидя ураган готовых обрушиться на него вопросов, – вы бы рано или поздно все равно об этом узнали.

– Ну скорее же, Фрэнк, расскажи, что произошло! – возбужденно воскликнула Фелисити.

Он окинул ее насмешливым взглядом:

– Предпочитаю приберечь свои показания для расследования, милая.

Ширли Браун напряглась еще больше. И насмешливо выпалила:

– Всю правду, и ничего, кроме правды, так, что ли?

– А вы, как я посмотрю, хорошо знакомы с этой процедурой, – заметил мистер Эмберли.

Она ответила ему выразительным взглядом, но промолчала.

Обе собаки, все это время издававшие тихое, но грозное рычание, вновь попытались перейти к решительным действиям, вцепиться друг другу в горло.

Ширли обернула поводок бультерьера вокруг ладони и отошла на шаг-другой.

– Не могу больше ждать, надо сделать кое-какие покупки. До свидания. – И она зашагала по улице.

Джоан проводила ее взглядом:

– Странная девушка!

– А по-моему, так довольно милая, – возразила ей Фелисити. – Послушайте, нельзя же торчать тут целую вечность! Мне нужно непременно зайти в «Томпсон» и еще в «Креветт». Джоан, ты со мной? А ты, Фрэнк, ради Бога, держи Волка крепче. Я всего минут на пять, не больше.

Оставшись вдвоем, мужчины начали прогуливаться по тротуару перед магазином.

– Хочу заметить, Эмберли, есть в убийстве Доусона нечто чертовски странное, – сказал Энтони.

– Только не надо сообщать об этом вслух всему городу, – строго заметил самый знаменитый лондонский барристер.

– Нет, серьезно, кому вообще понадобилось стрелять в дворецкого? Почтенный старый слуга, проработал в доме долгие десятилетия. Как-то в голове не укладывается. То есть я хотел сказать, есть множество других людей, прямо-таки напрашивающихся, чтобы их застрелили – гангстеры, министры, ну и так далее. Кто угодно, только не дворецкие. Зачем убивать дворецкого? В чем смысл?

– Понятия не имею, – задумчиво пробормотал Фрэнк.

– Нет никакого смысла, – торжественно заключил Энтони. – Вот почему вся эта история выглядит весьма подозрительно. И еще вот что я скажу тебе, Эмберли: интересно читать о всяких там загадочных убийствах в книжках, но в реальной жизни... пожалуй, нет. Так что советую тебе выбросить все это из головы.

– Так и сделаю.

– Да-а... – мрачно протянул Энтони. – Но, если ты находишься в особняке Нортон, ничего у тебя не получится. Все это место просто пропитано тайнами.

– Вот как? О чем это ты?

– Да я и сам толком не понимаю. Есть там нечто такое неуловимое, что нельзя пощупать пальцами, тем не менее оно существует. Ну взять хотя бы брата Бэзила. – Тут он понизил голос почти до интимного шепота. – Строго между нами, он человек никчемный. Я его просто видеть не могу. Так что положение у меня, сам понимаешь, не очень. Если б не Джоан, честно тебе говорю, ноги бы моей не было в Нортоне.

– Это из-за тайн или владельца особняка?

– И того, и другого. Причем заметь, я вовсе не хочу сказать, что сам дом какой-то не такой. Дело не в нем, а в людях, которые там обитают. Точно кошки, так и шныряют где-то там, в темноте. Только смотри, никому ни слова. Но точно тебе говорю, в Нортоне нельзя и шагу ступить без ощущения, что кто-то за тобой наблюдает. И это, знаешь ли, страшно действует на нервы.

– За тобой следили?

– Не знаю. Но я бы ничуть не удивился. У брата Бэзила есть камердинер, вечно выныривает словно из ниоткуда. Еще один старорежимный осколок. Если б его прикончили, ничего не имел бы против. Тип просто отвратительный. Джоан точно такого же мнения, но братец Бэзил просто обожает этого камердинера.

– Но что именно не так с братцем Бэзиллом?

– Что не так? Он из тех парней, кто пьет воду из ванны, в которой купается. Жаден до полного неприличия. Чертовски вспльчив, характер просто жуткий. Джоан немало от него натерпелась. И еще притвора, все время изображает *joie de vivre*¹, ну, ты понимаешь. Косит под своего парня, называет тебя стариной, хлопает по спине и все такое.

Фрэнк опустил ладонь большим пальцем вниз – известный жест римлян.

– Вот именно, – кивнул Кокрейн. – Так и знал, ты меня поймешь. Ну и еще одно обстоятельство...

Но он не успел объяснить, какое именно, потому как в этот момент из магазина вышли и присоседились к ним девушки.

Джоан Фонтейн закончила с покупками и засобиравшись домой. Пожимая руку Эмберли, сказала:

– Фелисити обещала, что придет к нам на обед. Надеюсь, вы тоже не откажетесь?

– Спасибо, с удовольствием, – ответил Эмберли к удивлению своей кузины.

Джоан с Кокрейном уехали, Фелисити выразила надежду, что кузен ее не передумает нанести визит в особняк.

– Я уже практически приняла приглашение. Просто пришлось, – пояснила она. – Очевидно, атмосфера в этом доме лишь ухудшилась после убийства. Бэзил страшно разнервничался, но Джоан говорит, ему всегда становится лучше, когда в доме гости. Я ужасно не хочу туда идти. – Фелисити окинула Фрэнка испытующим взглядом. – Но мне показалось, что тебе, наоборот, хочется.

– Так и есть, – кивнул мистер Эмберли.

Глава третья

Они добрались до Грейторна и увидели, что в гостиной их поджидает инспектор полиции из Карчестера. Он знал мистера Эмберли чуть ли не с детства и не скрывал того факта, что этот лондонский барристер ему крайне несимпатичен. Инспектор задавал Эмберли вопросы, выслушивал, презрительно фыркая, ответы и записывал что-то в блокнот. Затем сообщил Эмберли, что тот непременно должен быть на предварительных слушаниях, которые состоятся завтра в одиннадцать утра, и ретировался, уже перед самым уходом подчеркнув, что эти слушания вовсе не исключают появления новых вопросов к мистеру Эмберли, так что его могут побеспокоить снова.

Инспектор имел некоторые основания для подобных проявлений недружелюбия, ибо некогда ему довелось работать с мистером Эмберли по одному делу и тот добился полного оправдания подозреваемого. Инспектору такой исход событий, конечно, не понравился; и он публично заявил, что не желает больше видеть этого выскочку Эмберли никогда и ни при каких обстоятельствах.

Сэр Хамфри проявил крайнее неудовольствие тем, что в его доме обсуждаются детали и подробности убийства. И, чтобы лишний раз не попадаться ему на глаза, Фрэнк ушел днем играть с кузиной в теннис, а вечером повез ее на машине в особняк Нортон, находившийся в семи милях к востоку от Верхнего Неттлфолда и почти в трех – от Грейторна.

Особняк построили в начале восемнадцатого века. Красивый фасад был выложен серым камнем, остальные стены сделаны из красного кирпича. Здание стояло в небольшом парке, по территории которого протекала река Неттл, обрамленная по берегам плакучими ивами. Внутри дома располагались комнаты гармоничных пропорций, но обставленные слишком громоздкой мебелью, что свидетельствовало о плохом вкусе покойного мистера

---

¹ Радость жизни (фр.) – Здесь и далее примеч. пер.

Фонтейна.

Эмберли с кухней встретил среднего роста мужчина с плотно поджатыми губами – временно исполняющий должность погибшего дворецкого. Едва войдя в холл, Фелисити бросила:

– Добрый вечер, Коллинз.

Услышав это имя, Эмберли окинул слугу быстрым взглядом. Худощав, лицо отличает какая-то нездоровая бледность, глаза стыдливо опущены.

Фелисити заговорила с ним об убийстве Доусона, выражая свои соболезнования. Ей казалось, что раз этот человек проработал с дворецким несколько лет, то должен скорбеть о его кончине. И никак не ожидала нарваться на равнодушный ответ.

– Вы очень добры, мисс. Трагическое происшествие, как вы изволили выразиться. И, хотя я вовсе не желал ему такой смерти, должен сказать прямо: мы с Доусоном никогда не были друзьями.

С этими словами временный дворецкий направился к одной из дверей в холле, и растерянная Фелисити последовала за ним, на ходу представив ему своего кузена. Коллинз на миг взглянул на Эмберли. Холодные, ничего не выражающие глаза, но одновременно какие-то тревожно беспощадные, они тут же снова скрылись под тяжелыми веками. Лакей распахнул дверь и объявил о прибытии гостей.

У камина расположились Джоан с женихом и крупный мужчина с красивым румяным лицом. Эмберли представили ему, рукопожатие у красавца оказалось на удивление крепким. Похоже, Бэзил Фонтейн был очень рад гостям. Во всяком случае, он так и излучал радушие. Фрэнк попытался понять причину неприязни своего друга Кокрейна к этому мужчине. Фонтейн определенно был человеком добросердечным, но по всей видимости, крайне раздражительным, и для того, чтобы вывести его из себя, достаточно было малейшего пустяка. Он ежеминутно предлагал всем напитки, передвигал для удобства присутствующих кресла, добродушно и весело подтрунивал над Фелисити, но, когда Джоан помедлила исполнить его распоряжение – пересадить подругу поближе к камину, заговорил с сестрой крайне грубо, и стало ясно, что характер у этого мужчины не сахар.

Но гнев быстро улетучился, и Бэзил снова заулыбался:

– Вы ведь знакомы с Кокрейном, не так ли? – обратился он к Фрэнку. – Скоро Энтони станет членом нашей семьи. Впрочем, не сомневаюсь, он уже об этом вам сообщил. – И Фонтейн дружеским жестом опустил руку на плечо Кокрейна, который воспринял это без особого восторга.

Бэзил предложил Фрэнку сигары и сигареты, потом принес подушку и подложил под спину Фелисити. И лишь убедившись, что все гости удобно устроились, он затронул тему, отчасти объяснявшую причину его обходительности. Посмотрев на Эмберли, Фонтейн без всяких обиняков заявил:

– Я особенно рад тому обстоятельству, что именно вы пожаловали к нам сегодня с кухней. Ведь, насколько я понял, как раз вы нашли бедного Доусона.

– Да, нашел его я, но, боюсь, могу рассказать об этом происшествии не слишком много.

Фонтейн обрезал кончик сигары. Лицо у него было встревоженное; он вдруг стал похож на человека, пробудившегося от ночного кошмара, но еще находящегося под его впечатлением.

– Понимаю. Но его ведь застрелили, верно? И вы никого там не видели, ничего не нашли? Ну, я имею в виду, хоть какую-то зацепку?

– Нет. Ровным счетом ничего.

Джоан всем телом подалась вперед:

– Очень хотелось бы, чтобы вы рассказали нам все, что там видели. Полиция лишь оповестила нас об убийстве, никаких подробностей. А мы чувствуем свою ответственность, поскольку убитый был нашим слугой.

– Да, пожалуйста, расскажи все, что сможешь, и ни слова больше. – Энтони улыбнулся Джоан. – Не стоит так волноваться, дорогая. А лучше вообще не думать об этом.

– Нелегко, знаете ли, забыть об убийстве одного из своих слуг, – заметил Бэзил Кокрейну. – Вот вы воспринимаете это легко и просто, но Доусон не был вашим слугой. Более ужасного происшествия даже представить себе нельзя. – Он содрогнулся. – Никак не удается выбросить это из головы. Несчастливого лишили жизни так... хладнокровно! – Фонтейн, похоже, почувствовал на себе взгляд Эмберли, поднял на него глаза. – Считаете, я воспринимаю это слишком близко к сердцу? Возможно. Не отрицаю, для меня это страшный удар. – Он чиркнул спичкой, поднес к кончику сигары; Эмберли увидел, как дрожит язычок пламени. – И вообще не понимаю, как и почему это произошло, – нервно продолжил Фонтейн. – Полиция толкует о каких-то разбойниках, орудующих на дорогах. Разве его ограбили?

Кокрейн, косясь на бледное встревоженное лицо невесты, решил немного снять напряжение и развеселить присутствующих:

– Ограбили? Ну конечно! Готов побиться об заклад: дворецкий решил удрать, прихватив с собой фамильное фарфоровое блюдо. Откуда это так дует, черт побери? – Он обернулся и увидел, что дверь распахнута настежь. Уже приподнялся было из кресла, но Фонтейн его опередил.

– Не беспокойтесь, я закрою. – Он встал и тяжело зашагал через комнату к двери. Но перед тем как затворить ее, выглянул в холл.

Энтони, заметив это, тотчас прошелся по поводу Коллинза: мол, тот наверняка шастает где-то рядом и подслушивает, что вполне в его духе.

Фонтейн недовольно покачал головой:

– Я так не думаю. Но нам лучше говорить потише. Слуги сгорают от любопытства, это вполне естественно. – Он покосился на Эмберли. – Трудно винить их в этом, не правда ли?

– Думаю, – с расстановкой произнес Фрэнк, – я не испытывал бы особого сочувствия к слуге, которого застукал подсматривающим в замочную скважину.

– Да все это выдумки Кокрейна! – сердито произнес Фонтейн. – Бредовые фантазии! Нет, я ни в коем случае не оправдываю Коллинза, но... – Тут он резко оборвал фразу и вдруг в присущей ему оживленной манере заговорил о предстоящем бале.

Дверь тихо отворилась, вошел Коллинз с подносом, на котором стояли напитки. Казалось, вместе с ним в комнату ворвался холодок, чувство тревоги. И голос у Фонтейна зазвучал как-то вымученно; и в смехе Джоан ощущалась нервозность. Коллинз бесшумно подошел по ковру к столу у стены, поставил на него поднос. А затем удалился – так же тихо, как вошел. От внимания Эмберли не укрылось, как он демонстративным жестом затворил за собой дверь.

Фрэнк взглянул на Фонтейна:

– Вам не нравится Коллинз?

Всех присутствующих удивил этот прямой и неожиданный вопрос. Улыбавшийся до того Бэзил нахмурился, затем покачал головой:

– Нет. Не слишком. Жалею, что взял его в дом; не следовало бы, но дядя очень настаивал.

– А между ним и Доусоном существовала неприязнь?

– Не скажу, что они как-то особенно ладили между собой, но и неприязни не замечал.

– Но не думаете же вы, что Коллинз мог иметь к убийству какое-то отношение? – встревожилась Джоан.

– Нет, я просто хотел уточнить отношения между слугами, мисс Фонтейн.

– В таком случае ответственно заявляю, – вмешался Бэзил, – во время совершения убийства Коллинз был дома, это мне точно известно.

– Вы совершенно уверены? – спросил Эмберли.

– Совершенно. Хотя с виду типичный злодей, верно? – усмехнулся Фонтейн. – Но это еще не повод, знаете ли, обвинять человека в убийстве. Ладно, лучше расскажите-ка нам, как вы нашли тело Доусона.

Отчет Эмберли был очень короткий, даже скуп. Фрэнк никаких обстоятельств не

подчеркивал, версий не выдвигал. А когда говорил, заметил, как по-разному воспринимают его рассказ слушатели. Фелисити сидела, округлив от страха глаза. С губ Кокрейна не сходила снисходительная усмешка. На лице Джоан застыло какое-то загнанное выражение. Фонтейн слушал очень внимательно, зажав между пальцами сигару, и не заметил, как образовавшийся длинный столбик пепла упал на ковер. То, что смерть дворецкого страшно удручала Бэзила, не оставляло сомнений, достаточно было взглянуть на его лицо. Он хотел знать все в мельчайших подробностях и, когда Эмберли закончил, повторил ранее заданный вопрос:

– Так вы уверены, что никого не было на дороге?

После ответа Фрэнк в комнате воцарилось молчание. Первым нарушил его Кокрейн. Он весело предложил Фонтейну и Эмберли сыграть с ним партию в гольф завтра днем, чтобы хоть как-то поднять настроение.

Бэзил замотал головой:

– Играйте вы вдвоем. Мне нужно съездить в город.

– Зачем? – спросила его сводная сестра.

– Хочу нанять нового дворецкого. Уже переговорил сегодня по телефону с агентством по найму Финча. Боюсь, найти подходящего человека будет непросто. Слуги не слишком-то жалуют глухие удаленные места. А потом еще эта ужасная история. Она их всех отпугнет, можете не сомневаться.

– О Боже! – простонал Кокрейн. – Так, значит, мы должны и дальше терпеть этого противного Коллинза, шныряющего по всему дому?

– Кого-нибудь да найду. Придется. Коллинз не справляется с этой работой, она ему просто не по душе. – Только тут Фонтейн заметил, что сигара его погасла, и раздавил ее в пепельнице. Затем сделал над собой усилие, видно, вспомнив, что хозяин должен развлекать гостей, и предложил сыграть партию в снукер.

Он проводил их в бильярдную, был снова весел и гостеприимен и больше ни словом не обмолвился об убийстве. Однако, несмотря на его радушие и легкомысленные подшучивания Кокрейна, Эмберли постоянно испытывал ощущение тревоги и дискомфорта, витающие в этом доме. А потому он не слишком огорчился, когда вечер подошел к концу. Хотя сам визит, не доставивший ему особого удовольствия, заставил кое о чем задуматься. И он в очередной раз пожалел, что умолчал о девушке, оказавшейся возле машины убитого, хотя почему так поступил, сам до сих пор не понимал.

Стреляла не она, в этом Фрэнк не сомневался. Но ее присутствие там не было случайностью, и волновалась девушка не только из-за того, что обнаружила труп. У него сложилось впечатление, что она испытывала сильнейшее чувство разочарования.

Дело начало вырисовываться довольно любопытное. Тут и девушка, леди, у которой, по всей очевидности, была назначена встреча с дворецким. И Фонтейн, потрясенный и удрученный трагическим известием. И его сводная сестра Джоан – которой родной дом и особенно новый дворецкий страшно действовали на нервы. И наконец, Коллинз, с виду такой спокойный, равнодушный, но имеющий привычку подслушивать у дверей, о чем говорят хозяева и их гости. А стало быть, камердинер мог слышать все, что рассказал об убийстве он, Эмберли. Хотя, с другой стороны, возразил сам себе Фрэнк, ничего особенного нет в том, что Коллинзу хотелось знать все подробности гибели дворецкого.

Не мешало бы ознакомиться с биографией убитого. Фрэнк не слишком надеялся, что во время слушаний всплывет что-то интересное. Какую тайну хранил дворецкий, у кого были к ней ключи – все это предстояло выяснить самому Эмберли.

* * *

Он не ошибся. Наутро состоялись слушания, которые привлекли немало охотников за сенсациями, однако они остались разочарованы. Врач, проводивший вскрытие, и эксперт по

баллистике представили скучные отчеты. Все надежды возлагались на главного свидетеля, Эмберли, но и он давал показания сухо и скупое. Никто не выступил с сенсационной разоблачительной речью; никому, похоже, не были известны сокровенные тайны из жизни Доусона. Ни один из присутствующих не знал, даже не догадывался, кому и почему понадобилась смерть дворецкого. Жюри присяжных вынесло вердикт: убит неустановленной личностью или личностями.

– На мой взгляд, сэр, – сказал по окончании слушаний сержант Губбинс, – дело довольно странное. И знаете почему, мистер Эмберли?

– Могу назвать несколько причин, но лучше вы сами скажите.

– Да потому, что ничего такого странного в нем нет, сэр, – мрачно заключил сержант.

Мистер Эмберли окинул его загадочным взглядом:

– А вы далеко пойдете, сержант.

– Не мне о том судить, сэр, но, полагаю, вы близки к истине, – ответил явно польщенный Губбинс.

– Но только вам должно очень, очень повезти, – тихо добавил Эмберли.

Сержант подозрительно взглянул на него и какое-то время обдумывал эту ремарку. А потом произнес с плохо скрываемым раздражением:

– Лично меня несколько не удивляет, сэр, что у вас, насколько я слышал, много врагов. Нет, лично я ничуть не обижаюсь, потому как понимаю, что вы изволили пошутить. Однако на свете немало людей, которым могут не понравиться такие шутки. А раз вы, похоже, не одобряете моего подхода к этому делу, не стану говорить о дальнейших своих действиях. Впрочем, в прошлый раз, когда вы были здесь, то дали нам одну-две зацепки по делу с ограблением, и мы с удовольствием приняли их к сведению.

– Да, тогда вы совсем запутались, верно? Насколько я понимаю, у вас в Карчестере все еще работает тот тугодум инспектор?

Сержант ухмыльнулся:

– Скоро пойдет на повышение. Может, и я тоже.

– За какие такие заслуги? – удивился мистер Эмберли.

– Да за раскрытие этого убийства, сэр.

– О! В таком случае не смею вас больше задерживать. Полный вперед! Бегите скорей и расследуйте.

– Так и сделаем, сэр. Просто я подумал, что вы со своим особым, так сказать, взглядом на вещи, со своей увлеченностью этим, как его... Короче, я подумал, хуже не будет, если я расскажу вам, что ставит нас в тупик.

– Можете думать что угодно. Но если вы вообразили, что я готов выступить в роли какого-то там детектива-любителя...

– О нет, нет, сэр, ничего подобного! Хотя, когда вы догадались, что те бриллианты у Билтона, должен признаться, я подумал: вот человек, который действительно знает свое дело. Нет, конечно, так уж вышло, что вы стали свидетелем той кражи, а этого преимущества у нас не имелось. И все же, готов признать, работа была сделана просто блестяще, мистер Эмберли, и все мы вам страшно благодарны, поскольку не пришлось вызывать людей из Скотленд-Ярда...

– Полагаю, как и в этом случае, – перебил его Фрэнк.

– Вот именно. И когда я говорил, что в данном деле нет ничего странного, то хотел сказать: здесь все лежит прямо на поверхности. Об этом Доусоне ничего особого неизвестно; у него ни врагов, ни женщин, за все его годы службы в особняке все вроде бы чинно и благородно. Так вот, это неестественно. Поверьте мне, мистер Эмберли, раз человека убивают, за этим всегда что-то стоит. И десять против одного, что рыльце у него в пуху. Ладно, женщин отбросим. В таком случае лишь одно выглядит довольно подозрительно.

– Вы носите очки? – неожиданно спросил его мистер Эмберли.

– Я, сэр? Нет, не ношу.

– А не мешало бы.

– Да они мне просто ни к чему, мистер Эмберли. Вижу, слава Богу, хорошо, зрение как у двухлетнего ребенка.

– Вот это я и имел в виду. Продолжайте.

– Ей-богу, не понял, на что вы намекаете, сэр, – вполне искренне заметил сержант. – Так вот, подозрение тут одно: деньги. Доусон все оставил своей сестре. Она вдова, живет в Лондоне. Нет, завещания он не писал, но по закону все достается ей. И, насколько я понимаю, сумма кругленькая.

– Мне всегда казалось, что дворецкие зарабатывают не так уж и много.

– Бывает по-разному, но я никогда не слышал, чтоб кто-то из них зарабатывал больше Доусона. Удалось выяснить: он скопил нешуточную сумму, около двух тысяч. И разместил их очень толково. Так что теперь понимаете, в чем мотив, сэр?

– Где именно разместил?

– В почтовом отделении местного сберегательного банка, затем в виде сертификатов военного займа, ну и еще в банке Карчестера. Лично мне это кажется странным. Ну то, что инспектор не сделал из данного факта должных выводов. Нет, конечно, люди имеют право размещать свои деньги, где им заблагорассудится, но лично мне интересно знать другое. Как это ему удалось отложить так много? Практически весь заработок за долгие годы.

– А сколько у него выходило в год?

– Ну, может, и не очень много, зато стабильно. Я могу показать вам цифры.

– Да. Вернее, нет. Лучше не показывайте.

– Полковник Уотсон не возражает, сэр, если вы узнаете об этом. Если б кому другому показать, то да, возражал бы; ну вы меня понимаете.

Губы мистера Эмберли скривились в мрачноватой улыбке:

– Вопрос тут только в одном, сержант. Я на вашей стороне?

– Простите, не совсем понял, сэр?

– Вот лично я не уверен, что на вашей. Ладно, дам вам знать, когда все хорошенько обдумаю. А пока что не мешало бы и перекусить. Удачной охоты!

Сержант проводил Эмберли растерянным взглядом.

Начальник местной полиции полковник Уотсон, торопливо вышедший из зала заседаний, увидел, как он задумчиво почесывает в затылке.

– Мистер Эмберли уже ушел, сержант?

Губбинс вытянулся по стойке смирно:

– Всего минуту назад, сэр. Он не в том настроении; ну, как обычно.

– О, так вы с ним говорили, верно? Совершенно напрасно, сержант, нарушаете все правила субординации. Полагаю, мистер Эмберли пролил на всю эту историю не больше света, чем во время дачи показаний?

– Нет, сэр. Мистер Эмберли только отшучивался, что в его манере, – мрачно ответил Губбинс.

В Грейторне результаты предварительного расследования интересовали только Фелисити. Сэр Хамфри, хотя и был мировым судьей, не одобрял обсуждения подобных тем в семейном кругу, а леди Мэттьюз уже, судя по всему, забыла об этой истории.

Но когда днем в местном клубе мистер Эмберли встретился с Кокрейном, то отвертеться от обсуждения слушаний не удалось: Энтони присутствовал на них вместе с Фонтейнами и был недоволен итогами расследования.

– На этом, стало быть, все и кончится?! – возмущенно воскликнул он. – И ничего больше предприниматься не будет?

– О нет, работы тут еще полно. Найти убийцу, к примеру. Послушай, у меня к тебе полно вопросов, но прежде хотелось бы сыграть в гольф. Ты как, не против?

– С удовольствием.

Местное поле для гольфа оказалось слишком неровным, и различных препятствий тут было полно. Мистер Кокрейн заметил другу, что от первого удачного удара зависит очень

многое, поэтому следует бить сильно и по прямой. Он замахнулся клюшкой, и мяч угодил в непролазный кустарник.

– Спасибо, Энтони, – сказал мистер Эмберли. – Личный пример лучше всяких наставлений.

Они закончили игру около половины шестого, уже начало темнеть. Народу в клубе заметно поубавилось – обычное явление в будние дни, – и им без труда удалось отыскать свободный столик в углу. За первой полпинтой пива Энтони не обсуждал ничего, кроме своей приверженности к пулам², расцветив рассказ анекдотами о самых фатальных пулах на доброй половине полей для гольфа в Англии. И Эмберли вместе с ним пришлось совершить путешествие из Сандвича до Уэнтворта и Хойлейка, а уже оттуда – в Сент-Эндрюс, после чего молодой человек наконец иссяк.

Эмберли снова послал за пивом и позволил собеседнику обсудить и нынешнюю игру, чем тот занимался еще несколько минут. Когда пиво принесли, Энтони вроде как устыдился и по своей доброй воле прекратил разговоры о гольфе.

– Это убийство... Какие будут соображения?

– Их не так много. В том-то и проблема. Да, кстати, чего так боится братец Бэзил?

– Ах, так ты тоже заметил, да? Если б я знал! И вообще, странная какая-то атмосфера в этом доме, тебе не кажется? Чем скорее я увезу оттуда Джоан, тем лучше.

– А когда свадьба?

– В следующем месяце. И, насколько я понимаю, до той поры я буду не слишком желанным гостем в этом доме. Даже подумываю отвалить оттуда после маскарада. Нет, ты мне объясни, почему женщины буквально сходят с катушек, когда дело касается платья для маскарада, а? Даже Джоан просто свихнулась на этой теме. Ну скажи, только честно, Эмберли, неужели я так похож на глупую задницу, готовую вырядиться Фаустом?

Фрэнк отрицательно покачал головой.

– Ну разумеется, нет! Танцы – это одно дело, это нормально, но зачем наряжаться в какие-то идиотские костюмы? Впрочем, я не об этом. Я нежеланный гость в доме и хотел смыться в четверг, но Джоан попросила меня остаться на какое-то время. Да и братец Бэзил хочет того же.

– Рад твоей компании или просто трусит?

– Трусит, – уверенно ответил Кокрейн. – Этот человек словно сам сжирает себя изнутри, Бог его знает почему. Совсем извелся. Одно знаю точно: он не хочет оставаться в доме один. А после того как случилось убийство, ходит просто сам не свой.

– Что ты вообще о нем знаешь?

– Не так много. Да и знать-то особенно нечего. Ну, понятное дело, кое-какие детали удалось выудить у Джоан. Парень из хорошей семьи, учился в частной школе, и все такое прочее. Он хорошо обеспечен благодаря тому, что старик Фонтейн сделал его своим наследником. И, насколько я понимаю, братец Бэзил всегда вел жизнь спокойную и размеренную, никаких там треволнений, долгов или шумных гулянок. Словом, вполне обычный представитель провинциального бомонда. Простые радости, спорт и прочее в том же духе. Немного пострелять, поохотиться вполне в его стиле. Он вообще обожает все виды спорта на открытом воздухе. Здоров, как бык. Как-то раз в Литтлхейвене прямо перед завтраком потащил меня купаться. Там у него бунгало... довольно приличное местечко, если не считать этой чертовой лодки.

– Какой лодки?

– Моторки. Если верить Бэзилу, на ней можно переплыть Английский канал и никакая морская болезнь тебе нипочем. Лично я Английский канал не переплывал, так что остается верить ему на слово.

Эмберли рассмеялся:

---

² Пул – удар в гольфе, при котором мяч вылетает левее цели (для игрока с правосторонней стойкой).

– Стало быть, моряк из тебя никакой.

– Худший в мире. Да кто угодно, насколько мне известно, может обзавестись супермоторкой. Джоан тоже так считает, полностью игнорирует ее, даже близко к ней не подходит, отчего братец Бэзил просто каменеет от злости. Они, знаешь ли, не слишком ладят. Если верить Джоан, прежде таких проблем не было. Но все круто изменилось с тех пор, как старый Фонтейн сыграл в ящик. Так вот, что касается свадьбы, скажу тебе как на духу, ни о какой определенной дате пока речи не идет.

– Я уже начинаю думать, что в болтовне сержанта есть доля истины, – задумчиво произнес Эмберли. – Дело действительно странное. Неплохая задачка на каникулы.

– Если пойдешь встречаться с Уотсоном, не забудь и меня прихватить, ладно? К слову об Уотсоне. Помнишь Фредди Холмса? Ну такой паренек с веснушками, учился с нами в группе военной подготовки?

– В Мерил-Хаусе? Да, помню, а что?

– Сейчас расскажу. – И Кокрейн придвинулся поближе.

В дальнейшем разговоре двух друзей убийство больше не упоминалось, они предались воспоминаниям о школьных днях. Болтали об этом примерно час, а могли и все три, если бы Кокрейн вдруг случайно не взглянул на часы. Тут же вскочил и бросился к выходу – еще полчаса назад он должен был забрать невесту, которая ездила к друзьям на чай.

Эмберли тоже вышел, но не так поспешно, сел в «бентли» и поехал в Верхний Неттлфолд – купить по дороге домой трубочного табаку. Выйдя из табачной лавки, он увидел, что его машина за это время без внимания не осталась. Рядом с ней, привалившись к дверце плечом, стоял темноволосый диковатого вида паренек в серых фланелевых брюках, свитере поло и твидовой куртке и заглядывал в салон.

Фрэнк остановился у входа в лавку и начал медленно набивать табаком трубку, не сводя глаз с подозрительного молодого человека.

Юноша не отлипал от машины.

– Могу чем-то помочь? – спросил его Эмберли.

Тот повернул к нему растрепанную голову:

– Ни в чьей помощи я никогда не нуждаюсь.

– Это хорошо. Не возражаете, если я отъеду?

Юнец призадумался.

– А вам известно, чем я недавно занимался?

– Думаю, да.

– Я был... я... э-э... пил чай... с одним приятелем.

– Должно быть, чай был очень крепкий. На вашем месте я пошел бы домой.

– Как раз это... и собирался сделать. Мой приятель... ну, парень, с которым я на днях познакомился. Он очень даже славный, доложу я вам. Плевать, что о нем говорят другие, но он, правда, с-с-славный парень. А Ширли... Ширли он не нравится. То есть я это х-х-хотел сказать, она чертов с-сноб, вот. Это... я хотел сказать.

Мистер Эмберли теперь смотрел на юношу уже не насмешливо-презрительно, а с неподдельным интересом.

– Ширли? – повторил он.

– Именно так, – кивнул молодой человек. Потом его затуманенный взор, не лишенный, впрочем, хитрецы, остановился на Эмберли. – Она моя сестра.

– Я могу вас к ней подбросить.

Молодой человек подозрительно сощурился:

– Вы кто вообще такой? Не собираюсь... вам ничего говорить. Ясно?

– Договорились. – Эмберли кое-как умудрился запихать паренька в машину.

Пассажира оказался далеко не подарком. Всю дорогу болтал какую-то чушь – это бы еще ничего, но, когда во второй раз попытался выключить мотор, Фрэнк с трудом удержался, чтобы не врезаться ему как следует. Заметив ярость на лице Эмберли, Марк заметно занервничал, захотел немедленно выйти из машины и объявил, что его похищают. Фрэнку

стоило немалого труда успокоить юношу, после чего тот заговорил об убийстве. Но в словах его смысла было немного. Марк несколько раз повторил, что никому не позволит сделать себя орудием в чьих-то там руках, затем забормотал о неких скрытых угрозах и тайных заговорах, а потом громко заявил, что если еще кого-то и убьют, то уж точно не его.

Когда Эмберли свернул на дорожку, ведущую к коттеджу «Плющ», паренек вдруг ухватил его за рукав и возбужденно произнес:

– Не думаю, что за этим что-то стояло. Ширли так думает, а я нет. Это обман. Вот, что я думаю. Но на самом деле – ничего подобного! Теперь понимаю, что нет. И мне не мешало бы быть осторожнее. Ни с кем не говорить. Никому ни слова.

– На вашем месте я тоже не стал бы болтать лишнего, – заметил Эмберли, подъезжая к воротам. Затем вышел из машины и зашагал по выложенной камнями дорожке к двери коттеджа. Постучал, услышал, как в доме залаяла собака, и через минуту на пороге появилась Ширли Браун.

Она явно удивилась, увидев его.

– Что вам угодно? – сухо спросила девушка.

– Я привез вашего брата домой. Он в стельку пьян.

– О Господи, опять! – устало воскликнула она. – Хорошо, сейчас выйду и заберу его.

Страшно неловко, что вы взяли на себя эти хлопоты. Спасибо.

– Никуда не ходите, я сам его приведу. – Эмберли вернулся к машине, распахнул дверцу. – Сестра вас ждет.

Марк не сопротивлялся, позволил вытащить себя из машины.

– Я ведь не сказал вам ничего такого, верно? – встревоженно забормотал он. – Скажите ей, что я ничего не говорил.

– Ладно. – Эмберли подхватил его под руку.

Юноша нетвердым шагом направился к двери.

Ширли оглядела брата с головы до пят.

– О! Ступай-ка, проспись. – Она взяла его под локоть. Потом кивнула Эмберли: – Спасибо еще раз. До свидания.

– Может, я зайду?

– Нет, спасибо. Я сама справлюсь.

– И все же я зайду. – Фрэнк бесцеремонно отстранил девушку, провел Марка в дом, затем помог подняться по узкой лестнице. – В какую комнату? – бросил он через плечо.

Она застыла у подножия лестницы и, хмурясь, смотрела на него снизу вверх.

– Первая слева.

Когда через несколько минут Эмберли спустился, она стояла все на том же месте.

– Благодарна вам за все эти хлопоты, но теперь я хочу, чтобы вы ушли.

– Уверен, что хотите. Где вы только набрались таких дурных манер?

– Там же, где и вы! – огрызнулась она.

– Лично мне кажется, я проявляю по отношению к вам просто ангельское терпение. Вам когда-нибудь устраивали хорошую взбучку? Ну хотя бы в детстве?

Тут она, сама того не желая, улыбнулась:

– Часто. Спасибо, что доставили брата домой. Я вам страшно благодарна и с удовольствием пригласила бы вас посидеть, но, к сожалению, как раз сейчас очень занята. Ну, так лучше?

– Предпочитаю изначальный вариант. Могли бы пригласить меня в гостиную.

– Без сомнения, но не собираюсь.

– Тогда не стану дожидаться приглашений. – И он вошел в гостиную.

Девушка последовала за ним, раздраженная и одновременно заинтригованная.

– Послушайте! Да, признаю, я вам обязана за то, что не втянули меня тогда в разборки с полицией. Но это еще не дает вам права навязывать мне свое присутствие. Пожалуйста, прошу вас, уходите! Неужели вы так жаждете продолжения знакомства со мной?

Он метнул в ее сторону ироничный взгляд:

– Знакомство с вами меня ничуть не интересует. А вот убийство – напротив.

– Но я о нем ничего не знаю.

– Можете врать сколько угодно, мисс Браун, но советую не завираться. И прежде чем солгать, хорошенько подумайте. Обладая вы хоть каплей здравого смысла, то перестали бы напускать таинственность и рассказали бы мне, в какие играете игры.

– Вот как? – Она подняла тонкую бровь. – Это еще почему?

– Да потому, что ваше нежелание вести себя подобающим образом лишней раз убеждает меня, что вы замешаны в некоем темном деле. Я терпеть не могу нарушителей закона и приложу все усилия, чтобы выяснить, какие интриги вы плетете.

– Что ж, попробуйте. Однако сомневаюсь, что у вас хватит на это ума.

– Вам, моя заблудшая подруга, вскоре предстоит убедиться, что я умнее всех, с кем вам до сих пор приходилось иметь дело.

– Спасибо за предупреждение. Но ни в какие игры я не играю и никаких интриг не плету.

– Вы забываете, милая, что я провел целых полчаса в обществе вашего болтливого братца.

Тут хладнокровие покинуло мисс Браун.

– Так вы выкачивали сведения из пьяного мальчишки?! – сердито воскликнула она. – Это просто подло, низко с вашей стороны!

– Вот так-то лучше, наконец подошли к сути дела.

– Что он вам рассказал?

– Ничего такого, что имело бы хоть какой смысл. И сколь ни покажется вам странным, но я никаких сведений из пьяного парнишки не выкачивал. А также не стал притворяться, чтобы разговорить вас, будто обладаю хоть какими-то сведениями.

Она недоуменно взглянула на него.

– Да, это правда. Может, объясните почему?

– Из-за присущей мне порядочности.

– Марк болтает всякую ерунду, когда пьян. – Секунду-другую Ширли пытливо смотрела на незваного гостя. А потом с кривой усмешкой спросила: – Интересно все же, что вы обо мне думаете?

– Вам интересно? Что ж, тогда скажу. Думаю, что вы упрямая дура.

– Большое спасибо. Слава Богу, хоть не убийца.

– Если б я считал вас убийцей, вы, мисс Ширли Браун, здесь бы сейчас не стояли. Вы – это очевидно – затеяли какую-то игру, наверняка глупую и опасную. И если будете отпускать своего братца гулять без присмотра, то очень скоро окажетесь в полиции за решеткой. Ибо сообщник из него просто никудышный.

– Возможно, но другой мне не нужен. Предпочитаю справляться сама.

– Очень хорошо. В таком случае до свидания.

– Господи, это означает, что я увижу вас еще раз?

– Если пожелаете, можем видеться, сколько вам угодно, – угрюмо произнес мистер Эмберли.

– Уже повидались. С меня достаточно, – сладким голосом почти пропела Ширли. Он взялся за ручку двери, затем обернулся.

– Тогда нам обоим остается лишь ждать и страдать. – С этими словами он вышел из дома.

Тут девушка расхохоталась и бросилась за ним вдогонку.

– Вы чудовище! – крикнула она ему вслед. – Но почему-то нравитесь мне!

Мистер Эмберли оглянулся через плечо.

– Хотелось бы ответить комплиментом на комплимент, но честность превыше всего. Лично мне вы ничуть не симпатичны. Пока!

Глава четвертая

– Все же странно, что какая-то полоска черного бархата меняет людей просто до неузнаваемости, – заметил Кокрейн, критически оглядывая толпу. – Я уже три раза обознался.

Эмберли сдернул с лица свою маску.

– Легче всего узнать по голосу.

– Ну, далеко не всегда. О, черт!

– Что такое?

– Да снова эта дурацкая штуковина! – сердито заметил Фауст и поправил сбившуюся на поясе шпагу. – С нею невозможно танцевать, невозможно и шагу ступить, чтобы не задеть кого-то по ногам. Надо поскорее снять и спрятать ее где-нибудь. И уповать на то, что Джоан не заметит.

Джоан, ослепительно прекрасная Маргарита, проносилась в этот момент в танце в объятиях арабского шейха. Уголкем глаза заметила двух друзей, остановившихся в дверях, и подбежала к ним, увлекая за собой араба.

– Вы что, так до сих пор и не выбрали партнерш на танец? – озабоченно спросила она. – Укажите мне на каких-нибудь симпатичных девушек, я вас представлю.

– Но, душа моя, я просто не могу танцевать, когда на мне эта шпага, – жалобно протянул Кокрейн. – А потому и не пользуюсь здесь успехом.

– Это еще мягко сказано, – заметил шейх. – Да вы мне с лодыжки кусок кожи ободрали. С целый дюйм.

– О, дорогой, – огорчилась Джоан, – нельзя ли поаккуратнее? Старайся держаться от гостей подальше.

– Можно. Я сниму эту чертову штуку!

– В лучших кругах общества, – вмешался Эмберли, – всегда считалось дурным тоном танцевать со шпагой на боку.

– Разве? – В голосе Джоан звучало сомнение. – Но я видела картинки...

– Все, с меня хватит, – заявил Фауст и собрался выйти.

Но едва он развернулся, как кончик шпаги вонзился в какого-то незнакомца, который с перекошенным от боли лицом ледяным тоном произнес, что все в порядке.

– Уже в третий раз натыкаюсь на этого типа, – прошептал Фауст, причем в голосе его не слышалось никакого раскаяния.

– Да, наверное, тебе действительно лучше ее снять, – удрученно заметила Джоан и обернулась к Эмберли. – А вы не должны снимать свою маску до полуночи, – заявила она с укоризной. – Таковы правила.

Эмберли снова надел маску и спросил девушку:

– Неужели маски столь *de rigueur*³ атрибут, Маргарита?

– Мне так хотелось устроить именно костюмированный бал-маскарад! Когда все в масках, получается так забавно, весело.

– Однако брат ваш без маски. – Шейх кивком указал на Фонтейна, импозантно выглядевшего в костюме кардинала Уолси⁴, он беседовал о чем-то с мадам Помпадур.

– Да, потому что он хозяин. Позвольте мне подыскать вам партнершу, господин Мефистофель?

Эмберли не сводил глаз с девушки, стоявшей в другом конце зала:

– Может, представите меня этой *contadina*⁵?

---

³ Непременный, обязательный (*фр.*)

⁴ Уолси, Томас (1473–1530) – английский политический деятель, кардинал римской католической церкви

⁵ Крестьянка (*ит.*).

Джоан проследила за направлением его взгляда:

– С удовольствием, но только я не знаю, кто она такая.

– Может, Китти Кросби? – предположил шейх.

– Нет. Мне кажется, Китти нарядилась цыганкой.

– Разве? Тогда, должно быть, мисс Галифакс. Хотя нет, не думаю, не похожа.

Джоан взглянула на Эмберли:

– Вот, в чем прелесть маскарада. Думаете, я не узнала свою старую подругу? Идемте, познакомлю вас.

И она подвела его к девушке в платье крестьянки.

– Позвольте представить, Мефистофель! – с улыбкой произнесла Джоан.

Глаза крестьянки блеснули в узких прорезях маски. Она слегка склонила голову и метнула кокетливый взгляд на мужчину в алом одеянии, стоявшего перед ней.

– Потанцуем? – предложил мистер Эмберли.

– С удовольствием.

Он взял ее за руку и увлек за собой на середину зала. Танцевала девушка хорошо, но особого желания поговорить с новым знакомцем не проявляла. Мистер Эмберли, ловко ведя ее в танце среди кружащихся пар, спросил:

– Простите, я так и не понял: вы мисс Галифакс или мисс Кросби?

Красные губки капризно скривились:

– Ах!

– Или не та и не другая? – не отставал Эмберли.

– Вот придет пора снять маски, тогда и увидите, Мефистофель.

– Сгораю от любопытства, – пробормотал Фрэнк.

Она пытливо всматривалась ему в лицо, он улыбался, глядя на нее сверху вниз.

– Гостей сегодня многовато, не так ли? – заметил Эмберли. – Думаете, Фонтейны знают всех, кто пришел?

– О! Ну конечно!

– В наши дни в дом может вломиться человек посторонний, даже опасный.

– В маленьких городках и деревнях это редко случается.

– Вам, разумеется, лучше знать, – вежливо согласился с ней Эмберли. Тут музыка смолкла. Фрэнк к аплодисментам не присоединился и повел свою партнершу к двери. – Позвольте мне угостить вас каким-нибудь вкусным напитком. – Он кивком указал на небольшой диванчик в алькове. – Подождете меня здесь? Я скоро.

Крестьянка слегка склонила голову набок, словно обдумывая предложение. Потом пожала плечами:

– Что ж, хорошо.

Вернувшись с двумя бокалами, он нашел девушку там, где оставил.

– Так, значит, не убежали. – Эмберли протянул ей бокал.

– А разве должна была? – холодно произнесла она.

– Я просто подумал, что вам надоест ждать. За напитками выстроилась огромная очередь. – Он уселся на диван рядом с ней. – Вы напомнили мне одну знакомую, с которой я недавно встретился, – задумчиво произнес Эмберли.

– Забавно, – заметила девушка, потягивая коктейль. – А я вас совсем не знаю. Вы ведь не здесь живете, верно?

– О нет. Я залетная птица. Здесь просто проездом. Остановился у Мэттьюзов.

– Вот как? И надолго?

– Не уеду по крайней мере до тех пор, пока не разберусь с одним интересующим меня делом.

Она склонила головку набок:

– Звучит интригующе.

Фрэнк в очередной раз окинул ее цепким взглядом.

– Видимо, вы все-таки не та девушка, о которой я подумал.

– А кто она такая?

– О, знакомство с ней не делает особой чести. Просто одна неопытная молоденькая дурочка.

Девушка заметно напряглась:

– Не могу сказать, что польщена таким сходством.

– Но разве я только что не сказал: вы не она? Впрочем, давайте сменим тему. Вы увлекаетесь стрельбой?

– Никогда в жизни не стреляла, – спокойно ответила она.

– Странно, но девять женщин из десяти ни за что не признаются, что когда-либо держали в руках огнестрельное оружие. – Он раскрыл портсигар, предложил ей закурить. – Хотя бывают исключения из правил. Буквально на днях познакомился с одной девушкой, так представьте, она носит с собой пистолет. Полностью заряженный.

Девушка взяла из портсигара сигарету; руки у нее не дрожали.

– Что ж, в наше время, пожалуй, лучше не выходить после наступления темноты без пистолета.

Эмберли приготовился чиркнуть спичкой, но помедлил.

– Вы сказали, после наступления темноты?

– Ну да, – довольно резко отреагировала она. – Разве не так?

Он поднес пламя к кончику ее сигареты.

– Именно, что так. Вы правы.

Девушка выпустила длинную струйку дыма, потом слегка повернула голову, чтобы лучше его разглядеть.

– Пытаюсь догадаться, чем вы занимаетесь. Наверное, газетчик, репортер? Так мне кажется.

Эмберли улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Может, объясните, почему пришли к такому выводу?

– Вообще не хотела вас обидеть, – мягко произнесла она. – Так вы репортер?

– Нет, милая дама. Я барристер.

Фрэнк скорее почувствовал, чем увидел: девушка нахмурилась.

– О... – протянула она. – Барристер.

– В криминальном суде, – добавил Эмберли.

Девушка резко поднялась с дивана.

– Должно быть, страшно интересное занятие. Что ж, мне пора: я ангажирована на следующий танец. Просто в восторге от вашего костюма. Он вам удивительно идет.

Мистер Эмберли пожал плечами. Проводил девушку взглядом, затем отправился на поиски кухни.

Некоторое время назад Фрэнк видел, как она поднимается по лестнице в сопровождении какого-то явно влюбленного молодого человека. У мистера Эмберли тотчас сложилось самое неблагоприятное мнение об этом юнце, и он счел, что вправе разбить эту парочку и пригласить Фелисити на танец, который она обещала ему.

Фрэнк стал пробираться между гостями, толпящимися на широких ступенях, и вошел в холл на втором этаже. Такой же просторный, как и нижний, он был обставлен мягкой мебелью и ширмами, образующими небольшие укромные уголки для отдыха. По одну сторону, у огромного окна, находилась широкая лестница, ярко освещенная разноцветными лампочками; по другую – изящно изогнутая арка позволяла пройти в широкий длинный коридор, находившийся под прямым углом к холлу. Эмберли решил, что кухня отправилась показывать молодому человеку домашнюю картинную галерею, находившуюся в задней части дома, а потому прошел через арку и двинулся по коридору, поглядывая по сторонам.

У входа в арку коридор был освещен, дальняя же его часть тонула в полумраке, точно намекая на то, что далеко не все помещения особняка отведены сегодня под праздник. Эмберли решил, что там, впереди, находятся помещения для слуг, а также задние лестницы и входы, и потому свернул вправо.

Пол был устлан толстым ковром, заглушающим звук шагов. По обеим сторонам коридора – двери, на одной из них табличка «Дамская комната»; все они расположены через довольно большие интервалы. Между ними у стен стоят изящные предметы мебели, разительно отличающиеся от тех – массивных, красного дерева, – что совершенно погубили гостиную внизу. Очевидно, покойный мистер Фонтейн предпочитал громоздкую и солидную, по его мнению, меблировку более изящным изделиям. Да и его наследник, похоже, не собирался менять викторианские стулья, столы и застекленные шкафы на эти изгнанные в ссылку произведения искусства.

На белых стенах были развешаны картины в тяжелых позолоченных рамах. Мистер Эмберли, знаток живописи, проходя мимо, поглядывал на них и остановился под замечательным полотном Рейнольдса. Так и стоял, задумчиво любуясь картиной, как вдруг в дальнем конце галереи показался хозяин дома.

Сегодня вечером Фонтейн пребывал в прекрасном настроении; похоже, искренне радовался балу. Он расхаживал среди гостей, старался каждому уделить внимание, как и пристало гостеприимному хозяину, из кожи вон лез, чтобы вечеринка имела успех, отпускал шутки, блистал остроумием, способствуя всеобщему веселью, и явно был доволен собой.

Увидев Эмберли, он тут же подошел к нему, похлопал по плечу.

– Это куда не годится, Мефистофель, – шутливо заметил он. – Почему вы не танцуете? Только не говорите мне, что вам не удалось найти партнершу!

– Партнерша у меня есть. И, как только закончу любоваться вашими картинами, отправлюсь на ее поиски. Завидую вашей прекрасной коллекции.

– Вот как? А она мне не слишком по вкусу. Всегда предпочитал живописи замечательные гравюры на охотничьи темы. Они у меня в кабинете. Желаете взглянуть?

– Нет, предпочитаю это. – Эмберли не сводил глаз с портрета кисти Рейнольдса. – Кто она такая, эта дама?

– Понятия не имею, друг мой! Наверное, какая-нибудь моя прабабушка. Семейная черта, знаете ли, вот эти брови, вернее, сильно выступающие надбровные дуги. Хотя в целом девушка ничего себе. Вам лучше обратиться к моей экономке: она знает об этих замшелых предках куда больше меня.

Эмберли отвернулся от портрета и заметил хозяину дома, что бал имеет грандиозный успех.

Фонтейн явно обрадовался.

– Да, думаю, все идет хорошо, можно даже сказать, прекрасно. На самом деле эти маскарады – ужасная глупость, но оказалось, я не так уж и стар, чтобы наслаждаться ими. Прекрасный повод в кои-то веки собрать целую толпу веселых молодых людей, пригласить хороший оркестр, от души повеселиться и потанцевать. И сразу, знаете ли, забываются все неприятности и печали.

– У вас много неприятностей? – удивился Эмберли. – Что-то не похоже.

Лицо Фонтейна тут же омрачилось.

– Полагаю, у всех и каждого есть какие-то личные проблемы. Да и следить за этим домом... тоже, знаете ли, доставляет немало хлопот.

– Да, наверное. Похоже, вы не слишком любите этот дом?

– Нет! – неожиданно резко, даже злобно ответил Фонтейн. – Я его просто ненавижу. Прежде он мне нравился. Всегда хотел обосноваться и жить именно здесь. Но иногда все бы отдал, лишь бы оказаться снова в своей городской квартире... забыть обо всех хлопотах по содержанию поместья.

– Да, это можно понять. Но наверняка есть и приятные стороны.

Губы Фонтейна искривила мрачная улыбка:

– О да. Приятных сторон хватает. Но я, знаете ли, просто не создан быть сельским сквайром. Послушайте, вы точно не хотите, чтобы я представил вас какой-нибудь местной обольстительнице? Нет? Что ж, должен вернуться в бальный зал. Надеюсь, вы найдете свою сбежавшую партнершу. – И он зашагал по коридору, а Эмберли продолжил неспешную

прогулку по картинной галерее, где вскоре обнаружил Фелисити.

Церемония расставания с масками должна была состояться в бальном зале ровно в полночь, перед ужином. Минут за двадцать до этого в холле и главном зале начали собираться гости в карнавальных костюмах, покидая уединенные уголки, спешили не пропустить забавное зрелище по разоблачению. Снизу доносились шум, смех, обрывки разговоров, звуки чьих-то торопливых шагов, что резко контрастировало с тишиной, царившей на втором этаже.

Но вот тихо отворилась одна из дверей, из которой вышла девушка и секунду-другую всматривалась в полумрак в дальнем конце коридора. Никого в поле зрения, ни звука голосов во все еще освещенной картинной галерее.

Итальянская крестьянка медленно двинулась по коридору, высматривая что-то. С портретов на нее взирали написанные маслом глаза, точно наблюдали за каждым ее действием. Вот она дошла до арки и заглянула в холл. Там – ни души. Она колебалась, медлила, девушке никак не удавалось избавиться от ощущения, что за ней следят чьи-то незнакомые глаза, нервно оглядывалась через плечо. Затем все же двинулась вперед, но, проходя мимо резного буфета для посуды, остановившись, дотронулась до него. И почти тотчас же отдернула руку; видимо, это оказался не тот буфет, который она искала.

Почти в самом конце коридора из приоткрытой двери на стену напротив падал тонкий луч света, и там она заметила высокий комод орехового дерева. Девушка шагнула к нему, потом остановилась.

За приоткрытой дверью находилась лестница черного хода. Крестьянка заглянула туда, но не увидела ни души. Снова оглянулась через плечо и устремилась к комоду. Тихо выдвинула один из ящичков в верхней его части. Ящик подался легко и бесшумно, но брякнула медная ручка, когда она ее отпустила, и этот слабый звук заставил девушку виновато вздрогнуть.

В ящике было пусто. Она запустила в него руку и начала дрожащими пальцами ощупывать заднюю стенку.

Затем что-то заставило ее поднять глаза. Дыхание перехватило. На деревянной панели в слабом свете возникла тень – мужская голова...

Девушка не сводила с нее глаз, прошло несколько секунд. Мужчина ничем не выдал своего приближения, подкрался совершенно бесшумно, но теперь стоял у нее за спиной и наблюдал.

Она начала медленно, дюйм за дюймом, задвигать ящик; во рту пересохло, колени дрожали.

И тут тихий голос, в котором слышалась нотка угрозы, спросил:

– Ищете что-то, мисс?

Она обернулась, лицо под ее маской покрывала смертельная бледность. За ее спиной неподвижно застыл Коллинз.

Она постаралась взять себя в руки и ответила спокойно:

– Господи, до чего же вы меня напугали! Просто любовалась этой замечательной старинной мебелью. Может, подскажете, этот предмет времен Уильяма и Мэри⁶?

Коллинз медленно переводил взгляд с комода на ее лицо и обратно. Затем тонкие губы растянулись в крайне неприятной улыбке. В ней читались торжество и потаенное злорадство – у девушки даже мурашки пробежали по коже. Однако мужчина по-прежнему не сдвинулся с места.

– Этот предмет называется «Высокий комод», – тихо сказал Коллинз.

Она нервно сглотнула слюну:

– Да, я знаю. Дата создания вам известна?

---

⁶ Стиль Уильяма и Мэри – стиль в английском искусстве; совпадает с временем правления (1689–1702) короля Англии, Шотландии и Ирландии Вильгельма III Оранского (Уильяма) и его супруги Марии.

Он протянул руку, ласково провел по отполированной резной поверхности. Улыбка стала еще шире.

– Нет, мисс, – вежливо сказал он. – Боюсь, что не смогу ответить на ваш вопрос. Вижу, вас очень заинтересовал этот предмет обстановки, да, мисс?

– Заинтересовал, верно. Надо спросить о нем у мистера Фонтейна.

Тут на каменных ступенях послышались чьи-то шаги; затем раздался женский голос:

– Мистер Коллинз! Вы здесь? Мистер Коллинз, не спуститесь к нам? Через минуту будут подавать ужин, надо поставить шампанское на лед.

Он обернулся, улыбка слетела с его губ:

– Сейчас приду, Элис. – И снова уставился на девушку, подозрительно сощурился. – Думаю, вам лучше спуститься вниз, мисс, – строго сказал Коллинз. – Будьте так любезны, следуйте за мной.

Он зашагал по коридору; девушке ничего не оставалось, как пойти за ним. Коллинз дошел до главной лестницы и посторонился, пропуская девушку вперед. Та колебалась, судорожно пыталась придумать какой-то предлог, чтобы остаться, избавиться от слуги.

Ниже, примерно на середине широкой лестницы, стоял мужчина в алом бархатном костюме, беседовал о чем-то с королевой Марией Шотландской. Поднял голову и увидел слугу. Сердце девушки испуганно екнуло, она знала, что в красное одет хозяин дома и час разоблачения, когда все начнут снимать маски, близок. Девушка быстро проскользнула мимо него в зал.

– А, Коллинз! – воскликнул Фонтейн. – Вы-то как раз мне и нужны!

Лицо слуги исказилось от ненависти, но он тотчас же прогнал это выражение.

– Да, сэр? – услужливо произнес Коллинз и последовал за своим хозяином.

Глаза девушки в крестьянском платье были прикованы к старинным напольным часам. Меньше чем через пять минут они пробьют полночь. Она нервно теребила пальцами складки юбки. Фонтейн в сопровождении Коллинза прошел через холл к обеденному залу; теперь они стояли в дверях, и Фонтейн, очевидно, отдавал слуге какие-то распоряжения. Она знала, чувствовала, что Коллинз следит за ней, хотя тот ни разу даже не посмотрел в ее сторону. Тут к Фонтейну подошли двое мужчин; слуга отвесил поклон и прошел в обеденный зал.

Крестьянка сразу же начала пробираться через толпу к лестнице. Возможно, где-то здесь была вторая дверь, через которую можно пройти в обеденный зал, а уже оттуда – в заднюю часть дома, туда, где находилась кухня. Девушка не собиралась отказываться от задуманного.

Но тут ее остановил Арлекин, с которым она танцевала чуть раньше, проскользнуть мимо него незамеченной не получилось. Он не отставал, шагал следом, смеялся и показывал на часы. Без одной минуты двенадцать; девушка извинилась, сказала, что оставила кольцо в дамской комнате – только так удалось от него избавиться. Она добралась до лестничной площадки на втором этаже – в этот момент раздался бой часов – и бросилась к арке.

В коридоре было тихо и безлюдно; дверь на лестницу черного хода оставалась приоткрытой. Она добежала до нее, выглянула, убедилась, что на лестнице никого, со вздохом облегчения притворила ее. Луч света исчез, тихо щелкнул замок.

Девушка подошла к комоду и выдвинула тот же ящик. Затем, прислушиваясь, не раздаются ли на лестнице шаги, лихорадочно принялась за дело – стала давить на заднюю стенку ящика. И вот там что-то щелкнуло, сдвинулась панель, открыв небольшое потайное углубление. Девушка просунула туда руку, но в тайнике было пусто.

С минуту она стояла совершенно неподвижно, не вынимая руки из ящика. Затем медленно извлекла ее, задвинула ящик и печально скривила губы.

– Любуетесь мебелью? – раздался чей-то низкий голос.

Она вздрогнула, резко обернулась. Привалившись плечом к арке, стоял Мефистофель, на этот раз без маски.

Из горла ее вырвалось глухое рыдание: нервы не выдержали.

– Вы следили за мной!

– Почему бы нет?

Ответа она не нашла, стояла, прислонившись спиной к комоду и не сводя с него глаз.

– Вы всегда обследуете мебель в домах, куда вас приглашают в гости? – небрежным тоном осведомился мистер Эмберли.

Она сделала над собой усилие, попыталась успокоиться.

– Да, я всегда интересовалась старинной мебелью.

– Вот как? – Он двинулся прямо к ней, и девушка похолодела. – Сам я в этом совсем не разбираюсь. Однако хотелось бы знать, что интересного нашли вы в этом комод?

Она изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

– Да, конечно, вы правы... мне не следовало выдвигать этот ящик. Просто любопытно стало, легко ли он выдвигается. Я ничего не украла, если вы намекаете именно на это. Здесь вообще... воровать нечего.

– Так что вам не повезло, верно? – насмешливо заметил он.

В этот момент в холле послышались шаги, а затем раздался звучный голос Фонтейна:

– Да погодите вы, имейте терпение! Я собирался пройти через картинную галерею. Ага, мисс Элиот, я вас сразу узнал! И выдала вас эта прелестная ямочка на подбородке! Такую не скроешь, да и не стоит скрывать!

Крестьянка стояла неподвижно, точно статуя, не сводя умоляющих глаз, сверкающих в прорезях маски, с мистера Эмберли.

Фонтейн прошел через арку в коридор, напевая под нос какую-то танцевальную мелодию. И уже приготовился повернуть вправо, к галерее, как вдруг заметил в дальнем конце прохода парочку. Сразу остановился.

– А что вы тут делаете?

Эмберли секунду-другую смотрел на девушку, потом повернулся к Бэзилу:

– Любуемся этим комодом. Замечательная вещь. Случайно не знаете, какого века?

– Да вы, я смотрю, настоящий любитель антиквариата! – воскликнул, подходя к ним, Фонтейн. – Нет, представления не имею. Но вещица старинная. Хотя, на мой взгляд, эти высокие комоды чертовски неудобны. Захочешь положить вещи в верхние ящики, придется тащить лестницу и подниматься ступени на две, не меньше. Впрочем, дружище, вы совсем заморочили мне голову с этой мебелью! Часы уже пробили полночь, маски долой! Интересно знать, кто эта хорошенькая леди?

Он стоял прямо перед крестьянкой, дородный и веселый, и уже протянул руку, чтобы сорвать с нее маску. Но Эмберли перехватил его за запястье.

– О нет! Оставьте эту привилегию мне. Вы здесь *de trop*⁷.

Фонтейн расхохотался.

– Это я-то *de trop*? Ладно, ладно, не хочу портить вам флирт. Комоды они рассматривали! Да уж! Рассказывайте сказки!

В этот момент с лестницы кто-то его окликнул:

– Бэзил! Да идите же сюда наконец!

Фонтейн двинулся на голос, затем бросил через плечо:

– Смотрите, Эмберли, можно нарваться на штраф за то, что не сняли маску сразу после двенадцати! – И через секунду он скрылся из вида.

Крестьянка немного расслабилась.

– Почему вы так поступили? Почему не позволили ему снять с меня маску?

– Вы должны быть благодарны мне за то, что не позволил.

– Я благодарна. Но почему вы так поступили? Я ведь вижу, что вы мне не доверяете.

– Ни на йоту. Но предпочитаю заняться вами сам, лично.

– Если считаете, что я воровка да к тому же еще и убийца, почему же не сдаете меня в полицию? – с горечью спросила она.

---

⁷ Лишний (фр.)

– Ну, знаете ли, если я, поддавшись дурацкому импульсу, сразу не заявил в полицию, что видел вас на месте преступления, то сами понимаете, как скверно выглядел бы теперь перед органами правопорядка. Да и потом, что плохого в вашем пристрастии к антиквариату?

Она подняла руку и сорвала маску; лицо ее покраснелось, глаза гневно сверкали.

– Я вас ненавижу! Ведь вы прикрыли меня вовсе не из сочувствия. А лишь по той причине, что решили сами разгадать эту тайну!

– Совершенно верно. Ведь я и сам оказался в нее вовлечен, пусть и косвенно.

Она продолжала злобно смотреть на него; казалось, вот-вот ударит.

– Будь я на вашем месте, то немедленно сообщила бы Фонтейну, что я взломщица и воровка, за которой вы весь вечер следили и подсмотрели, чем я занимаюсь!

– Вы, может быть. Ну а мне зачем сдавать вас Фонтейнам? Вас бы немедленно выставили за дверь, вот и все. И какой мне от этого прок?

Она уже собралась уходить, затем остановилась и обернулась:

– Если вообразили, что сможете обо мне что-то пронюхать, то глубоко заблуждаетесь!

– Может, поспорим на что-нибудь?

Девушка развернулась и ушла, более не сказав ни слова.

Мистер Эмберли усмехнулся, затем наклонился и поднял носовой платок, который она обронила, после чего зашагал по направлению к залу.

Глава пятая

Почти все утро следующего дня мистер Эмберли провел в саду в состоянии ленивом и даже каком-то сонном, что пришлось не по вкусу его кухне. Жаркое солнце натолкнуло никогда не унывающую Фелисити на мысль повесить в саду гамак. Мистер Эмберли одобрительно наблюдал за ее действиями. А затем, примерно через час после завтрака, Фелисити обнаружила его развалившимся в этом гамаке, пыталась вытащить оттуда, но усилия ее не увенчались успехом, после чего она мрачно поплелась на теннисный корт.

Однако мистеру Эмберли не было суждено долго пребывать в этом блаженном состоянии. Вскоре после двенадцати в сад вышла тетя и ткнула его кончиком зонта. Он открыл глаза, молча окинул ее укоризненным взглядом и снова смежил веки.

– Фрэнк, дорогой... вот они, прелести сельской жизни. Но придется встать, ничего не поделаешь. Хотя понимаю, как это неприятно...

Не открывая глаз, мистер Эмберли пробормотал фразу, которую уже выучил наизусть:

– Бриджесы не прислали рыбы, и не буду ли я таким ангелом, не сгоняю ли за ней в Неттлфолд, иначе просто нечего будет подать на ленч.

– Да нет, ничего подобного. По крайней мере, надеюсь, что нет. Этот человек, который так раздражает твоего дядю...

– Кто именно?

– Полковник Уотсон. Он в гостиной. Я что, должна пригласить его на ленч?

Мистер Эмберли сразу же сел, свесив длинные ноги с гамака.

– Спасибо, тетя Мэрион, что пришли и предупредили меня. Придется мне спрятаться в сарае. Ни в коем случае не приглашайте его на ленч.

Леди Мэттьюз улыбнулась:

– Сочувствую, мой дорогой. Он говорит с твоим дядей вот уже полчаса. Настолько неудобно и ни к месту. Но он пришел по делу. Что-то связанное с нарушением законодательства, и он ни за что не уйдет. Но он не сказал Хамфри, что хочет видеть тебя! Это я сообразила, чистой воды интуиция. Так что идем, дорогой. Будь с ним груб, крайне невежлив, и тогда он не захочет остаться на ленч.

– Ладно, попробую. Буду ужасно груб. – Мистер Эмберли слез с гамака.

– Как это мило с твоей стороны, Фрэнк, но, пожалуй, лучше не надо, – испуганно пролепетала тетя.

Начальник полиции, увидев через стеклянную дверь, как мистер Эмберли входит в гостиную, страшно оживился, изобразил удивление и одновременно радость.

– О, приветствую вас, Эмберли! – Он встал и протянул Фрэнку руку. – Так вы до сих пор здесь! Приятный сюрприз, очень приятный. Как поживаете?

– Пребываю в полной апатии. Еще даже толком не успел проснуться. Так, наполовину.

Полковник рассмеялся:

– Пребываете в апатии? Это означает, что вы заскучали?

– Нет. Пока нет.

– Вам необходимо чем-то занять голову. Может, поучаствуете в расследовании нашего маленького дельца, связанного с убийством? – вроде как шутливо предложил полковник.

Мистер Эмберли тоже решил отнестись к этому предложению как к шутке и вежливо улыбнулся.

Тогда Уотсон решил отбросить всякое притворство.

– Нет, серьезно, мой дорогой. Я был бы просто счастлив, если б вы протянули нам руку помощи в этом деле. Оно довольно любопытное, я бы даже сказал, необычное. Как раз по вашей части.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, но вам наверняка ни к чему, чтобы какой-то любитель вмешивался и путался под ногами у настоящих профессионалов.

Тут полковник констатировал, что ему совсем не нравится этот мистер Эмберли. И, оглядываясь назад, он не мог припомнить, чтобы когда-то нравился. Эти жесткие глаза взирали на него с таким презрением, эта ироничная улыбочка на губах просто бесила. На редкость самодовольный, напыщенный тип! Нет, полковник ни в коем случае не собирается упрашивать Эмберли помочь полиции в раскрытии этого странного убийства. Уотсон просто переведет разговор на другие, обыденные темы, поболтает еще немного, а затем удалится, оставив этого молодого наглеца сожалеть о проявленной бестактности, скорее даже грубости.

Идея соблазнительная, но затем полковник все же решил выбросить ее из головы. Он смутно осознавал, что не так уж и умен, но был достаточно умен, чтобы понимать: не стоит отрезать себе нос лишь потому, что тебе не нравится твоя физиономия. Инспектор, конечно, обещает раскрыть загадочное дело в положенные сроки, но полковник Уотсон был невысокого мнения о его способности разгадывать такого рода загадки. Нет, он работник хороший, что правда, то правда, и вовсе не бездарь, но на озарения не способен, это дело ему просто не по зубам. И, уж разумеется, меньше всего инспектору хотелось подключать к расследованию Скотленд-Ярд. Тут полковник был с ним полностью солидарен, ему и самому вовсе не хотелось обращаться в это ведомство. Он всем сердцем ненавидел тех бодрых, деловитых парней, которые приезжали из Лондона и первым делом начинали ворчать, что вызывать их надо было раньше, еще до предварительных слушаний. Если уж быть до конца честным, они даже хуже, чем этот Фрэнк Эмберли. Нет, он, конечно, еще грубее лондонских сыщиков, но, по крайней мере, если уж помогает полиции, то не приписывает раскрытие дела одному себе.

Да, привлекать к расследованию этого юриста – не по правилам. Но действительно не стоит звонить в Скотленд-Ярд. Может быть, надо было не идти на поводу у инспектора, а обратиться в Лондон сразу после убийства. А теперь если лондонские ищейки не раскроют дело, то легко найдут себе оправдание – заявят, что к ним обратились, когда след уже остыл. А это сулит немало неприятностей. Куда как лучше использовать молодого Эмберли – хотя тот, если разобраться, не так уж и молод. Ему, должно быть, лет тридцать пять. И проницательности у этого парня не отнимешь. К тому же его прекрасно знают в Скотленд-Ярде, и если даже там и узнают о привлечении к расследованию Эмберли, то особо ворчать не станут. Тем более он просто мастерски справился с делом Билтона.

Инспектор, разумеется, будет в ярости. Он никогда не простит Эмберли, что тот

специально послал его по ложному следу – за двадцать миль. Впоследствии барристер заявил, что сделал это для того, чтобы инспектор не мешал работать на месте преступления.

Полковник заулыбался уголками губ. Перед ним до сих пор стояла эта картина – взбешенная физиономия инспектора, такое зрелище не часто увидишь. Впрочем, поделом ему, этому самодовольному ослу. Пусть и теперь побесится, что Эмберли привлекли к расследованию. Пока тот, впрочем, отказывается, но полковник подозревал, что молодой человек кобенится специально, забавы ради.

Он поднял глаза и с раздражением отметил, что Эмберли по-прежнему стоит, прислонившись плечом к оконной раме, с усмешкой на губах. Черт бы побрал этого наглеца!

– Послушайте, Эмберли, – резко сказал он, – я бы хотел, чтобы вы помогли мне в этом деле.

– Еще бы не хотели, – все еще улыбаясь, заметил барристер.

– Фрэнк, веди себя прилично! – одернул его дядя.

– О, я знаю его уловки, Мэттьюз! Работал с ним и раньше. А теперь определяйтесь, Эмберли. Хотите заняться этим делом или нет?

– Да я уже им занимаюсь.

– Так и думал. Но вы, мой дорогой, должны понимать, что мы не потерпим никакого вмешательства со стороны. Не мне вам это объяснять.

– Понимаю. Я и не собираюсь вмешиваться.

– Вы, видимо, неправильно меня поняли. Я имел в виду совсем другое.

– Знаю, что именно вы имели в виду, полковник. Хотите, чтобы я работал вместе с полицией. И это меня совсем не устраивает. К тому же подобное сотрудничество противозаконно.

– Возможно! Возможно! Но ведь вы работали с нами и прежде. И это дело должно вас заинтересовать. Одно из самых загадочных на моей памяти. Ни с чем подобным сталкиваться не приходилось.

Тут с другого конца комнаты заговорил сэр Хамфри:

– Умолю тебя, не соглашайся, Фрэнк! Терпеть не могу эту манеру являться в мой дом с разными сомнительными предложениями. И без того достаточно навидался на своем веку разных...

– Успокойтесь, дядя, – перебил его мистер Эмберли, – я же не дал утвердительного ответа. – Он сунул в рот трубку, стал шарить по карманам в поисках спичек.

– Так вы хотите сказать, что вам вовсе не интересно это дело? – растерянно спросил его полковник Уотсон.

Эмберли чиркнул спичкой, поднес язычок пламени к трубке. Не спеша раскурил ее и бросил сгоревшую спичку в пустой камин.

– Почему же, очень даже интересно. Просто не хочется напрасно тратить время, доказывая очевидное инспектору Фрейзеру.

– Но мой дорогой, могу заверить вас...

– С другой стороны, – задумчиво продолжил Эмберли, – если ничего не предпринять по этому поводу, расследование наверняка пойдет не тем путем.

– Вы что же, хотите сказать, что напали на след?

– Разве?

– Ну полно вам, Эмберли, со мной можете быть откровенным!

– Когда смогу сказать вам что-то определенное, вы это услышите. А в настоящий момент ничем таким не располагаю. Кстати, мне не помешает знать, какой линии в расследовании придерживается полиция.

– Трудно сказать, какой именно линии, – обеспокоенно хмурясь, заметил полковник. – Ни следов, понимаете ли, ни улики, ни вещественных доказательств. Ровным счетом ничего.

Черные брови мистера Эмберли удивленно взлетели вверх, но он промолчал.

– Что мы имеем? На заброшенной дороге застрелен мужчина. Ни признаков борьбы. Ни одного сколько-нибудь очевидного мотива, кроме ограбления. Но полиция склонна сейчас

исключить версию разбойного нападения. Хотя, конечно, полностью сбрасывать ее со счетов не стоит.

– Вы так считаете? Впрочем, пусть себе Фрейзер разыскивает какого-то там грабителя; по крайней мере, ему будет чем заняться. Но версия эта – дурацкая. Доусона убили вовсе не грабители, орудующие на дорогах.

– Я тоже так думаю, – тут же подхватил Уотсон. – Одно лишь местоположение еще не...

– Я понял вас, полковник, – перебил его Эмберли. – А вот вы, похоже, не поняли, что следов и улик у вас предостаточно. Я ведь сам предоставил их вам еще в самом начале. И они крайне важны.

– К примеру?

Мистер Эмберли присел на краешек стола, что стоял у окна.

– Хорошо, я вам напомню, полковник. Но сначала замечу, что это было заранее спланированное убийство.

Полковник чуть ли не подпрыгнул.

– Саму возможность этого признаю, но мне нужны веские доказательства.

– Верное замечание. И сейчас я предоставлю вам эти доказательства. В машине на безлюдной дороге обнаружен труп убитого мужчины. Первый очень важный факт.

– На безлюдной дороге? Насколько я понял, вы даже не сочли этот факт таким уж важным.

– Как раз наоборот. Второй важный факт – это положение машины.

– Машины?.. – тупо повторил Уотсон. – И что с того?

– Она стояла у обочины, мотор выключен, горели лишь боковые габаритные огни. Спрашивается, почему?

Полковник развел руками:

– Ну, причин может быть несколько. Если, допустим, этого человека внезапно остановили...

– Тогда он не прижался бы к обочине. Машина была припаркована ее водителем.

– Ну тогда, допустим, какие-то проблемы с двигателем.

– Неисправность, которую он пытался устранить одними молитвами, так, что ли?

– Не понимаю...

– Он не пытался выйти из машины. Погода сырая, дорога грязная. А туфли на нем были сухие и абсолютно чистые.

– Верно. – Полковник потеревил кончики усов. – Тогда остается одна-единственная версия. Он поехал на встречу с кем-то. Но довольно странное выбрано место, да и время тоже.

– Это как посмотреть. Если у него были причины сохранить встречу в тайне, то и время, и место уже не кажутся такими странными.

– Да, в этом определено что-то есть. Но нам не следует выпускать из вида, что жертва, убитый, не из тех, кто вызывает подозрения. Прослужил дворецким в одном доме много лет, все вокруг его хорошо знали; приличный тихий слуга, не замечен в каких-либо порочащих связях, даже во флирте с дамочками. Впрочем, сама таинственность данной встречи, несомненно, указывает на то, что в деле замешана женщина.

– Я бы исключил это «несомненно».

– Возможно, вы правы. А может, и нет. Однако продолжайте, мой добрый друг. Ваш третий факт?..

– Мой третий факт, тоже весьма важный, заключается в том, что Доусона явно застали врасплох, его застрелили еще до того, как он понял, что находится в опасности.

– Да, ход вашей мысли мне понятен. Вы поставили себя на его место и все поняли. И хотите сказать, что какой-то человек – а может, и несколько – устроил там засаду, поджидая встречи с дворецким?

– Совсем нет. Если у человека, с которым он собирался встретиться, имелись причины

убить его, Доусон почти наверняка знал бы об этом. И был бы настороже. Но этого не случилось. С учетом места, времени и способа убийства, я бы предположил, что кто-то очень не хотел, чтобы эта встреча состоялась. А потому, узнав о ней, последовал за Доусоном, догнал, ну а затем застрелил.

– Но как?! – воскликнул полковник. – Вы забываете, что Доусон был застрелен в машине. И он должен был слышать, как к нему подъезжает другая машина.

– Я бы сказал, не только слышать, но и видеть. Хотя я склоняюсь к версии, что убийца прибыл туда на мотоцикле.

– Вот как? Но с чего вы сделали такой вывод?

– Да потому, что вы были правы, высказав предположение, что убийца подстерегал Доусона, устроил ему засаду. А мотоцикл легко спрятать в кустах, за живой изгородью, или же просто отогнать подальше в поле. Есть там небольшие такие воротца. Впрочем, можно оставить и версию с машиной, если вам того хочется. Главное в том, что убийца выстрелил в Доусона или из укрытия – а это означает, что место встречи почти наверняка было известно ему заранее, – или же из транспортного средства, которое двигалось навстречу машине Доусона.

Полковник обдумал услышанное.

– Да. Вполне возможное объяснение, но не бесспорное, Эмберли. Не бесспорное. Короче, есть тема для обсуждения. Но главное в другом: с кем у дворецкого была назначена встреча?

– Думаю, полковник, на выяснение этого обстоятельства вам следует отправить моего друга Фрейзера. Он, конечно, ничего не выяснит, но хоть какое-то время не станет путаться под ногами.

– Ну будет вам, Эмберли, будет! – довольно мягко укорил его полковник. – А как вы думаете, что за мотив был у убийцы, почему он не хотел, чтобы эта встреча состоялась? Почему решил остановить ее любой ценой? Или у вас еще нет мнения на сей счет?

– Почему же нет, мнение имеется. И мотив, безусловно, ограбление.

– Ограбление? Но мой дорогой, о чем это вы? Ведь всего пять минут назад вы категорически отвергли эту версию!

– О нет, ничего я не отвергал, – спокойно возразил Эмберли. – Просто старался заставить вас выбросить из головы версию с разбойниками, орудующими на дорогах. Похоже, что в этом я не преуспел. А жаль.

Полковник с трудом подавил желание послать его куда подальше.

– Если, согласно вашему предположению, убийца спланировал все заранее, можно сделать вывод, что он знал Доусона, был осведомлен о его материальном положении и возможных накоплениях, верно? Тогда, может, у вас имеются соображения – какую такую ценность захватил с собой на ту встречу Доусон, которая подвигла убийцу сделать этот роковой выстрел?

Фрэнк окинул его насмешливым взглядом:

– А вы, как посмотрю, обо мне высокого мнения! Считаете, что я должен знать все! Вот когда найдете ответ на свой вопрос, тогда и узнаете, кто убийца. И еще советую вам принять во внимание два момента. Первое: карманы пиджака убитого кто-то обшарил, ведь в них не найдено ни записной книжки, ни блокнота, ничего. А вот в кармане брюк обнаружена мелочь серебром, в общей сложности пятнадцать шиллингов. Кроме того, этот ваш так называемый грабитель не тронул золотые часы на цепочке. Второе: за последние два года Доусон получил гораздо больше денег, чем зарплата, которую выдавал ему Фонтейн. Мне, кстати, хотелось бы узнать немного больше об источниках его доходов.

– Инспектор уже работает, само собой разумеется, мы сразу занялись этим вопросом. Насколько я понимаю, по вашему мнению, убийцу интересовали не деньги?

– Нет, не деньги, полковник.

Уотсон нехотя поднялся из кресла.

– Что ж, все это очень интересно, но не слишком много нам дает, сплошные теории. И

лично меня вы не слишком убедили. У вас есть какие-либо практические предложения?

– В данный момент нет. И лично мне хочется расследовать лишь одно обстоятельство. Но, думаю, займусь этим сам. О результатах вам сообщу.

– Что ж, надеюсь, они не заставят себя ждать. Но вы должны понимать: мы пока будем продолжать расследование так, как считаем нужным.

– Продолжайте, – самым сердечным тоном произнес мистер Эмберли. – Придерживайтесь своей линии, вреда от этого никому.

Полковник обменялся рукопожатием с сэром Хамфри и надменно бросил Фрэнку через плечо:

– Можете не сомневаться, результатов мы добьемся.

– Что ж, и это тоже возможно. – Мистер Эмберли протянул Уотсону руку. – До свидания. И еще – на вашем месте я бы так не беспокоился, полковник. Дело проще некуда.

Сэр Хамфри убедился, что незванный гость покинул наконец его дом, и вышел на середину гостиной.

– Вот что, Фрэнк. Каждому, кто хорошо тебя знает, очевидно: ты располагаешь фактами, которыми не хочешь делиться с нашим другом Уотсоном, – суровым тоном заметил он.

– Да, фактов полным-полно.

– А известно ли тебе, – сердито продолжил сэр Хамфри, – что долг каждого честного гражданина...

– Известно, сэр, – не слишком вежливо перебил его Фрэнк. – Но я собираюсь сам разобраться с этой маленькой проблемой. Дело в том, дорогой дядя, что вам просто не доводилось работать с господами Уотсоном, Фрейзером и всей их честной компанией. Так что уж лучше предоставьте мне решать, как тут правильно поступить.

– Именно это и собирался сделать, – с достоинством произнес сэр Хамфри. – Потому как у меня нет ни малейшего желания вмешиваться в подобного рода сомнительные делишки.

Глава шестая

Фелисити единолично и безраздельно завладела гамаком на весь день. Эмберли удалось преодолеть сковавшую его лень, в которой она упрекала кузена, причем настолько успешно, что сразу после ухода начальника полиции Фрэнк сел в свой «бентли». Леди Мэттьюз попыталась его удержать словами *Beignets de sole*⁸. Но даже гастрономическая приманка не помогла соблазнить племянника, и он не остался на ленч. Ленч в Грейторне – церемония долгая, а даже в быстрой машине до города добираться больше часа.

Он приехал в Лондон около двух и сразу же отправился в Темпл, к себе на квартиру. Там оставался его слуга, Питерсон, не выразивший при виде хозяина ни малейшего удивления. Дома Фрэнк пробыл недолго, всего минут тридцать, и среди прочих дел выкроил время даже на скорую руку приготовленный ленч.

Затем он снова сел в машину и поехал в редакцию «Таймс», где весьма плодотворно провел целый час за довольно занудным занятием – просмотром подшивков из старых номеров. Исследования перенесли его в прошлое на несколько лет, и он несколько раз клял женщин за неточность в том, что касается дат. И все же в конце концов Фрэнк нашел нужную ему информацию и прямо из «Таймс» поехал на почту. Там он написал длинную телеграмму и отправил ее.

Последним в этой цепи стал визит в частное сыскное агентство. Впрочем, времени он

---

⁸ Рыбное филе в тесте (*фр.*).

там провел совсем немного, и уже в половине пятого его «бентли» мчался на юг.

На сей раз Эмберли успешно воспользовался инструкциями Фелисити и уже в половине шестого прибыл в Грейторн.

Он застал свою кузину и Кокрейна за чаем в библиотеке, а затем узнал, что Энтони уже заезжал за ним чуть раньше, днем, хотел пригласить сыграть в гольф. Не найдя его, уговорил сыграть Фелисити. Они только что вернулись с поля для гольфа.

Фелисити позвонила служанке, велела принести третью чашку с блюдцем и налила Эмберли чая. Выяснилось, что Джоан страдает от сильнейшего приступа мигрени и сразу после ленча улеглась в постель, бросив своего жениха на произвол судьбы.

Фрэнк выразил ему сочувствие, на что Кокрейн мрачно ответил:

– Заметь, я ее ни в чем не виню. Это братец Бэзил постарался. Все утро провел в придирах, винил всех и каждого в грехах и промахах за последние полгода. О, он просто в расчудесном настроении, лучше не бывает, можешь мне поверить!

– Что это на него нашло?

Кокрейн жестом попросил подлить ему чая.

– Видно, ему подкинули целую охапку плохих новостей. Ведь до этого момента все шло прекрасно. И наш Бэзил был радостен и весел, пребывал в самом добром расположении духа. Представляешь, даже съел на завтрак яичницу, что лично меня совершенно поразило, поскольку он пил шампанское до четырех утра.

– А кто принес эти плохие новости?

– Одноглазый мужчина на деревянной ноге! – выпалил Кокрейн. – Походил на морского волка, и было в нем нечто зловещее, это точно. Мы слышали, как он постукивал своим обручком, проходя через холл.

Тут в Кокрейна полетела книга; ему едва удалось увернуться и поймать ее.

– Чертовски скверный выстрел. – Он швырнул книгу на пол.

– Заткнись и не зли меня! – воскликнула Фелисити. – Это одна из библиотечных книг. Ладно, продолжай, Тони. Так кто принес плохие новости?

– Вижу, вы уже догадались: то, что я говорил о морском волке – неправда. На самом деле новости принес какой-то мужчина, два раза постучал в дверь и доставил их в полном молчании. Потом ушел так же тихо, как и пришел.

– Первую почту у нас доставляют очень поздно, – заметил Эмберли. – Так ты, может, все-таки скажешь, в чем заключались эти плохие новости?

– Нет, вы только послушайте его! – воскликнул Кокрейн. – Великий детектив ищет ключ к разгадке! Нет, нет, мистер Холмс, я этого не знаю. Но по возвращении в фамильное гнездо непременно удалю братца Бэзила под каким-нибудь благовидным предлогом из дома и вскрыю сейф. Если таковой, конечно, у него имеется. Если же нет, просмотрю всю корреспонденцию на его письменном столе.

– Осел ты, и никто больше, – заметила Фелисити. – Хотя, конечно, мне страшно жаль, что Джоан так огорчилась. Возможно, Бэзил потерял кучу денег на бирже.

– Нет. Ошибаешься. Это я точно знаю.

Эмберли не сводил с него глаз.

– А что ты еще знаешь, Коркс? Может, поделишься с нами?

– И с чего ты вообще взял, что Бэзилу пришли плохие новости? – спросила Фелисити.

– Ну, когда парень вскрывает письмо, читает его и просто зеленеет от страха или злости, а потом сидит, уставившись на этот злосчастный документ, точно громом пораженный, стороннему наблюдателю сразу все становится ясно. К тому же я его спросил.

– И он тебе ответил? – осведомился Фрэнк.

Энтони призадумался на секунду-другую.

– И да, и нет. После прочтения письма он весь позеленел и был просто в смятении, это очевидно. Тогда я и спросил его: «Надеюсь, не слишком плохие новости?» Ну, он так и вздрогнул, а потом сложил письмо и заявил, что все не так уж и скверно, хотя, конечно, неприятно. И самое странное заключается в том... – Тут он умолк, на его личике херувима

читалась озабоченность. Затем Энтони покосился на Эмберли, словно что-то прикидывая про себя, затем продолжил в резком тоне: – Для меня Бэзил, конечно, гостеприимный хозяин дома, но то, как он обращается с Джоан, просто приводит в бешенство!.. Письмо, так потрясшее его, пришло из частного детективного агентства. Я случайно узнал. Бэзил сидел, держа письмо в руке, и я увидел надпись в верхнем углу бумаги.

– Вот оно что, – задумчиво произнес Эмберли.

– Только не говори нам, что ты об этом думаешь, ладно? – испуганно пролепетала Фелисити.

– Хорошо, дорогая. Не скажу.

– Вы можете решить, что моя информация как-то поспособствует разгадке тайны убийства, но лично я полагаю, все это еще больше запутывает дело. Добавляется еще одна тайна. Тайны сгущаются, уподобляются бобовой похлебке, ложкой не размешать. И если ты, Фрэнк, считаешь, что в преступлении замешан наш братец Бэзил, то глубоко заблуждаешься. И ничего у тебя не выйдет. Попробуй только обвинить его, и я выйду вперед и скажу, что во время совершения убийства дворецкого он был со мной.

– Вообще-то я в данный момент ни о каком убийстве и не думал.

На следующее утро Фрэнк узнал, что Бэзил Фонтейн более или менее оправился от шока, в который ввергли его полученные новости, но у него произошел какой-то скандал с Коллинзом. Этой информацией Эмберли был обязан Джоан Фонтейн, та пришла в Грейторн в компании с Кокрейном потренировать пару терьеров, а заодно принести Фелисити некую давно обещанную книжку. После вчерашнего недомогания Джоан еще не окончательно пришла в себя, была бледна, и Эмберли показалось, что улыбается она как-то неестественно, чисто механически. Обычно Джоан вступалась за Бэзила, но сейчас сделала лишь одну слабую попытку остановить Фелисити, когда та начала пылко высказывать все, что думает о поведении ее сводного брата.

И еще было очевидно, что девушка отчаянно нуждается в поддержке своего жениха. Для нее корень всех зол находился в особняке брата, не скрывала она и того, что с самого начала испытывала к тамошней обстановке ничем не объяснимое отвращение. Атмосфера дома так и излучала тревогу – подглядывающие глаза, какие-то тайны, резкие перепады в настроении брата. Джоан не пыталась объяснить, что именно чувствует, даже не пыталась назвать причин. Она считала, что в каждом доме царит своя особая атмосфера. Вот, к примеру, Грейторн излучал счастье, доброту и тепло. А особняк брата наводняли тени прошлого, призраки старых грехов и трагедий. Все это вызывало у Джоан депрессию.

Ни Кокрейн, ни Эмберли не могли разобраться, в чем тут дело, но каждый из них понимал: пребывание в особняке оказывает сильное отрицательное воздействие на состояние ее духа. Кокрейн заявил, что во всем виноват не сам дом, а его обитатели, в первую очередь Бэзил и Коллинз. Но Джоан лишь удрученно покачала головой. Возможно, у нее с Бэзилем не так уж и много общего, но до переезда в особняк подобных трений в отношениях не наблюдалось. Этот особняк действует на нервы не только ей, но и Бэзилу. Что же касается Коллинза... Тут она содрогнулась и умолкла.

После скандала, разгоревшегося тем утром в кабинете Фонтейна, Энтони лелеял надежду, что камердинера уволят. Что произошло между ним и хозяином, точно никто не знал, хотя Джоан считала, что Коллинз не хотел брать на себя дополнительные обязанности. Было хорошо слышно, как разгневанный Фонтейн повысил голос чуть ли не до визга, а чуть позже Коллинз выскочил из кабинета с губами, сжатыми в плотную тонкую линию.

Так или иначе, несмотря на все уверения Фонтейна, что Коллинз становится просто невыносим и будет скоро уволен, ничего подобного пока не произошло.

Между тем Фонтейн отправился в город на встречу с каким-то человеком – посмотреть, подходит ли он на должность нового дворецкого. Найти подходящую кандидатуру на место, которое занимал покойный Доусон, оказалось не так-то просто. Несколько заявившихся в особняк претендентов не годились никоим образом, а подходящие люди из списка,

присланного агентством по найму Финча, не желали ехать и работать в доме, что находился в семи милях от города и почти в двух – от главной дороги. И вот накануне, около пяти вечера, из агентства позвонили и сообщили Фонтейну, что у них появился новый кандидат и его вроде бы не смущает местоположение особняка. По такому случаю Бэзил и отправился побеседовать с этим человеком, заметив, что, если и тот не подойдет, придется разместить объявление в «Морнинг пост».

И Джоан решила: вот самый подходящий момент пригласить Фелисити и Эмберли на чай в особняк – ведь Фонтейна дома не будет. Фелисити приняла приглашение, а Фрэнк отказался: у него была заранее назначена какая-то встреча. Тут же посыпались вопросы – с кем да зачем, но Эмберли отвечал раздражающе уклончиво. Тогда Фелисити извинилась перед подругой и нашла оправдание кузену: эта встреча, по всей видимости, связана с расследованием дела дворецкого.

Джоан не знала, что Эмберли проявляет особый интерес к этому делу. И объяснение подруги ее явно обрадовало; Джоан выразила робкую надежду, что Фрэнку удастся раскрыть тайну убийства Доусона.

– И я надеюсь, что удастся, – с мягкой улыбкой ответил Эмберли.

– Знаю, вся эта ситуация очень беспокоит и Бэзила, – заметила Джоан. – И страшно его огорчает.

Незадолго до четырех Эмберли отправился на «заранее назначенную встречу». Выехал на дорогу на Верхний Неттлфолд, добрался до города и двинулся дальше, по направлению к коттеджу «Плющ».

Дорога являлась продолжением главной городской улицы и пролегла к югу; по сторонам тянулись, выстроившись в ряд, новые коттеджи. Но вскоре они кончились. Затем дорога сворачивала к западу и на протяжении нескольких сот ярдов шла параллельно реке Неттл. Потом русло реки круто изгибалось, уходило влево, и среди холмистых пастбищ открывалась узенькая дорожка к коттеджу «Плющ».

Мистер Эмберли как раз подъехал к ней, сбросил скорость перед поворотом и вдруг услышал: кто-то окликнул его по имени. Остановился и увидел плотную фигуру сержанта Губбинса; тот, направляясь к Фрэнку, энергично крутил педали велосипеда.

Эмберли притормозил у обочины, выключил мотор.

Губбинс, пыхтя и отдуваясь, слез с велосипеда и заметил, что день сегодня выдался на удивление теплый. Мистер Эмберли с ним согласился.

Сержант удрученно покачал головой:

– Надеялся, что сегодня утром вы появитесь в участке, сэр. Как раз вчера говорил с начальником полиции.

– Надо же, какое совпадение: я тоже.

Сержант смотрел на него с упреком:

– И, когда он рассказал мне, о чем шла речь в Грейторне, я, надо сказать, расстроился. Совсем не похоже на вас, мистер Эмберли.

– Что не похоже?

– Ну само ваше отношение к делу. Совсем не похоже на вас, нет. Потому как я вас хорошо знаю, и у меня возникло ощущение: вы что-то от нас утаиваете. Никогда бы не поверил, сэр, что такое возможно. А то, что вы сказали мне сразу после окончания слушаний... Не могу сказать, что я так уж близко принял все это к сердцу, поскольку знаю, вы у нас человек с юмором, любите пошутить. Но, когда полковник сообщил, что вы отказались работать с полицией, мотивируя тем, что ничего хорошего из этого не выйдет, я, знаете ли, сильно удивился.

– Извините, – пробормотал мистер Эмберли.

Сержант тут же строго добавил:

– И разумеется, мне известно, что в ходе расследования вы часто нарушаете закон...

– Что?!

– Ну, часто переступаете через него, как было в Дартмуре. Да, частенько, но опять же, лично я не против, если это не вредит работе и делается открыто. Все дело в том, что у вас на уме, сэр, вот в чем проблема.

– Послушайте! На что вы намекаете, а?

– По отношению к нам, сэр, вы ведете себя нечестно, – упрямо произнес сержант. – Утаиваете от нас факты. Не дали нам ничего, за что бы можно было зацепиться. А тут и ослу понятно, подозрения у вас имеются.

– Сержант, не надо пудрить мне мозги.

Губбинс в этот момент вдруг понял, что мистер Эмберли смотрит словно сквозь него, устремив взгляд на коттедж «Плющ», очертания которого вырисовывались в конце дороги. Сержант уже хотел развернуться и посмотреть, что же так заинтересовало собеседника, но был неожиданно остановлен.

– Не оборачивайтесь, Губбинс, – тихо произнес Эмберли.

Сержант после этого испытал неукротимое желание обернуться через плечо, но все-таки сдержался.

– Что вы там увидели, сэр?

Но Эмберли уже не смотрел в ту сторону. Минуту назад калитка в заборе отворилась, вышел какой-то мужчина, осторожно огляделся по сторонам. Увидел машину в конце дороги, ее владельца, о чем-то беседующего с сержантом Губбинсом, тотчас резко развернулся и быстро зашагал в противоположном направлении.

– Очень интересно, – вполголоса сказал мистер Эмберли. – И какой же вывод нам следует сделать из этого, а, сержант?

Тот так и вскипел от возмущения:

– О, у меня было много шансов, просто целая куча, сделать выводы, сэр! «Не оборачивайтесь», сказали вы и теперь спрашиваете, что я об этом думаю!

Мистер Эмберли задумчиво погладил подбородок:

– Похоже, я не далек от разгадки.

– Неужели, сэр?! – насмешливо воскликнул сержант. – Что ж, замечательно, просто прекрасно! Может, в таком случае скажете, что именно там видели. Я весь внимание, сэр.

– Человека, сержант. Просто одного человека.

– Да, знаете ли, такое часто видишь, – с сарказмом произнес Губбинс. – Попадают по одному и даже парами. Как раз сейчас вижу пару. Молодого Томаса, а с ним мистер Фэрлью. Погодите, сэр, сейчас и сами увидите.

– Надо же, такой вроде бы приличный персонаж, – словно не слыша его, заметил мистер Эмберли. – Однако он не обрадовался, увидев нас. А куда ведет вон та тропинка, Губбинс?

– К ферме Фосеттов, – буркнул сержант.

– И куда больше?

– Там и обрывается.

– Ага. Как вам кажется, у нашего друга Коллинза действительно могут быть какие-то дела на ферме Фосеттов?

Губбинс тут же заинтересовался:

– Коллинза? Так это был он, сэр?

– Да, сержант. А перед тем он заходил в коттедж «Плющ».

– Странно. Чего ему там понадобилось? А потом, значит, пошел к Фосеттам?.. Тогда ему придется срезать дорогу полем, когда он двинет обратно. Иначе никак. А знаете, если вдуматься, мы почти ничего не знаем об этих Браунах, сэр. Парень все вечера напролет торчит в пабе «Синий дракон». Напивается до чертиков. И какие дела у него могли быть с дворецким?

– Очень хотелось бы знать.

– Да, сэр, не сомневаюсь, что вам хотелось бы, и если б я был уверен, что вы всего лишь любопытствуете... Но что вы имели в виду, сказав, что недалеко от разгадки, а?

– Смотрю, от вас ничего не утаишь, сержант.

– Что ж, сэр, у меня ведь тоже кое-какие мозги имеются. – Губбинс был явно польщен. – Правда, не могу сказать, что принадлежу к разряду людей, которые считают, что знают все на свете. И потому выражаются так заумно, что сам черт не разберет, на что намекают. Если вообще намекают, в чем кое-кто может и усомниться.

– К примеру, кто? – усмехнулся Фрэнк.

– Послушайте, сэр! – воскликнул Губбинс. – Я просто не могу торчать здесь на дороге весь день, играя с вами в словесные игры и терпя ваши насмешки. Мне надо делать свою работу. И я как раз собирался сказать вам, что мне не нравится этот Коллинз и никогда не нравился, но что толку? Мое мнение вас все равно не интересует.

– Почему же? Интересует. Но еще интереснее было бы узнать, зачем Коллинз заходил в коттедж «Плющ».

– Ну это-то мы с вами можем выяснить! – воспрянул духом сержант. – Правда, не вижу, какое отношение все это может иметь к преступлению, но уж лучше сходить в коттедж «Плющ», нежели присоединиться к группе болванов, которым велено перевернуть прошлогоднюю листву в поисках стреляной гильзы. И они ее до сих пор не нашли, да и никогда не найдут, хотя констеблю Паркинсу удалось обнаружить в канаве чайник с дыркой и остатки старого ботинка.

– А они не видели следы от шин велосипеда или мотоцикла в поле за изгородью?

– Нет, сэр. Насколько мне известно, нет.

– А они вообще искали в поле?

– О да, сэр, искали, но были не очень-то внимательны, потому как отвлекались на целое стадо молоденьких волов, которых мистер Фосетт выгнал на пастбище. Насколько я понял, игривые такие попались бычки.

– А они поиграли с инспектором Фрейзером?

– Как я слышал, инспектор бросился наутек и не дал бычкам никакого шанса.

Мистер Эмберли рассмеялся и включил мотор.

– Возможно, просто не любит животных. А теперь, сержант, хватит сплетничать и задерживать меня. Должен, знаете ли, заняться более важным делом.

– Я? Это я вас задерживаю?.. Но...

– И еще хотелось бы, чтобы вы не расследовали причину визита Коллинза в коттедж «Плющ». Займусь этим сам.

Машина медленно двинулась вперед; сержант какое-то время шел рядом.

– Все это прекрасно, сэр, но когда мы наконец хоть что-то от вас получим?

– Всему свое время. Мне пока особенно нечем делиться. Хотя должен сказать вам вот что. Если не ошибаюсь, именно вы поняли, что убийство Доусона не самая важная и интересная часть загадки. Пока!

Сержант отстал, какое-то время стоял и смотрел вслед машине,двигающейся к коттеджу «Плющ». Потом мрачно покачал головой, развернул велосипед и продолжил прерванный путь в Верхний Неттлфолд.

Эмберли остановил машину у небольшой белой калитки, вышел, двинулся по дорожке к входной двери. Окно в гостиной было открыто, и он услышал раздраженный голос Марка Брауна:

– Ты испортила все дело! Надо было мне самому этим заняться. Он обвел тебя, как дуру, вокруг пальца! Ты позволила ему заполучить эту вещь, а потом послала за ним, позвала сюда. И что толку? А если кто-то его здесь видел?

Эмберли громко постучал в дверь, сердитый голос тут же стих. И через минуту дверь ему отворил Марк Браун, потом на крыльцо выскочил бультерьер, приветливо виляя обрубком хвоста.

– Добрый день! – весело сказал мистер Эмберли. – Я пришел вернуть вашей сестре принадлежащую ей вещь.

Марк узнал его и заметно покраснел.

– А, это вы... тут накануне... был маленько не в форме. Очень любезно с вашей стороны, что доставили меня домой.

Эмберли, когда ему того хотелось, бывал очень мил, само очарование, именно так он себя и повел. Фрэнк поболтал с Марком минуты две, тот заметно расслабился и пригласил гостя в дом.

В сопровождении Марка и буфетьера Эмберли вошел в гостиную, где возле стола стояла Ширли Браун. Она не выразила при виде Фрэнка ни малейшего удовольствия, хмуро смотря на него из-под насупленных бровей.

Но мистера Эмберли это ничуть не смутило.

– Как поживаете? Благополучно ли добрались до дома вчера вечером?

– Если б нет, меня бы здесь не было.

– Прекрати, Ширли! – одернул ее Марк и пододвинул гостю стул. – Может, присядете мистер... Эмберли, если я не ошибаюсь? Вы вроде бы сказали, что хотите вернуть какую-то вещь сестре?

На секунду-другую в комнате повисло напряженное молчание; брат и сестра многозначительно переглянулись.

– Итак? – с вымученной беззаботностью произнес Марк. – Что именно?

– Это обронила мисс Браун. – Эмберли достал из кармана скомканный носовой платочек. – Вот, пожалуйста.

Напряжение тотчас спало. Ширли взяла платок.

– Вы очень добры, я доставила вам столько хлопот, – с иронией сказала она.

– О что вы! Сущие пустяки, – вежливо ответил Эмберли.

Она посмотрела на него в упор – во взгляде читались удивление и враждебность. Брат проявил больше гостеприимства и заполнил неловкое молчание, осведомившись у Эмберли, не желает ли тот остаться на чай.

Фрэнк принял приглашение и обезоруживающе улыбнулся Ширли. Она хотела что-то сказать, но сдержалась. Развернулась и молча вышла на кухню.

Марк начал извиняться за скудную обстановку дома. Они с сестрой сняли этот коттедж всего на месяц, на период отпуска. А вообще оба работают в городе – тут Марк на миг стыдливо отвел взгляд от гостя. Ширли является секретарем Энн Марч. Марк выразил надежду, что Эмберли знакомо это имя: она писательница, автор трех очень неплохих романов. Сам Марк работает в банке. При этих словах он вновь отвел в сторону глаза. С учетом его поведения, а также того, что отпуск у банковских служащих никогда не длится целый месяц, Эмберли сделал вывод, что парень врет. Или вообще не имеет никакого отношения к банку, или его уволили, что ничуть не удивительно. Фрэнк, однако, проявил тактичность и сменил тему разговора.

Когда в гостиной появилась Ширли с подносом, он громко выражал восхищение накидкой из шкур королевского шакала, что была небрежно выброшена на диван, набитый конским волосом. Сказал, что один его друг привез в точности такую же из Дурбана. На это Марк заметил, что в тамошних магазинах этих накидок полно.

Ширли прервала их дружескую болтовню вопросом: пьет ли гость чай с молоком и сахаром. Эмберли тут же переключил все внимание на нее и к неудовольствию девушки принялся обсуждать вчерашний бал-маскарад в особняке. Ее односложные ответы ничуть его не смутили, в глазах Эмберли играла насмешливая улыбка. Она поняла: этот несносный тип просто наслаждается ее раздражением, и постаралась его скрыть.

Когда чаепитие закончилось, Ширли попросила Марка убрать со стола посуду и, как только он вышел, без обиняков спросила Эмберли:

– Ну? В чем дело?

– Что значит «в чем»?

– Зачем сюда заявились? Не думаете же вы, что я поверю, будто из-за какого-то платка! Или вы принимаете меня за полную дуру?!

– Так и есть. – Он вновь обезоруживающе улыбнулся, причем настолько заразительно,

что девушка сама едва не заулыбалась в ответ.

Однако вовремя сдержалась.

– Я считаю, что вы самый грубый и невоспитанный мужчина из всех, с кем я имела несчастье встречаться.

– Вот как? Выходит, вы достаточно опытны в отношениях с мужчинами?

Тут Ширли усмехнулась и встала.

– Нет, вы просто невозможны. – Она протянула ему руку.

Тем самым девушка как бы признавала свое поражение в этой пикировке и просила его убраться с глаз долой. Но Фрэнк, хотя и поднялся вслед за ней, ее руку пожимать не стал.

– Мистер Эмберли! – Ширли резко опустила руку.

– Да?

– Я вызываю у вас подозрения, что имеет под собой некоторые основания, признаю. Но если так, почему бы не предоставить полиции заняться этим вопросом?

Он покачал головой:

– Боюсь, вы переоцениваете умственные способности нашего инспектора. Он бы наверняка решил, что вас надо приговорить к повешению.

– Но вы ведь работаете на полицию, разве нет? И не стоит отрицать – знаю, что работаете. И все еще считаете, что я имею отношение к тому убийству...

Тут он перебил ее:

– А вы, можно подумать, не имеете, да, мисс Браун?

Она заметно побледнела:

– Что вы хотите этим сказать?

– Тем вечером вы отправились на встречу с Доусоном.

– Нет!

– Не надо лгать. У него была при себе какая-то вещь, необходимая вам. Из-за нее его и убили. Вы просто опоздали, мисс Браун.

– Это неправда! – осевшим голосом произнесла она. – У вас нет доказательств!

– Будут. – Он взял свою шляпу. – И не надо смотреть на меня такими деревянными глазами. Я не собираюсь ни о чем вас расспрашивать. Я пришел сюда, чтобы узнать одну вещь. И эту информацию я получил. А все остальное получу очень скоро. И обойдусь при этом без вашей помощи.

– Что за информация? Что вы такое обнаружили? Может, у вас слишком пылкое воображение?

– Думайте что хотите, может, и догадаетесь. И большое спасибо за чай. До свидания!

Глава седьмая

Надежды мистера Эмберли провести остаток дня спокойно и мирно разрушил телефонный звонок посреди обеда. Сэр Хамфри сурово осуждал людей, имевших пакостную привычку звонить во время трапезы, и начал с пристрастием допрашивать дворецкого, кто именно зовет Эмберли к телефону и почему нельзя передать все на словах.

Услышав, что звонок от Бэзила Фонтейна, Фрэнк сказал, что подойдет. Несколько минут спустя он вернулся в столовую и на расспросы любопытной Фелисити ответил, что Фонтейн хочет, чтобы он заехал в Нортон после обеда.

– А для чего? – не унималась Фелисити.

– Очевидно, вспомнил некую важную и ценную деталь, – ответил Эмберли, накладывая себе салат.

– А меня тоже приглашал?

– Нет.

– Невежа, – заметила Фелисити без особой, впрочем, злости.

Эмберли приехал в особняк Нортон примерно в половине десятого, вечер выдался изумительно ясный и тихий. Особняк купался в лунном свете, отбрасывая на землю черные четкие тени. Дом выглядел неприветливо, шторы на всех окнах плотно задернуты, изнутри не просачивалось и лучика света.

Эмберли встретил Коллинз, провел его в библиотеку, располагавшуюся в левом крыле дома. Там уже ждал Фрэнк хозяин особняка.

Фонтейн извинился за то, что вытащил его из дома в столь поздний час, но он, Бэзил, только сегодня днем узнал от начальника полиции важную новость: Эмберли ведет собственное расследование убийства дворецкого. Поэтому Фонтейн хочет кое-что ему рассказать.

Тут он умолк – в библиотеку вошел Коллинз с подносом, принес кофе. Бэзил ждал, пока слуга подает чашку гостю, наливает горячую жидкость из кофейника. А потом вдруг, не обращая внимания на присутствие камердинера, взял с подноса большой шарообразный бокал для ликера и произнес:

– Я говорил с Коллинзом по поводу того, что случилось с Доусоном, но, к сожалению, он не многим помог. Тем не менее полагаю, ему об этой истории известно больше, чем мне. Хотя Коллинз утверждает, что Доусон крайне редко обсуждал свои дела со слугами.

Эмберли покосился на безразличную физиономию слуги:

– У вас не создалось впечатления, что Доусону было что скрывать?

Коллинз ответил тихим, невыразительным голосом:

– Нет, сэр. Я с ним мало общался. Мы были не слишком дружны.

– То есть вы испытывали неприязнь друг к другу?

– О, Боже мой, нет, сэр, ничего подобного. Если б между нами случались стычки, я не остался бы служить в этом доме.

Эмберли отвернулся к камину.

Через минуту Коллинз вежливо спросил:

– Желаете, чтобы я подал что-то еще, сэр?

– Нет, это все, – ответил Фонтейн. Подождал, когда слуга выйдет, а потом сказал, что ему удалось найти дворецкого, замену Доусону.

– Вот как? Слышал, вы даже ездили в город, встречались с кандидатом на эту должность. Он вас устроил?

– Во всяком случае, у него отличная рекомендация, хотя я бы предпочел переговорить по телефону с последним его нанимателем. Но, к сожалению, этот человек уехал в Америку. Да, у Бейкера – такова фамилия дворецкого – прекрасная рекомендация, но кто знает, соответствует ли она истине, все познается на практике. Бейкер выразил желание сразу же приступить к своим обязанностям, ну и я решил взять его на испытательный срок. Тем более что он не работал месяц или два по состоянию здоровья. Надеюсь, этот Бейкер не окажется жуликом. – Фонтейн пододвинул к гостю открытую коробку сигар, но затем, вспомнив, что Эмберли их не курит, огляделся по сторонам в поисках сигарет.

Фрэнк попросил его не беспокоиться, достал трубку, начал набивать ее табаком.

– Так о чем вы собирались мне рассказать?

История эта случилась два года назад, начал Фонтейн, когда он вступил в права наследства после смерти дяди. Уже въехав в особняк, узнал, что каждому из слуг раз в месяц положен один полный выходной день – вдобавок к тем, когда их отпускали на полдня. Это условие показалось Бэзилу вполне справедливым; в любом случае ему не хотелось менять устоявшийся в доме распорядок. Из всех слуг лишь одному Доусону позволялось возвращаться в особняк в любое время, все остальные в свой выходной должны были являться не позже десяти вечера. Дело в том, что в такие дни дворецкий обычно навещал свою сестру, проживавшую в Брикстоне, – добраться туда от Верхнего Неттлфолда не так-то просто. И Фонтейн не возражал – ровно до тех пор, когда однажды он, обедая в городе, как раз в выходной дворецкого, вдруг не увидел в трех столиках от себя Доусона в компании какого-то мужчины.

Мистер Эмберли приподнял брови, но промолчал.

Произошло это в ресторане «Магнифисент» с довольно безвкусным интерьером с позолотой, но далеко не дешевом. Возможно, ему, Эмберли, знакомо это заведение?

Фрэнк кивнул, зажал трубку в зубах и полез в карман за спичками.

Фонтейн, естественно, удивился, увидев дворецкого, но сделал вид, что не заметил его – Бэзилу было в общем-то все равно, чем занимаются слуги в свои законные выходные. Однако следующим утром дворецкий сам затронул эту тему. Сказал, что хозяин, должно быть, удивлен тем, что его слуга обедает в «Магнифисенте», и выразил желание объяснить, как и почему это произошло. Тогда Фонтейн был вполне удовлетворен объяснением дворецкого, вскоре вовсе позабыл об этом незначительном эпизоде, и всплыл он в памяти Бэзила уже после убийства Доусона. И вот Фонтейн решил вспомнить все, что знал и слышал о своем дворецком.

Обедал тот в «Магнифисенте» с одним американцем, давнишним своим знакомым из Нью-Йорка, где несколько лет довелось работать Доусону – Джаспер Фонтейн привез его в Англию именно из Америки. Бэзил склонялся к мысли, что видел его тогда в компании с лакеем какого-нибудь миллионера, но уверен не был в этом. Так или иначе, но американец, с которым дворецкий обедал, если, конечно, верить словам самого Доусона, нажил целое состояние и приехал посмотреть Англию. Разыскал адрес своего давнего друга и пригласил его отобедать в городе. Тогда, после рассказа Доусона, у Фонтейна сложилась впечатление, что этот американец просто пускал пыль в глаза старому знакомцу, решил похвастаться своим богатством. И Бэзил не стал больше размышлять на данную тему, лишь теперь решил подытожить, что ему известно о Доусоне. И первое, что его смутило – откуда взялись деньги, вроде как отложенные дворецким на черный день. Фонтейн сначала предположил, что Доусон играл на ипподроме, но экономка разбила эту версию в пух и прах, заверив, что дворецкий крайне неодобрительно относился к любым азартным играм.

Тогда Бэзил и вспомнил тот вечер в ресторане «Магнифисент». В свое время Фонтейн не усомнился в правдивости рассказа дворецкого, но в свете новых событий и фактов решил, что, возможно, он не соответствует истине. А что, если тот американец вовсе не являлся старым другом, а был человеком, которого Доусон держал на крючке?

– Так вы считаете, что дворецкий мог оказаться шантажистом?

– Конечно, о покойных либо хорошо, либо ничего, но чем больше я думаю об этом, тем вероятнее кажется такая версия. Два года тому назад... Дело в том, что именно тогда Доусон открыл счет в банке Карчестера. Ну, что скажете?

– Любопытно... – протянул Эмберли. – А вы можете назвать точную дату того обеда с американцем?

– К сожалению, нет, – удрученно покачал головой Фонтейн. – Но все равно я решил, что упомянуть об этой истории стоит.

– Правильно решили. Этим стоит заняться. И инспектор Фрейзер постарается выследить неизвестного американца – а возможно, и не американца вовсе, – который обедал в популярном ресторане два года тому назад, в день... впрочем, дату вы забыли. Да, занимательное предстоит занятие.

Фонтейн рассмеялся:

– Ну, если представлять в таком свете, дело кажется безнадежным. Кого это принесло, черт возьми?..

Где-то в отдалении звенел колокольчик. Незванный гость делал все, чтобы быть услышанным. В полной тишине, царившей в доме, должно быть, с минуту, даже дольше раздавалось гулкое бряканье металла о металл.

– Передняя входная дверь, – заметил Фонтейн. – На всех остальных электрические звонки. Господи, только бы не этот чертов инспектор! Только и знает, что шастать ко мне в дом, донимать слуг разными идиотскими вопросами. Моим людям это, знаете ли, не нравится.

Эмберли взглянул на часы:

– Не думаю, что инспектор явился бы в такой час, не имея на то веской причины. Очевидно, нечто жизненно важное.

Но вот колокольчик брякнул в последний раз и умолк, настала тишина. Затем они услышали, как открывается дверь, а потом – неразборчивое бормотание голосов, которые становились все громче и громче.

Фонтейн недоуменно и насмешливо приподнял брови.

– Что, черт побери!.. – начал он и тут же умолк, прислушался.

Один голос повысился чуть ли не до истерического крика, но разобрать слова по-прежнему было невозможно. Затем они услышали звуки возни или борьбы, а потом отчаянный вопль:

– Помогите!

Фонтейн вскочил.

– Боже милостивый, это же Коллинз! – воскликнул он и бросился к выходу.

Тут снова раздались крики:

– На помощь! Помогите!

Фонтейн распахнул дверь и выбежал в холл. Входная дверь была открыта настежь, у порога двое мужчин сплелись в отчаянной схватке. Одним из них был дворецкий, вторым – Марк Браун.

Внезапно блеснул ствол пистолета в руке Марка. Коллинз попытался вырвать оружие из рук противника; бегущий на помощь Эмберли отчетливо увидел его лицо: губы раздвинуты в хищном оскале, глаза горят ненавистью и неукротимой злобой.

Но не успели Фонтейн с Фрэнком добежать до порога, как Марку все же удалось вырваться из рук дворецкого.

– Будь проклят и гори ты в аду! – выкрикнул Браун. – Вот тебе, получай!

Грянул выстрел, но, спуская курок, Марк пошатнулся, и пуля просвистела мимо Коллинза. Треск, звон разбитого стекла – она угодила в застекленный шкафчик в конце коридора, прошила его насквозь и застряла в стене.

Марк не успел выстрелить снова – Эмберли подскочил к нему, ухватил за руку, вывернул ее, забрал пистолет и сунул его себе в карман.

В этот момент распахнулась дверь бильярдной комнаты и в холл выбежал Энтони, а следом за ним – Джоан.

– О-ля-ля! – весело воскликнул молодой человек. – Кто затеял тут перестрелку? Жертвы есть?

– Все в порядке, никто не пострадал, – ответил ему Эмберли.

Фонтейн гневно взглянул на пленного, ухватив его за свободную руку:

– Ты кто такой, черт побери?! Ты что это творишь в моем доме, а?!

Похоже, боль в вывернутой за спину руке немного отрезвила Марка. Он бросил злобный взгляд на Фонтейна:

– Отпустите меня! Все равно ничего вам не скажу. Отпустите!

Но Бэзил продолжал держать его за руку.

– Едем в полицию, Коллинз! – распорядился он.

Налитые кровью глаза Марка злобно блеснули.

– Не советую, – угрожающе произнес он. – Пожалеете, если туда обратитесь. Еще как пожалеете, точно вам говорю! Никто не смеет так со мной обращаться!

– Он пьян, – объявил Кокрейн. – Нажрался, как свинья! Ты кто такой?

Вместо Марка ответил Коллинз:

– Сдается мне, этот молодой джентльмен из коттеджа «Плюш». – Дворецкий уже успел обрести обычно присущую ему сдержанность: ни на лице, ни в тихом ровном голосе ни следа эмоций.

– Что? – Фонтейн удивленно уставился на Марка.

– Он ваш приятель, что ли, а Коллинз? – спросил Кокрейн.

– Нет, сэр. Боюсь, этот юный джентльмен не совсем трезв, как вы изволили выразиться.

– В кого он стрелял? – поинтересовался Энтони.

– В меня, сэр. Но не думаю, чтобы в тот момент он отвечал за свои действия.

– С чего это вы взяли, что не отвечал? – продолжал допытываться Кокрейн.

Фонтейн по-прежнему не сводил с Марка глаз.

– Стало быть, джентльмен? Вы совершенно правы, Тони, он в стельку пьян. – И Бэзил затащил Марка в холл, свободной рукой захлопнув входную дверь. Потом отпустил паренька и, хмурясь, уставился на него. – А теперь скажите, молодой человек, какого черта вам понадобилось врваться в мой дом и стрелять в моего слугу? Вы понимаете, что за это я могу засадить вас в тюрьму?

Марк потирал покрытую синяками руку.

– Ладно! Валяйте, сажайте меня в тюрьму! – беззаботно, почти весело воскликнул он. – Я этого не боюсь! А вы еще сильно пожалеете, что связались со мной! Вот увидите!

Фонтейн с отвращением поморщился:

– Его следовало бы упечь за решетку, но боюсь, паренек слишком пьян, чтобы отдавать отчет в своих действиях.

– Все это, конечно, так, – заметил Энтони, – но что привело его сюда, почему он пытался убить Коллинза? Просто в приступе белой горячки?

– Я не хотел его убивать! – крикнул Марк. Теперь он смотрел испуганно. – И стрелять не собирался.

Тут наконец в разговор вмешался Эмберли, который до сих пор молча наблюдал за происходящим.

– Советую вам извиниться перед мистером Фонтейном, – сказал он Марку. – Вы выставили себя полным идиотом.

Фонтейн взглянул на Фрэнка:

– Вы что, знакомы с ним, Эмберли?

– Немного. В таком состоянии он пребывает почти все время.

– Господи Иисусе! Что ж, не хотелось бы поступать с этим мальчишкой слишком сурово. Как, по-вашему, я должен поступить? Сдать его полиции или отпустить?

– Я отпустил бы, – ответил Эмберли. – Но решать, разумеется, только вам.

– Ну не знаю. Ведь он... мог убить Коллинза.

– Лично мне не хотелось бы доставлять молодому человеку неприятности, сэр, – отреагировал на слова хозяина дворецкий. – Вот придет в себя, тогда и поймет, как глупо поступил.

Марк, переводя неуверенный взгляд с него на Фонтейна, тихо произнес:

– Я не хотел... чтоб так вышло. Я... совершил ошибку. Простите меня.

– Пусть в будущем это послужит вам уроком. Учитесь как-то сдерживать свои эмоции, – строго сказал юноше Фонтейн. Отступил на шаг, распахнул дверь. – А теперь пошел вон отсюда!

Марк, не произнося ни слова, прошмыгнул в дверь и растворился во тьме.

– Черт! – взорвался Кокрейн, как только хозяин дома захлопнул за Марком дверь. – Ничего глупее придумать не могли, нет? Да, может, это он застрелил старого Доусона!

– Застрелил Доусона? – тупо повторил Фонтейн. – Но на кой черт ему это понадобилось?

– Если уж так рассуждать, то какого черта ему понадобилось стрелять в Коллинза? – парировал Энтони, провожая взглядом дворецкого, который торопливо зашагал к вращающейся двери в конце холла. – Нет, я вовсе не утверждаю, что это его рук дело, но... – Он пожал плечами.

– Это просто ужасно! – воскликнула Джоан, дрожавшая с головы до пят. – Зачем он вообще заявился сюда, что разнюхивал? И только не говорите мне, что был пьян, еще раз услышу это, и меня просто стошнит! Что, если б я, допустим, ворвалась в чужой дом и принялась бы палить из пистолета, а потом в оправдание сказала, что напилась и ничего не соображала? Вас бы устроило такое объяснение? Черта с два! Этот тип явно собирался кого-

то пристрелить. Ну а потом, выпив четыре или пять рюмок подряд, вдруг подумал: «Нет, ей-богу, вот прямо сейчас пойду и сделаю это!» И не говорите мне, что просто потому, что парень перебрал и ему вожжа попала под хвост, он где-то раздобыл пистолет, затем прошагал несколько миль до дома, где никогда не бывал прежде, и принялся палить по мишеням. Детский лепет!

– Совершенно верно, – заметил Эмберли. – Если б я увидел, как вы, Джоан, пытаетесь силой ворваться в незнакомый дом, то подумал бы худшее. Но вы у нас человек уравновешенный. А этот юнец – нет.

– Вот именно! – восторженно воскликнул Энтони. – Старый котелок варит, полон серого мозгового вещества, верно?

– Я не сказал ничего особенного, просто хотел подчеркнуть разницу между людьми неуравновешенными и, мягко говоря, не слишком умными.

– Скажите, мистер Эмберли, вы действительно так думаете? – спросила Джоан.

– Мисс Фонтейн, у меня создалось впечатление, что у молодого Брауна имеется против кого-то зуб. И когда он напивается, то не слишком ясно представляет себе, против кого именно. Вполне возможно, он ненавидит капитализм в целом, именно поэтому и напал на особняк. В любом случае бояться или воспринимать его угрозы всерьез не стоит. – Фрэнк взглянул на наручные часы. – Мне пора. Надеюсь, сегодня в вашем доме больше не будет неуравновешенных гостей.

Покинув особняк, мистер Эмберли выбрал не дорогу на Грейторн, а свернул направо, к Верхнему Неттлфолду. И проехал не так много, когда в свете фар с облегчением заметил фигуру пешехода, не слишком твердым шагом бредущего по обочине. Эмберли обогнал его и притормозил. Потом, перегнувшись, распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья и скомандовал, чтобы Марк Браун немедленно сел в машину.

Тот замотал головой и пошел дальше, но, когда в повторной команде зазвучали жесткие нотки, сдался и повиновался.

Похоже, мистер Эмберли был не в настроении вести беседу. Заметив, что Марк вел себя, как полная задница, он молчал на протяжении всей дороги до коттеджа «Плющ». Марк бормотал что-то нечленораздельное в свое оправдание, но из-за рева мотора разобрать слова было трудно, к тому же они не слишком интересовали Эмберли. В конце концов Марк понял, что его объяснения никому не нужны, и погрузился в мрачное молчание.

Машина подкатила к коттеджу «Плющ», и Марк, сопровождаемый Эмберли, побрел нетвердой походкой по тропинке через сад к дому, напустив на себя нарочитую беззаботность.

Едва они приблизились к двери в коттедж, как она распахнулась, и крыльцо озарилось льющим изнутри светом. Голос Ширли звенел от волнения:

– Это ты, Марк? – Потом она увидела за спиной брата более высокую и крупную фигуру. – Кто это с тобой?

Эмберли шагнул в круг света:

– Не волнуйтесь.

Она посмотрела на него, но облегчения на лице не читалось.

– Мне следовало догадаться, – вздохнула девушка. – Ну, что случилось на этот раз? – Она перевела взгляд на брата.

Тот суетливо замахал руками и ответил с вызовом в голосе:

– Он сам все тебе расскажет. Только не воображай, будто я хочу слушать твои комментарии, нет, не собираюсь. Иду спать.

Он хотел было протиснуться мимо сестры в дом, но та перехватила его за руку.

– Где ты был? Я заходила в «Синий дракон». Там сказали, что ты давно ушел.

Он стряхнул ее руку.

– Наверное, я должен как следует проучить тебя, чтобы ты больше не смела меня выслеживать! – И с этими словами Марк прорвался в дом.

Ширли обернулась к Эмберли.

– Зайдете? – безразличным тоном спросила она.

Фрэнк прошел следом за ней в гостиную. В бледном электрическом свете лампы лицо девушки казалось особенно усталым, осунувшимся.

Она указала на стул:

– Получается, вы снова доставили его домой. Похоже, это стало вашей миссией. Что он на сей раз натворил?

– Из кожи вон лез, чтобы его арестовали. – Эмберли вытащил из кармана пистолет, положил на стол. – Может, вам стоит спрятать его понадежнее, чтобы он больше его не брал?

Она побледнела, как мел.

– Не пойму, как он догадался, где я его прячу. Куда он с ним ходил?

– Вы ведь и сами знаете, верно? – мягко заметил Эмберли.

Она подняла на него глаза. И молчала.

– Он ходил в особняк Нортон.

– Напившись, Марк ведет себя как безумный, – ровным тоном заметила девушка. – Что он натворил?

– Да ничего особенного. Если не считать того, что пытался пристрелить дворецкого.

– О Господи! – с горечью простонала она.

– Ужасно, не правда ли? После всех неприятностей только этого вам не хватало.

– И что же с ним сделали? Что сказали?

– Решили, что он слишком пьян, чтобы отдавать себе отчет в собственных поступках, и просто вышвырнули его вон.

– Дворецкий пострадал?

– О нет. Никто не пострадал.

Ширли хмурилась и молчала. Затем после паузы сказала:

– Они его отпустили. Но тогда... – Тут она снова умолкла и забарабанила по столу кончиками пальцев.

– Вот именно. Похоже, он просто устроил там маленькое представление, верно?

Ширли окинула его испытующим взглядом:

– Не понимаю, на что вы намекаете.

– Почему вы не хотите довериться мне? – спросил он с редкой для себя мягкостью.

– Не вижу причин, мистер Эмберли, по которым мне стоило бы вам доверять. Ведь я ничего о вас не знаю, ну, кроме того, что вы связаны с полицией. А поскольку полиция ничем не может мне помочь...

– Зато я могу.

Она продолжала недоверчиво смотреть на него. Потом откинула тяжелую прядь волос со лба.

– Прошу вас, пожалуйста, не надо больше доставать меня этими расспросами, – устало произнесла Ширли. – У меня нет ни малейшего желания пикироваться с вами.

– Иными словами, предпочитаете вести игру в одиночку? – спросил Фрэнк теперь уже достаточно жестко.

– Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое.

Эмберли взял свою шляпу:

– Не слишком мудро поступаете. Все складывается не лучшим для вас образом, мисс Ширли Браун. И вам грозит нешуточная опасность.

– Боже мой, да вы мне угрожаете, что ли? – с вызовом спросила она.

– К чему мне угрожать? Просто предупреждаю. Доброй ночи.

На всем пути до особняка Грейторн мистер Эмберли озабоченно хмурился и не стал пускаться в объяснения с Фелисити, когда та пожелала узнать, почему он так поздно вернулся.

На следующее утро, сразу после завтрака, он уехал в Карчестер, где находился полицейский участок. Его немедленно провели в кабинет инспектора Фрейзера. Тот встретил его с плохо скрываемой враждебностью и заметил, что ждет этого визита уже давно.

Но сегодня мистер Эмберли был настроен весьма агрессивно, и ответ его оказался столь резок, что Фрейзер покраснел от гнева. Не дав инспектору возможности опомниться, Фрэнк затребовал отчет о ходе расследования и его результатах на сегодняшний день.

Зная, на чьей стороне скорее всего окажется начальник полиции, инспектор решил, что с этим барристером лучше не связываться. И первым делом ознакомил его с длинным списком безупречных алиби. У каждого в особняке было алиби, даже у прислуги женского пола. Ко времени, когда Эмберли узнал, что экономка находилась в Верхнем Неттлфолде, главный садовник – в гостях у шофера, что дворецкий гладил костюм мистера Фонтейна, а младший садовник проводил время в обществе некоей юной особы, он уже начал откровенно зевать. Инспектор предложил Эмберли ознакомиться и с другим списком лиц, обитателями коттеджей, расположенных неподалеку от места преступления, но Фрэнк заметил, что прибыл в Карчестер вовсе не для того, чтобы ему рассказывали о людях, которые преступления не совершали.

Фрейзер промямлил что-то нелестное в адрес детективов-любителей и перешел к отчету о поисках гильзы. Ее так и не нашли, равно как и не обнаружили никаких следов от велосипедных шин в поле, за живой изгородью. Происхождение сбережений Доусона также было покрыто мраком тайны. Все это позволило мистеру Эмберли сделать короткий и категоричный вывод: полиции не удалось обнаружить ровным счетом ничего.

Пока инспектор переваривал это высказывание, барристер вкратце изложил ему историю, которую узнал от Фонтейна не далее как вчера вечером.

Инспектор заинтересовался и, когда Эмберли закончил, радостно потер руки:

– Вот теперь у нас есть за что зацепиться. Жаль, что мистер Фонтейн не вспомнил о том случае раньше. Для натренированного ума, мистер Эмберли, в этой истории есть пища для рассуждений и серьезных выводов.

– Весьма серьезных, и я искренне рад за вас. А пока не мешало бы приставить человека к Марку Брауну, проследить за ним.

Инспектор изумленно уставился на него. Затем на его губах заиграла снисходительная улыбка:

– Марк Браун, сэр? Да Господь с вами, мистер Эмберли. Боюсь, вы начитались всяких там дешевых триллеров. Знаком с этим стилем. Загадочный молодой человек, который приезжает жить в провинцию без всяких видимых на то причин. Но это не так, уверяю вас. И наша полиция, знаете ли, не спит.

– Вы поняли, о чем я прошу? Приставить человека к Марку Брауну.

– Мистер Эмберли, мы уже ознакомились с его биографией. И ничего такого в ней нет. Вы попали на ложный след. Они с сестрой живут в Эрл-Корте, в крохотной съемной квартирке. Сестра работает секретаршей Энн Марч.

– Но я настаиваю на том, чтобы за Марком Брауном была установлена слежка.

– Я выполняю приказы только от начальника полиции, мистер Эмберли.

– Разумно. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном?

– Нет, конечно. И, если у вас имеется реальная причина подозревать в чем-то Марка Брауна, тогда совсем другое дело, – смягчил свою позицию инспектор. – Что именно вам удалось на него найти?

– Пока ничего. Более полно я смогу ответить на этот вопрос ну, скажем, через пару дней.

– Стало быть, одни подозрения, так? Но полиция в своей работе не может опираться на какие-то подозрения. Нужно нечто большее.

– Поэтому и стараюсь оградить вас от лишних хлопот.

Инспектор потер подбородок, косо взглянул на барристера.

– Может, вы все же скажете, что у вас на уме, мистер Эмберли. Вы подозреваете, что именно Марк Браун совершил убийство, так?

– Полагаю, что он не имеет к убийству ни малейшего отношения.

Фрейзер покраснел:

– Не понимаю, куда вы клоните, сэр, но если этот Браун к убийству отношения не имеет, тогда он вовсе меня не интересует.

– Искренне верю. Поскольку вы никогда не видите дальше кончика своего носа. Само убийство, как я уже говорил прежде, представляет наименьший интерес в этом деле.

– Вот как, сэр? Занятно, однако? А я-то думал, что убийство дворецкого и есть предмет расследования.

– Постарайтесь выбросить сию ошибочную мысль из головы. За всей этой историей стоит нечто большее, нечто совершенно фантастичное. Боюсь, ничего подобного вы и представить себе не можете.

Инспектор едва не подскочил, услышав эти слова:

– Вы, наверно, разыгрываете меня, мистер Эмберли? Что вы хотите этим сказать?

Фрэнк поднялся со стула:

– Нет смысла что-то объяснять вам, инспектор. Это такого рода дело, где действия полиции невозможны и даже нежелательны.

– Вот как? А если полиции все же удастся разгадать эту загадку?

– Именно этого я и боюсь. Не хочу, чтобы единственная существующая на данный момент улика была уничтожена.

– Послушайте, сэр, для того чтобы заявлять нечто подобное, у вас должны быть серьезные основания! И никому не позволено говорить с представителем власти в таком тоне!

Эмберли улыбнулся:

– Мне позволено, инспектор. Потому как единственный ключ к разгадке у меня. – Он выдержал паузу, на лице играла ироничная улыбка. – Ключ, который в данных обстоятельствах просто бесценен.

– Не стану притворяться, что понял вас, мистер Эмберли. Все, что вы тут наговорили, на мой взгляд, полная чушь.

– Да, наверно, – неожиданно согласился с ним Фрэнк. – И все равно, вы должны мне доверять. Так вы приставите своего человека следить за Брауном или хотите, чтобы я обратился с этой просьбой к начальнику полиции?

– Думаю, мы можем проследить за ним, раз уж вы так настаиваете, – пробурчал инспектор.

Эмберли одобрительно кивнул:

– Этим может заняться любой из ваших многообещающих молодых сотрудников. И чем очевиднее будет слежка, тем лучше. Но только чтоб следили за ним очень внимательно, инспектор, глаз не сводили. А я загляну к вам через день или два. Привет полковнику Уотсону. Всего хорошего.

Он сел в машину, поехал в Верхний Неттлфолд, остановился у вокзала купить газету. Пока стоял у киоска, из Лондона в десять тридцать прибыл поезд, и Эмберли обернулся посмотреть на пассажиров, выходящих из вагонов.

Откуда-то из последнего или предпоследнего вагона появился худощавый средних лет мужчина с двумя чемоданами. Одет пристойно и скромно, как подобает слуге из приличного дома. Он сразу же обратил внимание на мистера Эмберли и, пока искал в кармане жилета билет, исподтишка рассматривал его.

Взгляд Фрэнка, до сих пор рассеянно блуждавший по платформе, остановился на приезде и сразу стал настороженным. Мужчина снова поднял свои чемоданы и зашагал по платформе к турникетам. Уже на выходе, почти поравнявшись с Эмберли, он метнул в его сторону подозрительный взгляд. Но Фрэнк раскрыл газету, и его лица приезжему разглядеть

не удалось.

Глава восьмая

Увидев нового дворецкого Фонтейна, Эмберли решил, что он вполне вписывается в обстановку особняка. То был весьма услужливый мужчина с застенчивыми карими глазами и лысиной на макушке. Энтони Кокрейн говорил, что на своем месте он неплох, вот только, пожалуй, слишком усердствует – на него постоянно натыкаешься, куда бы ни пошел. Нельзя, конечно, упрекать человека в том, что он так старается ладить с другими слугами, но, на взгляд Энтони, новый дворецкий явно перебарщивал, добиваясь расположения Коллинза.

Возможно, именно эта фраза Кокрейна заставила Эмберли, пришедшего в гости к Фонтейнам, окинуть Бейкера долгим пристальным взглядом. В ответ новый дворецкий вежливо улыбнулся и двинулся к двери в гостиную, объявить о прибытии гостя.

Но был тут же остановлен.

– Я Эмберли, – мягко заметил Фрэнк.

Бейкер извиняющимся тоном произнес:

– Благодарю вас, сэр.

– Я подумал, что вы наверняка не знаете моего имени, – еще мягче добавил Эмберли.

– Нет, сэр. Простите, забыл спросить.

Фрэнк проследовал за Бейкером в гостиную.

Фонтейн, в отличие от Кокрейна, оказался просто в восторге от нового дворецкого. Этот человек знал свое дело, был невероятно усерден и, что очень важно, отлично ладил со всей остальной прислугой. Даже у Коллинза, похоже, складывались с ним неплохие отношения, а уж Коллинз, заверил Фонтейн Фрэнка, далеко не из тех, кому легко угодить. Возможно, Бейкер немного глуповат, но ведь людей без недостатков не бывает.

Затем Бэзил спросил, есть ли у Эмберли к нему какое дело. Ничего особенного, сказал Фрэнк, задал хозяину дома пару пустяшных вопросов и собрался уходить. Тогда Фонтейн поинтересовался, продвинулся ли он в своем расследовании.

В ответ гость заявил:

– Я попросил Фрейзера приставить к Марку Брауну человека, проследить за ним.

Бэзил, похоже, тотчас потерял интерес к визиту Эмберли. Было ясно, что он не слишком высокого мнения об этой новой линии в расследовании преступления.

Мистер Эмберли улыбнулся:

– Ваша вера в меня пошатнулась, да, Фонтейн?

Хозяин дома пустился в объяснения. Наверное, у Эмберли имеются веские причины на то, чтобы установить слежку за Брауном, но, похоже, это лишь напрасная трата времени. Ведь нельзя же всерьез предполагать, что юноша имеет какое-то отношение к убийству Доусона. Рассчитывать на это, по мнению Фонтейна, просто глупо.

Эмберли снова улыбнулся и заметил, что Бэзил не первый, кто разочарован его первым ходом в большой игре.

С этими словами он вышел, и Фонтейн проводил гостя взглядом, в котором читалось сомнение.

Эмберли сел в машину и поехал в Верхний Неттлфолд, повидаться со своим другом сержантом Губбинсом.

Фрейзер и Фонтейн были явно разочарованы Фрэнком, зато сержант встретил его с распростертыми объятиями и сказал, что всегда знал: мистеру Эмберли можно доверять.

– А как иначе... – мечтательным тоном протянул он, на него нахлынули воспоминания. – Ведь я знаю вас, сэр, года три, если не больше. Дважды выписывал вам предупреждение за опасное вождение, трижды штрафовал за неправильную парковку

машины, однажды даже работал с вами по делу. Так что уж кому, как не мне, знать и понимать вас. И я со всей ответственностью заявляю: мистер Эмберли – тот человек, которому можно и должно доверять.

– Вы просто смущаете меня, сержант, ей-богу.

Сержант заговорщицки подмигнул ему:

– Так, значит, Марк Браун, да, сэр? Ведь нам двоим кое-что известно, верно? Инспектор не в восторге от всего этого, да, прямо скажем, далеко не в восторге. Много чего тут наговорил о разных любителях, которые вмешиваются в расследование, путаются под ногами у полиции и все такое прочее, просто не решаюсь повторить. Но ведь он-то не видел, как Альберт Коллинз выходил из коттеджа «Плющ». – Губбинс почесал в затылке. – Чем больше думаю об этом, тем меньше понимаю. Но вы-то, сэр, вы все понимаете, и этого для меня достаточно.

Фрэнк спросил, рассказал ли он все же Фрейзеру о визите Коллинза в коттедж «Плющ».

Сержант снова заговорщицки подмигнул:

– Нет, сэр, не сказал ни слова. Как-то не подумал; может, просто позабыл.

Эмберли улыбнулся:

– Что ж, память у вас устроена отлично. Ничего ему не говорите.

– Кто угодно, только не я, сэр. Вот если б я действительно видел это, тогда совсем другое дело. Но не нахожу причин докладывать инспектору о том, чего не видел сам.

– Действительно, причин никаких. За парнем наблюдают?

– Еще как наблюдают, в оба глаза, сэр. Но, если хотите знать мое мнение, с тем же успехом можно было приставить к нему не молодого Такера, а слона. Только дурак или слепой не заметит слежки.

– Лично меня это вполне устраивает. Пусть продолжает наблюдение.

Сержант откашлялся.

– И разумеется, на то у вас есть свои причины, верно, сэр? – с любопытством спросил он.

– Нет, – со всей искренностью ответил Эмберли. – Пока у меня одни лишь подозрения, и они вполне могут оказаться беспочвенными. Наблюдение за Брауном – всего лишь мера предосторожности.

– Сдается мне, сэр, дельце вырисовывается далеко не простое. Можно даже сказать, забавное.

– Согласен с вами, сержант. Именно что забавное.

– Но все же не возьму в толк, каким боком молодой пьянчужка может иметь отношение к убийству дворецкого. Он же именно пьянчужка, сэр, иначе не назовешь. Ну и скандалист к тому же, и это в его-то возрасте! Вечер за вечером одна и та же история. Заваливается в «Синий дракон», напивается там до чертиков, и его выставляют вон, когда приходит время закрытия. Конечно, жаль молодую леди, уж она-то от него натерпелась. Но почему тогда не сдала его в один из тех домов, о которых пишут, будто там вылечивают людей, пристрастившихся к бутылке? Нет, конечно, жестоко так поступать с родным братом, однако другого выхода нет! Как можно исправить молодого пьяницу? И если она думает, что как-то справится с ним, то ошибается. Миссис Джоунс, которая приходит прибираться у них в коттедже, говорит, что, когда он рвется выпить, его и полк солдат не удержит.

– Так говорите, ходит в «Синий дракон» каждый вечер? – задумчиво переспросил его Эмберли.

– Как часы. Все об этом знают. Даже старик Уэгги, попадавший за решетку за пьяный дебош уж и не помню, сколько раз, просто в шоке от того, что такой молодой парнишка настолько пристрастился к бутылке.

– А Марк там с кем-то общается?

– Ну, не знаю, не слышал. Но думаю, что если кто и задаст ему какой вопрос, ну, хотя бы ради поддержания разговора, парень поведет себя самым дурацким образом и ответит:

мол, никому и никогда еще не удавалось что-то вытянуть из него. Я знал немало таких пьяниц, им достаточно раза четыре приложиться к бутылке, и они начинают выпендриваться и делать вид, будто знают целое море секретов, которые все только и мечтают выудить из них.

– Но сам Марк так не говорил?

– Нет. Он вообще немногословен, а если и начинает говорить, то несет полную чушь. Но в основном просто сидит и пьет. Тихо так сидит, смотрит перед собой в полном отупении. Страшно так смотрит, прямо мороз по коже – как люди говорят. И не поручусь, что в подобные моменты ему не хочется пойти и прихлопнуть кого-то, ну это когда он уже пьян в стельку. Но лично я был бы очень удивлен, если б наш молодой Браун сотворил такое. Очень даже удивлен, точно вам говорю. Как он вообще в подобном состоянии умудряется добраться до дома и при том не попасть под машину, это выше моего понимания. А уж чтоб еще и в кого-то там стрелять!.. Когда же он трезв, то не производит впечатления парня с яйцами – вы уж извините меня за выражение, мистер Эмберли, – и тем более способного на убийство. По крайней мере, на меня лично. Однако, смею заметить, вы свое дело знаете, сэр, и уж в любом случае не повредит, чтобы за ним немного последили.

– Надеюсь, это поможет предотвратить... э-э... какой-нибудь несчастный случай. Ради его же безопасности, – заметил Фрэнк и вскоре удалился.

Он сел в машину и проехал через Рыночную площадь. Однако не суждено ему было сразу же вернуться в Грейторн. Стоявшая на тротуаре Ширли Браун помахала ему рукой. Он послушно притормозил. Девушка дрожащим от возмущения голосом сказала, что хотела бы с ним переговорить.

– Какой приятный сюрприз! – улыбнулся Эмберли.

Она не обратила внимания на эту ремарку. Злость сверкала в ее темных глазах, Ширли даже заикалась немного. Да как он только посмел установить слежку за ее братом! И пусть Эмберли даже не пытается это отрицать. Совершенно очевидно, что человек в штатском, который повсюду ходит за Марком, – полицейский. Эмберли ведет недостойную двойную игру. Сам недавно просил ее довериться ему, а теперь подослал шпиона к Марку? Все это просто возмутительно, и она больше не желает видеть Эмберли никогда, до конца своей жизни! После чего Ширли выскочила из машины и зашагала прочь, вся кипит от ярости еще и потому, что Эмберли во время ее монолога только молча улыбался.

На следующий день Фрэнку пришлось вытерпеть второй визит начальника полиции, который проявлял крайнее беспокойство – ему кажется, что-то должно случиться, вот он и решил проведать Эмберли. Тот сухо заметил, что полковник должен быть благодарен ему за то, что пока ничего не случилось. Уотсон совсем уже разнервничался и спросил, что Эмберли имеет в виду.

– Пока не получу ответ на отправленную мной телеграмму, я не смогу вам дать никакой информации, – отрезал Фрэнк.

Ответ пришел вечером, незадолго до десяти. Принес его дворецкий в гостиную, где в тот момент сидел Эмберли и выслушивал рассуждения сэра Хамфри об охране заповедных мест. Хозяина Грейторна совершенно не интересовали убийства, произошедшие по соседству, зато крайне волновали браконьеры, чье появление было замечено в этих краях: здесь он сослался на слова своего лесничего. Затем сэр Хамфри пустился в рассуждения о том, какие меры должен предпринять старина Клитерой-Уильямс, и вдруг сообщил, что накануне в пять утра сам слышал выстрел.

Эмберли во время его речи раскладывал сложный пасьянс и время от времени отделялся односложными и невнятными ответами. И вот, когда сэр Хамфри объявил о своем намерении переговорить с Фонтейном о его лесничем, которого считал некомпетентным и ленивым придурком, как раз и принесли телеграмму.

Эмберли сгреб игральные карты в кучку, поднялся и, не дослушав до конца монолог сэра Хамфри, отправился к себе, прочесть сообщение.

Фелисити, сгорающая от любопытства, тоже встала, извинилась перед отцом и проследовала за кузеном в кабинет. Ей страшно хотелось знать, имеет ли эта телеграмма отношение к убийству Доусона, но Эмберли, не глядя на кузину, ответил, что нет, не имеет.

Фелисити была разочарована.

– Однако ты вроде бы доволен тем, что в ней сказано, – заметила она.

– Я всегда доволен, когда мои теории находят подтверждение. – Эмберли взглянул на наручные часы. – А сейчас должен оставить тебя, милая. Скоро вернусь.

Он пошел к гаражу, сел в машину, выехал и во второй раз за день отправился в Верхний Неттлфолд, в полицейский участок.

Сержант уже уходил с дежурства, когда появился мистер Эмберли, но при виде его выразил готовность вернуться и провел гостя в свой маленький кабинет.

– Речь идет о Марке Брауне. – Фрэнк не стал тратить время на предисловия. – Инспектор не видит необходимости вести за ним слежку, и, сдаюсь мне, его отношение к этому вопросу передалось и констеблю Такеру. Поймите, сержант! Жизненно важно не выпускать Брауна из поля зрения полиции. Найдите человека, пусть заменит Такера сегодня вечером. Всю ответственность беру на себя.

– У меня нет ни одного свободного человека, сэр, но, раз вы так настаиваете, прослежу за ним сам, именно так и поступим. Еще какие-нибудь пожелания имеются?

Тут в кабинет ворвался констебль, дежуривший в участке.

– Это все Такер, сержант! Ну не то, чтобы он, но от него поступило срочное сообщение. Хочет, чтобы вы прибыли, и немедленно. Все произошло на дороге в Коллингхерст.

– Что именно произошло? Давай выкладывай!

– Тот молодой парень, за кем Такер следил... Он упал в реку!

– Нашел, из-за чего поднимать шум, – сердито произнес Губбинс. – И дураку понятно, что с этим пьяницей такое могло случиться в любой день. Ну а Такер, конечно, тоже болван, что не уследил.

– Он мертв, сержант!

– Мертв?! – У сержанта даже челюсть отвалилась; тупо моргая, он посмотрел на Эмберли.

Тот с минуту стоял совершенно неподвижно, глядя на констебля. Затем нарочито медленно стал набивать трубку. Встретился глазами с сержантом и полез в карман за спичками.

Губбинс продолжал тупо, не мигая, смотреть на Эмберли. Тот прикурил, бросил сгоревшую спичку в камин, глубоко затянулся, потом взглянул на констебля.

– Сам Такер сообщил о происшествии?

– Нет, сэр. Какой-то джентльмен. Имени не знаю. Он сказал, что его остановил Такер и попросил сообщить нам о случившемся.

– Ясно. Едем туда, сержант.

Губбинс встал со стула:

– Хорошо, сэр. А ты, Хармер, свяжись с Мейсоном и Филпотсом, пусть вызывают туда «скорую». – Констебль тут же вышел. Сержант перевел взгляд на Эмберли: – Бог ты мой, сэр! Так, значит, именно поэтому вы хотели, чтоб за ним наблюдали? Вы решили, что с ним может такое случиться?

– Да, этого я и боялся. Черт бы побрал идиота Такера!

Губбинс понизил голос:

– Считаете, произошло убийство, мистер Эмберли?

Тот мрачно усмехнулся:

– А вы, смотрю, научились соображать. Но вот увидите, жюри вместе с коронером вынесут вердикт: несчастный случай. Ну что, едем?

Усевшись в машину рядом с Эмберли, сержант спросил:

– Если это и вправду убийство, вы им займетесь, сэр?

– Посмотрим.

Огромный «бентли» промчался через город, но немного замедлил скорость на окраине. Далее дорога шла под уклон, и они въехали в густую пелену тумана, которая становилась все плотнее по мере приближения к реке.

– Вы бы потише, сэр! – взмолился сержант. – В это время года у нас тут всегда туман. И дорога жуть до чего скользкая, глина.

– Да. При въезде в полосу тумана может и занести, верно?

И вот впереди у края дороги они разглядели сквозь туман человеческую фигуру – мужчина размахивал руками. Эмберли свернул к обочине и остановился. В свете фар туман плыл густыми рваными полосами, однако им все же удалось рассмотреть смутные очертания второго мужчины и фигуру лежавшего на земле лицом вниз человека.

Сержант быстро вылез из машины.

– Ну рассказывай, Такер, как все произошло.

Эмберли включил подвижную фару. Луч света метнулся влево и остановился на втором мужчине. Это был Коллинз, насквозь промокший, в рубашке с короткими рукавами.

– Надо же, как интересно! – пробормотал Фрэнк и тоже вылез из машины.

Сержант подошел к Коллинзу:

– А вы чем тут занимались, позвольте узнать?

Лицо слуги было серым, как пепел, на лбу выступили капельки пота, камердинер выглядел изнуренным до последней степени.

– Это он вытащил Брауна, – нехотя признался Такер. – Когда я... когда я подошел, он пытался привести парня в чувство. Мы оба старались откатать его, но куда там, все без толку, сержант. Браун был уже мертв.

– Придется тебе объясняться по этому поводу в участке, – строго сказал сержант. Потом взглянул на Коллинза. – Что же касается вас, вы тоже поедете с нами в участок для дачи показаний. Глаз с него не спускать, Такер! – Он развернулся и подошел к Эмберли, тот стоял на коленях рядом с телом Марка.

Голова погибшего была повернута набок, руки вытянуты вперед.

Не оборачиваясь, Эмберли бросил:

– Фонарик, сержант.

Губбинс достал из кармана фонарик. Эмберли взял его, осветил голову Марка, всмотрелся.

– Помогите мне перевернуть тело, будьте добры.

Глаза у Марка были закрыты, челюсть слегка отвисла. Эмберли осторожно откинул темные пряди волос со лба и поднес фонарик еще ближе. А затем выключил его и повернулся к сержанту.

– Ни следа удара. Несчастный случай.

– И это при том, что рядом находился Коллинз? Нет, с ним надо разобраться!

– Да, боюсь, что придется, – вздохнул Эмберли. И зашагал к своей машине. – Садитесь, Коллинз, можете накинуть на себя вот это покрывало. – Он распахнул дверцу и расположился на водительском месте с озабоченным выражением на лице.

Сержант прикрыл тело Марка курткой, которую пожертвовал Такер, и стоял рядом в ожидании «скорой». Констебль начал было что-то бормотать в свое оправдание, но Губбинс его осадил:

– Все объяснения дашь в участке!

На дороге, по которой расплзался туман, было очень холодно и сыро. Коллинз дрожал всем телом на заднем сиденье, не сводя блекло-голубых глаз с покойника.

Лишь на секунду он перевел их на Губбинса, когда тот обратился к Эмберли:

– Можете говорить что угодно, но этот человек выглядит как настоящий убийца. Как же, нырнул он в реку спасать парня! Да, нырнул, но только для того, чтобы окончательно его утопить. Точно говорю вам, сэр, даже по глазам видно – самый настоящий злодей.

Но вот наконец прибыла «скорая», тело Марка положили на носилки и прикрыли простыней. Затем погрузили в машину, и двое полицейских, прибывших вместе с медиками,

отправились сопровождать покойного в морг. Сержант снова уселся в машину Эмберли.

Дорога к полицейскому участку проходила в полном молчании. По прибытии Коллинза отправили под эскортом переодеваться, а Такер и Фрэнк с Губбинсом прошли в кабинет последнего.

Отчет Такера об обстоятельствах смерти Брауна был крайне скудным – констебль находился слишком далеко от места происшествия. Такер, согласно инструкциям, довел Марка до паба «Синий дракон» и некоторое время болтался на улице поблизости. Через какое-то время заглянул в паб и увидел, что Браун, как обычно, сидит за столиком в углу в компании собутыльников, в стельку пьяный и не способный на какие-либо действия. Со слов инспектора констебль понял, что мистер Эмберли подозревает Марка в причастности к убийству Доусона; но когда человек пребывает в подобном состоянии, наблюдать за ним слишком пристально смысла не имеет – так решил в тот момент Такер. Ко всему Марк обычно просиживал в баре до самого закрытия. И тогда констебль отошел от паба всего на несколько шагов, выпить чашку горячего чая, ему и в голову не приходило, что, если он посидит какое-то время в тепле и перекинется парой слов с владельцем закусочной, может произойти нечто непоправимое. Вернулся Такер на свой пост через несколько минут после закрытия паба и обнаружил, что Марк уже отправился домой. Констебль пустился следом за пареньком, не видя, впрочем, в том особого смысла, но приказ есть приказ. Должно быть, Браун покинул «Синий дракон» задолго до закрытия или же шел слишком быстро – как бы там ни было, догнать его Такеру никак не удавалось. А когда констебль добрался до поворота дороги, что тянулась вдоль реки, то услышал крики о помощи. Тогда он бросился бежать на голос и увидел следующую картину: Коллинз уже вытащил тело Брауна на берег, склонился над ним и пытался откачать утопленника, делая искусственное дыхание «рот в рот». Такер тут же присоединился к Коллинзу; они работали как каторжные, лишь бы вернуть молодого человека к жизни. Минут через десять констебль понял, что их усилия бесполезны, все кончено, но Коллинз твердил, что юноша пробыл под водой не слишком долго, а значит, его еще можно спасти. Однако как они ни старались, вернуть Марка к жизни не удалось. Такер остановил проезжавшую мимо машину. Ему не хотелось оставлять Коллинза с телом, а потому он попросил сидевшего за рулем авто мистера Джеральда из Коллингхерста позвонить в полицейский участок и сообщить о происшествии.

Рассказывая эту историю, Такер избегал смотреть на Эмберли. Констебль, конечно, ожидал порицания, а потому не преминул заметить, что инспектор не говорил ему, будто Брауна нельзя выпускать из поля зрения.

– Дурак ты, и никто больше, – буркнул сержант и позвонил, чтобы привели Коллинза.

Камердинера приодели – правда, одежда оказалась ему великовата, – дали глоток спиртного, чтобы согрелся. Лицо уже не было пепельно-серым, а глаза, так похожие, по мнению Губбинса, на глаза убийцы, смотрели холодно и равнодушно.

Коллинз, с присущим ему хладнокровием, дополнил картину происшествия. Он шел по дороге немного позади Брауна и с трудом различал его фигуру в тумане. Похоже, молодой джентльмен сильно перебрал – несколько раз спотыкался, и его шатало из стороны в сторону. Столь неуверенная походка вызвала у Коллинза опасения: вдруг на дороге появится машина, и ее водитель не заметит в тумане пешехода? Может и сбить. Коллинз и сам видел его плохо, хотя и держал в руке фонарик. Господа полицейские, должно быть, заметили, что на этом участке, в низине, где рядом протекает река, туман особенно густой. Коллинз в тот момент подумал, что парень может сойти с дороги и свалиться в воду. И действительно – идущая впереди фигура вдруг исчезла, послышался крик, а затем раздался громкий всплеск воды. Коллинз опрометью бросился к реке, окликнул молодого джентльмена, но ответа не было, вообще ни звука. Зная, в каком состоянии находится мистер Браун, Коллинз испугался за него, подумал, что на берег ему не выбраться. Спасти юношу – его долг, подумал тогда Коллинз и бросился в воду, предварительно скинув куртку и сапоги. Он нырнул и долго плавал в холодной воде, ему показалось, что прошла целая вечность. Коллинз подумал, что молодой джентльмен, должно быть, сразу утонул, потому как если б он боролся за свою

жизнь, то барахтался бы и кричал, но вокруг стояла полная тишина. Коллинз уже почти потерял надежду вытащить юношу из воды, как вдруг ухватился за что-то и понял – это рука. Сам он не слишком хороший пловец, но ему все же удалось подтянуть юношу к берегу, а затем и вытащить на дорогу. Несколько раз он кричал, звал на помощь, поскольку находился в полном изнеможении и боялся, что ему не хватит сил применить искусственное дыхание. Но Коллинз все же принялся его делать, как раз тут и появился Такер.

Сержант слушал это повествование в скептическом молчании. А когда Коллинз закончил, спросил:

– А нельзя ли узнать, что вы сами делали на дороге на Коллингхерст в столь поздний час, а?

Ответ явно удивил его:

– Шел за молодым джентльменом.

Губбинс, и без того знавший это, впал в замешательство.

– О, так, значит, шли, шли прямо за ним... – неуверенно протянул он. – Но с какой целью?

Коллинз бросил на Эмберли беглый взгляд:

– У меня в особняке три дня тому назад случился с этим молодым джентльменом довольно неприятный инцидент. Думаю, мистер Эмберли понимает, что я имею в виду.

– Не важно, что там знает или понимает мистер Эмберли, – недовольно произнес Губбинс. – Что за неприятный инцидент?

Коллинз нервно облизал пересохшие губы:

– Ну, видите ли, сержант, мистер Браун, находясь в нетрезвом состоянии, подошел к особняку, стал стучать и, когда я открыл дверь, принялся угрожать мне без всяких видимых на то причин. Очевидно, принял меня за кого-то другого.

– С чего вы это взяли?

– Не думаю, сержант, что у молодого джентльмена могли быть ко мне какие-либо претензии.

– Так вы совсем не знали его, или же?..

Между бровями Коллинза залегла тонкая морщинка. Эти слова сержант произнес как-то слишком многозначительно, и камердинер сразу насторожился.

– Вряд ли можно сказать, что я знал его, сержант. Но как-то раз мне довелось встретиться с мистером Брауном в Верхнем Неттлфолде, и он тогда оказался немного не в себе. И возможно, по этой причине был очень дружески настроен. Настолько дружески, что захотел подарить мне портсигар. Полагаю, под воздействием алкоголя джентльмены способны иногда на самые странные поступки. Мистер Браун, очевидно, принял меня в тот момент за близкого друга. И был столь настойчив, что мне пришлось взять портсигар. Ну, после этого я, конечно, постарался вернуть подарок как можно скорее.

– Отослали ему портсигар?

– Нет, сержант, сам отнес в коттедж «Плющ» и лично отдал мистеру Брауну, – спокойно ответил Коллинз.

Сержант многозначительно покосился на Эмберли.

– Мистер Браун, – продолжил камердинер, – был в тот момент трезв как стеклышко, ну и вел себя, как подобает настоящему джентльмену.

– Занятная история. Однако с чего это вдруг он заявился к вам в особняк?

– Понятия не имею, сержант. Я тогда, честно признаться, здорово перепугался. Ведь молодой джентльмен пытался застрелить меня, что вы, сэр, – камердинер взглянул на Эмберли, – без сомнения, помните. Но мистер Фонтейн пожалел мистера Брауна – тот был не в себе – и позволил ему уйти. Между тем он, непонятно почему, фактически угрожал пристрелить меня при первой же возможности.

– Полагаю, именно поэтому вы и пошли тогда за ним следом, – саркастически заметил Губбинс.

– Именно так, сержант. – Камердинер держался с непоколебимым спокойствием. –

Довольно неприятно, понимаете ли, знать, что молодой джентльмен пребывает в опасном заблуждении. И я подумал, что лучше всего в этой ситуации встретиться с мистером Брауном и постараться выяснить, что он имеет против меня. Я далеко не всегда могу оставить работу, но этим вечером мистер Фонтейн был в Лондоне и предупредил, что вернется поздно. Вот я и смог уйти из особняка. И, зная... привычки мистера Брауна, поджидал его у «Синего дракона». Не хотел устраивать сцен на публике, решил пройти следом за ним до дома, там и спросить, что я такого сделал и почему он имеет на меня зуб. Ну а потом случилось несчастье, о котором вы знаете, сержант.

По Губбинсу было видно, что он не поверил ни единому слову Коллинза. Но никаких доказательств, могущих опровергнуть выдвинутую им версию, у сержанта не было. Напротив, имелось свидетельство Такера, согласно которому Коллинз не только бросился в воду, спасая юношу, но и активно пытался привести его в чувство.

В растерянности Губбинс взглянул на Эмберли, а тот в этот момент заговорил с Коллинзом. Фрэнк поинтересовался, не проезжала ли мимо какая-нибудь машина, не попадался ли кто-то из прохожих, когда камердинер следовал за Марком. Коллинз со всей уверенностью ответил, что никого и ничего на дороге не видел ровно до тех пор, пока Такер не остановил машину с мистером Джеральдом.

Эмберли, похоже, удовлетворил этот ответ, он отошел к камину и начал набивать трубку.

– Вы можете идти, – нехотя сказал сержант камердинеру. – Но, должен заметить, мне не слишком понравилась эта ваша история, совсем даже не понравилась, и точка. Вот если бы вы могли привести сюда свидетеля, который бы подтвердил все ваши слова... Но единственный человек, который мог бы подтвердить их или опровергнуть, утонул.

– Уверен, сержант, мисс Браун подтвердит, что у ее брата не было никаких причин убивать меня. За исключением двух вышеупомянутых случаев, я его не видел и никогда с ним не сталкивался.

– Можете быть уверены, мы поговорим с мисс Браун.

– Да, сержант. Буду только рад, если вы это сделаете.

– И не забывайте, вас должны вызвать на слушания. – Губбинс взмахом руки дал понять, что камердинер может быть свободен.

Коллинз вышел в сопровождении констебля Такера, сержант откинулся на спинку кресла и взглянул на мистера Эмберли.

– Ну, сэр? Какие будут соображения по этому поводу?

– Я ведь уже говорил: несчастный случай, сержант.

– Но не хотите же вы сказать, что поверили этому нагромождению лжи?

– О нет. Вот только опровергнуть эту ложь будет крайне затруднительно. Ну, начать хотя бы с проявлений чрезмерного дружелюбия со стороны Брауна. Эта версия выглядит достаточно убедительно. Однажды какой-то пьяница пытался всучить мне купюру в пять фунтов. Так что визит камердинера в коттедж «Плющ» получил весьма разумное объяснение. Он, знаете ли, на удивление быстро соображает, наш мистер Альберт Коллинз, просто приятно иметь дело с таким человеком. Причина, по которой он пустился следом за Брауном сегодня... Ну, она кажется менее убедительной, но вполне вероятной. И боюсь, сержант, вам не удастся повесить на него смерть Марка Брауна.

– Может, удастся, а может, нет. Но если я и видел когда человека, как нельзя лучше подходящего на роль убийцы, так это Альберт Коллинз.

– Возможно, вы правы. – Эмберли взял шляпу. – А лично я собираюсь хоть немного облегчить вашу участь, избавить вас от неприятной обязанности. Вам не придется уведомлять мисс Браун о том, что случилось.

Сержант явно обрадовался.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Эмберли. Заодно узнаете, что она думает по поводу только что выслушанной нами сказки. У вас это получится лучше, чем у меня.

– Что неудивительно, – буркнул, уходя, Фрэнк.

Глава девятая

Когда мистер Эмберли подъехал к коттеджу «Плющ», Ширли спать еще не ложилась. Сидела и ждала, когда брат вернется домой. Распахнула дверь, думая, что это Марк, – и Эмберли увидел ее бледное встревоженное лицо.

Обнаружив, кто к ней пожаловал, она поморщилась. Первым порывом было захлопнуть дверь прямо у него перед носом, но девушка сдержалась и заметила, что, наверное, он снова привез Марка домой.

– Нет, – мрачно ответил Эмберли. – К великому моему сожалению, нет. Позвольте войти, я буквально на минуту.

Обычно не присущая ему мягкость в голосе и манерах подсказала ей: что-то не так. И она вопросительно уставилась на нежданного гостя.

– Я пришел не для того, чтобы раздражать вас и лезть с расспросами. К несчастью, у меня для вас плохие новости.

Тонкая рука, придерживающая дверь, задрожала.

– Что-то случилось с Марком, да? – шепотом спросила она.

– Да, – коротко ответил он.

Ширли отступила, позволяя ему войти.

– Прошу вас, не молчите! Он умер?

Фрэнк прошел вместе с ней в гостиную, остановился посреди комнаты, строго глядя на нее сверху вниз.

– Да, умер. Можно узнать, почему вы сразу пришли к такому заключению?

Она спрятала лицо в ладонях, потом потеряла виски.

– Вы сказали... что не будете лезть с расспросами. Когда так поздно, а его все нет и нет, я всегда воображаю самое худшее. Как это случилось?

– Он шел домой, разумеется, пьяный... и, очевидно, споткнулся и упал через парапет в реку.

Ширли бессильно опустила руки. Втянула ртом воздух. В глазах, смотревших на Эмберли, читался ужас.

Только тут он понял, что прежде никогда не видел ее напуганной. Впервые за все время их знакомства она пребывала в полном смятении.

– Мне страшно жаль, что я принес вам такие новости, – тихо произнес Эмберли.

– Все равно спасибо, что пришли. Вы... может, вам случайно известны какие-то подробности?

– Очень мало. Тот идиот, который, по моему настоянию, был приставлен следить за каждым шагом Марка, умудрился выпустить его из виду. Я должен извиниться перед вами.

Одна ее рука слепо потянулась к столу, ухватилась за край.

– Так вы приставили человека... следить за Марком, поскольку боялись, что он упадет в реку?

– Не совсем так. Я подумал, что, после того как Марк заявился в особняк с оружием, кто-то может попытаться убить его.

– А вы умны, – тихим голосом заметила она. – Я вас недооценивала. – Затем после паузы спросила: – Так его... столкнули в реку?

– Я могу лишь изложить вам все факты, а уж выводы делайте сами. Первое: единственный свидетель происшествия – Коллинз.

Девушка вздрогнула:

– Вот как?

– Да, именно так. И когда к месту... происшествия прибыл констебль Такер, он увидел, как Коллинз вытаскивает тело вашего брата из воды. Они вместе пытались откачать его, но безуспешно, ну а потом приехали мы с сержантом.

Она спросила так, словно не поверила своим ушам:

– Так Коллинз пытался его спасти?

– Судя по всему, да. Вас это удивляет?

– Я... не совсем... Так Коллинз... О Боже мой, не надо было позволять ему приезжать сюда!

– Кому, Коллинзу? – мягко спросил Эмберли.

– Брату. Но только мне и в голову не приходило... – Тут она вдруг осеклась, выдвинула из-под стола стул, вяло опустилась на него.

Эмберли продолжал стоять, привалившись широкими плечами к стене, и не сводил с нее глаз. Ширли не притворялась, она сильно горевала, однако Фрэнк, знакомый с выходками Марка, понимал, что причина ее скорби не только в этом. Но в любом случае полученное известие стало для нее сильным потрясением. И еще очень напугало – это ясно.

После паузы он спросил:

– На днях к вам заходил Коллинз. С какой целью?

Ширли вздрогнула, ход ее мыслей был прерван.

– Он говорил, что заходил сюда?

– Я сам это видел.

– Вы, должно быть, ошиблись.

– Нет, я не ошибся. К тому же Коллинз изложил свою версию этого визита. Так что хотелось бы теперь выслушать вашу.

Она так крепко сжала кулачки, что костяшки пальцев побелели.

– Не собираюсь отвечать вам. Если он и приходил... Его визит носил совершенно невинный характер и не имел к вам никакого отношения.

– Понятно. А когда к вам явится сержант и спросит, по какой такой причине Марк хотел застрелить Коллинза, что вы ответите?

– Ничего, – выдавила она. – Ровным счетом ничего.

Эмберли отошел от стены, пересек комнату и присел на краешек стола рядом с ней. Ширли подняла на него глаза – в них читались вызов и испуг одновременно. Он бережно опустил широкую ладонь на ее плотно сжатые руки.

– Вам не кажется, что пришло время рассказать мне все? – мягко спросил Фрэнк. – Не бойтесь, выкладывайте! Не такой уж я плохой человек, и довериться мне можно, сами знаете.

И тут, к его удивлению, одна рука девушки вырвалась из-под его руки и легонько ее сжала.

– Знаю. Но не могу. И не надо меня просить. Я просто *не смею* рассказать вам. Марк мертв, но я еще не закончила... Я... я не так-то просто сдаюсь.

– Вы не осмеливаетесь сказать мне... – Эмберли сидел какое-то время, задумчиво глядя на нее. – А что, если я вас заставлю? – вдруг заявил он. – Нет, не сейчас, но в самом скором времени. Ибо я уязвлен... *amour propre*⁹. Вы должны мне довериться. Причем лучше уж по своей воле. – Фрэнк взглянул на часы. – А теперь предлагаю проехать со мной в Грейторн. Моя тетушка будет просто счастлива видеть вас. К тому же сейчас вам негоже оставаться одной.

Она вся залилась краской, а потом с признательностью сказала:

– Благодарю вас. Вы слишком добры ко мне, я того не заслуживаю. Но я не могу поехать с вами и остаться в Грейторне. Я... уеду из этого дома и отправлюсь в Верхний Неттлфолд, поселюсь в отеле «Траст-Хаус». И пожалуйста, только не надо на меня давить. Здесь я в полной безопасности, при мне собака и пистолет. И я... я не напыюсь, обещаю.

– В отеле «Траст-Хаус»? Вы, наверное, имеете в виду гостиницу «Голова вепря», что на Рыночной площади? Я бы предпочел, чтобы вы находились в Грейторне, под моим присмотром.

---

⁹ Здесь: в самое сердце (*фр.*)

Губы ее тронула слабая улыбка.

– Нет, спасибо, мне совсем не хочется находиться под вашим присмотром.

– Знаю, что не хочется. Тогда поедem в Грейторн, там переночуете, а завтра прямо с утра я отвезу вас в гостиницу, хорошо?

– Нет, спасибо. Сегодня останусь здесь. Со мной все будет в порядке, честное слово! – Она поднялась, протянула ему руку. – Я... простите, что была так груба с вами. Спасибо за все, что вы для меня сделали. А теперь... не могли бы вы уйти?..

Эмберли вернулся в Грейторн, когда его тетя и кузина уже поднимались наверх, собираясь лечь спать. Фелисити осведомилась, уж не случилось ли что. Ответ совершенно потряс ее. Эмберли вкратце рассказал, как погиб Марк Браун.

Леди Мэттьюз заметила, что все это, конечно, страшно интересно, но кто такой Марк Браун? Она никогда о нем не слышала.

Фелисити торопливо объяснила и пристала к кузену с расспросами. Ей хотелось знать, кто убийца.

– Марк упал в реку и утонул, никто его не убивал.

Фелисити тут же забеспокоилась о Ширли: как же так, бедняжка осталась совсем одна в этом коттедже на отшибе. А леди Мэттьюз, только теперь вспомнив, что Ширли – та самая славная девушка, что буквально вчера любезно помогла ей сделать покупки в «Ходжсонс»¹⁰, объявила, что бедное дитя никак нельзя оставлять в одиночестве.

Эмберли сказал, что настойчиво приглашал девушку поехать вместе с ним, но та отказалась.

Леди Мэттьюз кивнула:

– Ах да, понимаю, дорогой. Ничего страшного. Так, где мое пальто? Страшно неловко снова вытаскивать тебя на улицу, но ведь и Лудлоу просить просто невозможно. Фелисити, дорогая, та маленькая свободная комнатка наверху... И еще, надо бы предупредить отца. Ах, не получится, он уже лег спать.

У леди Мэттьюз сформировалось твердое намерение самой спасти Ширли Браун.

Когда «бентли» вновь остановился у маленькой белой калитки, леди Мэттьюз вышла из машины и вежливо отказалась от предложения племянника сопровождать ее. Эмберли предупредил тетю, что Ширли Браун весьма упрямая молодая женщина.

– Бедняжка, – вздохнула леди Мэттьюз.

В коттедже она пробыла недолго, и, когда снова вышла, к немалому удивлению Эмберли, ее сопровождала Ширли с маленьким чемоданчиком и трусившим за ней по пятам преданным Биллом. Девушка выглядела покорной и застенчивой, что было совсем на нее не похоже, и избегала смотреть Эмберли в глаза.

Обе дамы расположились на заднем сиденье; Билла и чемоданчик разместили на переднем, рядом с водителем. Билл, страшно довольный тем, что его взяли на прогулку, высунул морду из полуоткрытого окна и наслаждался встречным ветерком, а потом повернулся и благодарно лизнул Эмберли в щеку.

– Остается надеяться, – пробормотал Фрэнк, снимая широкую лапу с груди, – что Волк на привязи или заперт.

Билл из вежливости прижал уши, но, похоже, не разделял надежды Эмберли. По его мнению, хорошая маленькая драчка была бы весьма удачным завершением дня.

И бультерьеру повезло. Когда машина подкатила к входу в дом, шофер как раз вел Волка с прогулки и пес рванулся вперед, поприветствовать новоприбывших. Билл не стал дожидаться, когда распахнут дверцу. Не успел Эмберли ухватить его за шкуру, как он выпрыгнул в окно. Бультерьер вполне отдавал себе отчет в том, что находится на территории Волка. И, если б не случилось недавнего уличного столкновения с овчаркой, собачий этикет

---

¹⁰ Сеть магазинов в Великобритании по продаже товаров для оформления интерьеров.

удержал бы его в рамках. Но Билл был не из тех, кто оставляет дела незавершенными.

Шум битвы привлек внимание сэра Хамфри, и вскоре он появился на месте событий. В этот момент шофер оттащивал рычащего Волка от бультерьера за ошейник. Сэр Хамфри распорядился тотчас запереть эту чертову псину и потребовал у жены объяснений: что она собирается делать со вторым чудовищем?

Ширли, крепко удерживающая Билла, принялась извиняться, но сэр Хамфри, вспомнив о священных обязанностях хозяина дома, взвалил всю вину на Волка.

Девушка робко заметила, что предпочла бы держать Билла при себе.

Взгляды сэра Хамфри на содержание крупных собак в доме были всем хорошо известны. И он уже собрался донести их до гостыи, когда его жена вдруг сказала:

– Ну конечно, дорогая. И пусть кто-нибудь найдет для собачки коврик. Фрэнк, тебе поиски удаются лучше всего. Пожалуйста, посмотри в дубовом комод.

Она повела Ширли наверх, а возмущенному мужу ничего не осталось, кроме как промолчать. Когда жена вернулась, сэр Хамфри выразил неудовольствие всей этой ситуацией. Все оказались виноваты, в особенности Фрэнк, который вечно вмешивается в то, что его совершенно не касается. И вот, что в результате получается – собаки ночуют в спальнях. И потом, разве с ним хоть кто-нибудь посоветовался перед тем, как привозить эту молодую особу в дом? Вот если б посоветовались, он бы категорически возражал. Никто ничего толком не знает об этой девице, и, хотя ему, конечно, искренне ее жаль, он не понимает, с чего вдруг жене понадобилось вмешиваться в чужие дела.

Леди Мэттьюз ничуть не смутила столь суровая выволочка.

– Все это просто ужасно, дорогой, – сказала она, похлопав супруга по руке. – Но ведь нельзя же было оставлять ее в коттедже одну на всю ночь.

– Не понимаю, какое нам до этого дело, – сердито пробурчал сэр Хамфри.

– Конечно, никакого, дорогой. Но, видишь ли, у нее никого нет, даже друзей. И это ужасно. И потом, она такая славная девушка. Напоминает мне кого-то, вот только никак не могу вспомнить, кого именно.

– Еще ни разу не встречал человека, который бы кого-то тебе не напомнил, Мэрион. Что ж, я ложусь спать. И будь любезна, проследи за тем, чтобы собака не погрызла мебель.

На следующее утро учтивость вернулась к сэру Хамфри. Он настолько оттаял, что пригласил Ширли пожить в Грейторне вплоть до слушаний и только после их окончания вернуться в Лондон. Сэр Хамфри даже сказал, что бультерьер, похоже, очень воспитанная собака, и угостил его кусочком печенки со своей тарелки, который Билл проглотил без колебаний.

Но Ширли отказалась от этого приглашения. Под глазами у нее залегли темные круги, говорившие о том, что она провела бессонную ночь, и за столом девушка была тиха и молчалива.

Леди Мэттьюз не стала уговаривать ее остаться и остановила сэра Хамфри, который продолжал настаивать:

– Знаешь, всегда лучше позволять людям делать то, что они хотят. – Потом обратилась к Ширли: – Тогда, моя дорогая, я попрошу кого-нибудь позвонить и забронировать вам номер в «Голове вепря».

Едва они поднялись из-за стола после завтрака, как вошел Дженкинс и доложил, что прибыл мистер Фонтейн. Ждет в библиотеке, хочет переговорить с мистером Эмберли.

Настроение у сэра Хамфри сразу же испортилось. Он нелестно отозвался о людях, которые являются в самый неурочный час, а потом вспомнил, что вечером в Грейторне состоится званый обед.

– С учетом того, что Фонтейны и тот глупый молодой человек, который постоянно торчит у них, тоже приглашены, хоть убейте меня, не понимаю, что это за необходимость такая, приходите в гости в десять утра. Неужели никак нельзя подождать до вечера? – проворчал он, недовольно, даже укоризненно уставившись на племянника.

Фрэнк с усмешкой заметил:

– Понимаю, дядя, понимаю. Кругом я виноват. Даже в том, что обед назначен именно на сегодня.

И, не дав возможности сэру Хамфри хоть что-то на это возразить, он поднялся из-за стола и пошел в библиотеку.

Фонтейн стоял у окна, смотрел во двор. Услышав, что Эмберли вошел, направился к нему. Лицо его выражало глубокую озабоченность, даже тревогу. Он заговорил без всяких предисловий:

– Пришел повидаться с вами по поводу этого трагического происшествия прошлой ночью. Узнал страшную новость, как только вернулся из города.

– Вы о падении Марка Брауна в реку? Да половина местных обитателей предполагала, что нечто подобное непременно должно было случиться.

– Но ведь вы приставили к нему человека, не так ли?

– Да, верно. Но, как выяснилось, следил он за Брауном не слишком внимательно.

Фонтейн с любопытством уставился на него:

– Что ж, теперь, раз бедняга все равно мертв, любопытно узнать, почему вы хотели, чтобы за ним следили. Честно сказать, я этого не понимаю. Вы считаете, он имел какое-то отношение к убийству Доусона?

– Когда человек, пусть даже и в стельку пьяный, врывается в чужой дом и спускает курок, за ним всегда стоит проследить.

– Понимаю. – Фонтейн усмехнулся. – А я уж было подумал, вы уличили его в каких-то черных замыслах. – Он снова помрачнел. – На самом деле я пришел сюда спросить вас о Коллинзе и о том, почему он оказался замешан в этом деле. Мой слуга просто места себе не находит, вбил в голову, будто полиция подозревает его в том, что он столкнул Брауна в реку.

– О нет, не думаю!

– Что ж, рад слышать, потому как сама идея кажется мне совершенно абсурдной. Зачем ему сталкивать мальчишку в реку? Коллинз сказал, что просто шел за ним, а потом бросился в воду спасать. Полагаю, это правда?

– Меня там не было. Но выглядит достаточно правдиво, по крайней мере, на первый взгляд.

– Хотелось бы, чтобы вы были со мной откровенны, – произнес Бэзил с оттенком раздражения в голосе. – Коллинз – слуга у меня в доме; думаю, я имею право знать, замешал ли он в чем-нибудь. Что, черт возьми, вообще происходит? Сперва убивают моего дворецкого, затем другого моего слугу подозревают в том, что он столкнул в воду совершенно незнакомого человека. Но разве Коллинз не пытался спасти его? Нет, конечно, я понимаю, вы никогда не верите в то, что говорят вам слуги, но вряд ли он способен сочинить такую сказку.

– Вряд ли способен. И никто не отрицает, что Коллинз вытащил тело на берег и пытался сделать искусственное дыхание.

– Что ж, рад это слышать, – с облегчением произнес Фонтейн. – Должен признаться, я сыт по горло всеми этими таинственными преступлениями, связанными с моим домом. Чертовски неприятно. И, боюсь, не далек тот день, когда я узнаю, что вся моя прислуга разбежалась. С чего Коллинз вообразил, что полиция его подозревает? Кто подкинул ему такую идею? Полный идиотизм. Ведь у него не было никакого мотива убивать этого несчастного Брауна, или я не прав?

– Ну во всяком случае, мне ни о чем таком неизвестно. Возможно, полиция считает, что Коллинзу не удалось достаточно убедительно объяснить свое присутствие на месте гибели Брауна.

Похоже, эта мысль прежде в голову Фонтейну не приходила.

– Да... Действительно, если вдуматься, почему он оказался там? Забыл спросить его об этом.

Тогда, не вдаваясь в комментарии, Эмберли пересказал ему версию Коллинза. Фонтейн

слушал его, хмурясь, и заключил: все это выглядит настолько несуразно, что, по всей видимости, является правдой.

– Но лично я думаю, что Коллинз рассказал не все. Вы ведь знаете, каковы они, эти слуги: вечно что-то утаивают. Но все же я считаю, что Коллинз не виноват в смерти этого юноши. Полагаю, мой слуга просто повздорил как-то с Брауном в «Синем драконе», но не хочет в том признаваться. А когда Браун заявился в особняк рассчитаться с ним, Коллинз понял, чем это пахнет, вот и решил помириться с парнем.

– Да, – задумчиво произнес Эмберли, – не столь уж и плохая версия. Фонтейн, похоже, был доволен собой.

– Ну, во всяком случае, вполне вероятная, на мой взгляд. А вот почему полиция решила, что именно Коллинз столкнул Брауна в реку, когда их человек видел, как он вытаскивает парнишку оттуда и пытается откачать, – это выше моего понимания.

– Знаете, – заметил Эмберли после паузы, – человек может сделать и то, и другое. Если он, конечно, достаточно умен.

– Боже милостивый! Что за дикая мысль! Нет, ей-богу, Эмберли, это уж слишком! Да от ваших слов просто кровь стынет в жилах!

Фрэнк приподнял брови.

– Простите, что оскорбил ваши чувства. Но именно так я спланировал бы убийство, будь я на месте Коллинза.

– Просто чудовищно! – воскликнул Фонтейн. Затем взглянул на часы. – О, боюсь, мне пора. Да, кстати, как там его сестра? Ужасно жаль бедняжку.

– В данный момент она у нас. Тетя привезла ее сюда прошлой ночью.

– Ах, леди Мэттьюз добрая душа! Вот, что такое настоящая самаритянка. Полагаю, она останется вашей гостьей до конца слушаний?

– Тетушка с радостью оставила бы ее здесь, но Ширли, к сожалению, не хочет. Очень независимая молодая особа. Надеюсь, мы скоро увидимся на обеде, не так ли?

– Да, конечно. С нетерпением жду встречи. – И Фонтейн ретировался.

Глава десятая

Фрэнк забронировал номер для Ширли в гостинице «Голова вепря» и вызвался отвезти ее туда. Она предпочла бы услуги Лудлоу, но не решилась отказать Эмберли в присутствии леди Мэттьюз и Фелисити. Ее уговорили остаться в «Грейторне» на ленч и уехать сразу после него.

Когда Ширли выражала признательность леди Мэттьюз за доброту и гостеприимство, Фрэнку показалось, что он видит перед собой совсем другого, полностью преобразившегося человека. Впервые за все время знакомства с этой девушкой в голосе ее звучала неподдельная теплота, а на глаза навернулись слезы благодарности.

Но стоило ей усесться рядом с ним в машину, она снова замкнулась в себе, снова неохотно и односложно отвечала на его вопросы.

Тогда Фрэнк завел с ней пустой и ни к чему не обязывающий светский разговор – так обычно беседуют с малознакомыми людьми. И с оттенком некоторого удовольствия отметил, что вызвал у Ширли определенную растерянность. Впрочем, девушка все равно продолжала относиться к нему с подозрением.

Сначала он отвез ее в коттедж, чтобы она могла забрать свои пожитки. Вещи Марка Ширли трогать не стала, решила забрать их позже, просто не нашла в себе сил прикоснуться к ним сейчас.

Девушка думала, что Эмберли останется в машине, пока она будет собираться, но он вошел в коттедж вместе с ней. Сказал, что пока Ширли будет собирать чемодан наверху, он постарается навести порядок на первом этаже. Девушка в недоумении уставилась на него –

она никак не ожидала такой хозяйственности от этого человека.

Поскольку Ширли покидала коттедж в спешке, сделать надо было многое, и она пробыла наверху не менее получаса. А когда спустилась, с удивлением увидела, что Эмберли вполне справился со своей ролью. В гостиной и кухне ей делать почти ничего не пришлось. Он даже в кладовке навел порядок – вынес и выбросил все не подлежащие долгому хранению продукты через живую изгородь в поле, и теперь пара белых уток торопливо расправлялась с неожиданной добычей.

Ширли закрыла заднюю дверь на цепочку, потом заперла на засов и повернула ключ в замке. Мистер Эмберли поднялся наверх за ее чемоданом, потом спустился и положил его в багажник «бентли». Ширли последний раз огляделась, затем вышла и заперла входную дверь. Уселась рядом с Эмберли в машину.

Он завел мотор, «бентли» плавно тронулся с места, но Фрэнк внезапно притормозил:

– Черт!

– Что такое?

Он озабоченно шарил по карманам.

– Кажется, я оставил кисет в коттедже. Да, так и есть.

Ширли уже собралась выйти.

– Где именно оставили?

– Точно не помню. Нет, не беспокойтесь, я сам схожу. Скорее всего на кухне. Там я раскуривал трубку. Можно мне ключ? Я буквально на минутку.

Она открыла сумочку, протянула ему ключ от двери. Эмберли толкнул калитку, зашагал по тропинке к крыльцу, потом отпер дверь и вошел в дом.

Затем он торопливо прошел через кухню к задней двери. Осторожно отодвинул засов, снял цепочку, вынул ключ, который оставила в замке Ширли, и положил его себе в карман. А потом вернулся к машине.

– Ну что, нашли? – спросила девушка.

Он протянул ей ключ от входной двери.

– Да, кисет лежал на кухонном столе. Извините за задержку.

Оставив Ширли в гостинице «Голова вепря», Эмберли поехал в полицейский участок, но выяснилось, что у сержанта сегодня выходной. Дежурил тот же молодой констебль, с которым беседовал Фрэнк, когда принес известие об убийстве Доусона. Полицейский сказал, что понятия не имеет, где находится сержант в данный момент, но может передать ему, что нужно, на словах.

Эмберли смерил его задумчивым взглядом и после довольно продолжительной паузы ответил:

– Спасибо, но, пожалуй, не стоит.

Две минуты спустя молодой констебль уведомил коллегу, что приходил этот тип Эмберли и снова валял дурака.

Добравшись до Грейторна, Фрэнк направился к телефону.

Фелисити, войдя в библиотеку, успела услышать:

– И дайте мне знать, сразу же. Ясно?.. Ну хорошо, это все.

– Милая у тебя манера болтать по телефону, – язвительно заметила Фелисити. – Можно узнать, с кем ты так вежливо разговаривал, а?

– С одним моим человеком, – весьма уклончиво ответил Эмберли.

Званный обед, вопреки опасениям леди Мэттьюз, прошел хорошо, и, к удовольствию сэра Хамфри, никто из гостей не стал засиживаться допоздна. Он придерживался твердого убеждения: «чем скорее закончится вечеринка, тем лучше». Проводив последнего гостя, сэр Хамфри заметил, что дело сделано, теперь можно и на боковую.

Но тут его ненадолго задержал племянник:

– Дядя, не удивляйтесь, если услышите шум машины. Мне нужно ненадолго отлучиться. Вот я и подумал, что лучше уж заранее предупредить вас. Если услышите ночью крадущиеся шаги, не подумайте, что это вор. Это я.

– Отлучиться? В такой поздний час?

– Я вообще-то еще не знаю, когда поеду. Сперва должен дождаться телефонного звонка. Как только переговорю, сразу же заведу мотор. Просто не хотелось бы, чтобы вы беспокоились, сэр.

– А меня очень даже беспокоит, что ты снова начал валять дурака, – строго произнес сэр Хамфри. – Я был бы куда лучшего мнения о тебе, если б ты перестал лезть в дела, которые тебя никоим образом не касаются. – Он последовал за женой к двери, затем остановился и обернулся: – И не вздумай наступать на пятую ступеньку, когда придешь, иначе весь дом перебудешь.

– Не на пятую, дорогой. На четвертую, – поправила его леди Мэттьюз.

– Не буду наступать ни на ту, ни на другую, – улыбнулся Эмберли.

Оставшись один, он прошел в библиотеку и стал разглядывать шкафы в поисках книги, которая бы помогла скоротать время. Затем уселся в кресло с «Анатомией меланхолии» Бёртона. Читал книгу, изредка поглядывая на стоящий у локтя телефон. Время от времени посматривал и на наручные часы; шли минуты, и он начал хмуриться.

Наконец вскоре после полуночи телефон зазвонил. Фрэнк поднял трубку. Разговор был очень короткий, Эмберли выслушал все, что говорил ему голос на другом конце линии, затем сказал:

– Хорошо. Спасибо, – и опустил трубку на рычаг.

Сверившись с записной книжкой, Фрэнк теперь позвонил сам. После довольно продолжительной паузы телефонистка ему сказала, что абонент не отвечает. Эмберли деликатно, но настойчиво попросил набрать еще раз.

Снова пауза, затем сонный голос раздраженным тоном произнес:

– Алло!

– Добрый вечер, сержант. Как поживаете?

Голос тотчас утратил агрессивность:

– Это вы, мистер Эмберли? Что случилось?

– Просто позвонил узнать, спите вы или нет.

– Послушайте, сэр! Что вы себе...

– И если спите, разбудить вас. Ну, так вы спите, сержант, или нет?

– Нет, сэр! Уже не сплю... благодаря вам. И если это одна из ваших шуточек...

– Как чувствуете себя, сержант? Полны энергии и энтузиазма?

В трубке послышалось тяжелое хриплое дыхание.

– Настанет день, – едва сдерживаясь, произнес Губбинс, – и с вами непременно что-то случится, сэр.

– Надеюсь, что так и произойдет, – весело ответил Эмберли.

– Я тоже, – мрачно заметил сержант. – Почему я в ночной рубашке должен выслушивать ваши дурацкие шуточки?!

– Я вовсе не хочу держать вас в ночной рубашке. Уверяю, вы в ней мне совсем не симпатичны. Идите и оденьтесь.

– Идите и... Послушайте, сэр, что, черт возьми, все это означает?! Почему я должен одеться?

– Хотя бы ради приличия. Я подъеду и выведу вас на маленькую прогулку. Буду минут через пятнадцать. До встречи!

Четверть часа спустя он подобрал сержанта возле его дома и повез через весь город к коттеджу «Плющ». Губбинс окончательно проснулся, был бодр и, едва усевшись в машину, нетерпеливо спросил, чем они будут заниматься.

– Мы едем собирать улики. И еще, сержант, я полагаю, что вы увидите человека, вламывающегося в коттедж «Плющ».

– Вот как?! Если увижу нечто подобное, то не стану тратить время попусту, сразу же арестую преступника.

– Если и будем арестовывать, то не за проникновение в чужое жилище, а за убийство.

Эмберли проехал по узкой проселочной дороге ярдов на сто дальше коттеджа, свернул на следующем повороте и выключил все фары. Сообщил сержанту, что Ширли Браун переехала в гостиницу «Голова вепря». Губбинс спросил: дала ли она Эмберли ключ? Фрэнк ответил, что ключ взял сам, без ее ведома, и выразил надежду, что никаких неприятностей с полицией у него из-за этого не возникнет.

В коттедже стояла мертвая тишина, лунный свет просачивался через незашторенные окна. Эмберли попросил сержанта закрыть ставни на кухне и начал одну за другой задергивать шторы.

– Понимаю, – удовлетворенно произнес сержант. – Хотите создать впечатление, будто молодая леди все еще в доме. И что дальше?

– Скажу вам через минуту. – Фрэнк с фонариком обошел весь коттедж, затем вернулся на кухню. – А теперь, сержант, слушайте меня внимательно, – сказал он. – Если повезет, вы сможете произвести арест, раз уж вам того хочется. Но для этого вам придется подняться наверх и улечься в постель. Если услышите, как кто-то поднимается по лестнице, укройтесь одеялом с головой. Я полагаю, гость скоро пожалует.

– И это все, что я должен делать? Тогда я вполне мог бы остаться дома, в своей постели.

– Ничего подобного, сержант. Вам предстоит сыграть роль куклы, подставного лица. И если наш гость попытается задушить вас или усыпить хлороформом, хватайте его.

– Обязательно, – с чувством произнес Губбинс. – Так вы хотите сказать, именно это собирается проделать с юной леди Альберт Коллинз?

– Нет, не хочу. И вообще никому не позволю причинить ей вред, пока это в моих силах. – Эмберли поднес запястье к горящему фонарику, взглянул на наручные часы. – Что ж, самое время действовать, поднимайтесь наверх и ложитесь. И постарайтесь не допускать ошибок. До тех пор пока наш гость не предпримет попытки расправиться с вами, лежите тихо, старайтесь украдкой следить за его действиями.

– Ну не знаю, – пробормотал сержант. – Все это выглядит как-то странно. Я, конечно, доверяю вам, мистер Эмберли. Но мне это совсем не нравится, честно вам говорю.

Губбинс направился к лестнице и тяжело затопал по ступенькам, а через некоторое время громкий скрип пружин подсказал, что он улегся в постель.

Эмберли, оставшись на кухне один, распахнул заднюю дверь, затем уселся на деревянный стул и выключил фонарик. Тишину в доме нарушало лишь тиканье каминных часов.

Шли минуты. Наверху, лежа в узкой постели Ширли, сержант напрягал слух, пытаясь уловить малейший звук, и корил себя за то, что не предложил роль куклы самому Эмберли. Он не считал себя трусливым или нервным человеком, но ждть в темноте, когда к тебе явится убийца, – нет, это дело далеко не простое. Прошло десять, затем пятнадцать, двадцать минут, терпение Губбинса иссякало. Его терзали сомнения. А что, если это очередная шутка молодого нахала и Эмберли уже убрался из дома? Не мешало бы проверить – спуститься вниз и посмотреть, на месте ли он. Но по зрелом размышлении сержант отказался от этой идеи. Даже Эмберли на такие шуточки не способен.

Тут ему показалось, что громко скрипнул шкаф, и Губбинс страшно испугался, холодок пробежал по позвоночнику. Впрочем, мистер Эмберли, конечно, не дремлет, контролирует ситуацию. Исходил ли скрип именно от шкафа? – размышлял сержант. И вдруг раздался протяжный и страшный крик. Губбинс вздрогнул, сел в постели и еще крепче сжал в руке пистолет. Крик повторился, и сержант испустил тихий вздох облегчения. Вспомнил, что, когда был мальчишкой, подстрелил сову, а потом соорудил из нее чучело. Как же он тогда радовался и гордился собой, как хотел подстрелить еще несколько птиц.

И Губбинс снова растянулся на постели, стараясь дышать как можно тише. Мистер Эмберли сидел внизу очень тихо. Что ж, неудивительно – хладнокровен, как всегда. Возможно, не был бы столь хладнокровен, если бы лежал здесь и ждал, когда явится убийца и попытается с ним разделаться.

Мышка принялась грызть деревянную стенную панель, сержант снова вздрогнул, затем громко шикнул на нее, и она притихла.

Вдруг тишину нарушил другой звук – Губбинс мог поклясться: кто-то открывает калитку в саду. Петли на ней заржавели, издавали слабый скрип. Он натянул покрывало до самого подбородка и прислушался.

На кухне мистер Эмберли тихо поднялся со стула и подошел к слегка приоткрытой двери. Коттедж был погружен в непроницаемую тьму. Казалось, все вокруг вибрирует от громкого тиканья часов.

И тут из гостиной послышался тихое звяканье. А затем – и скрип. Похоже, под скользящую раму в подъемном окне просовывают какой-то инструмент. Потом – громкий щелчок, это выбили задвижку, скрепляющую верхнюю и нижнюю половины рамы. А после с минуту, может, даже больше, царил полная тишина.

Мистер Эмберли терпеливо выжидал, стоял близ приоткрытой на щелку кухонной двери.

И вот некто находившийся извне осторожно начал толкать оконную створку вверх. Она заедала, и незваному гостю пришлось поднапрячься. Но вскоре окно было открыто, а шторы раздвинулись, впуская в гостиную бледный лунный свет.

Мистер Эмберли, наблюдая за происходящим через дверную щель, увидел руку в перчатке – она придерживала штору; затем рука передвинулась и ухватилась за подоконник. Ночной гость бесшумно влез в комнату; лишь на мгновение он застыл в луче лунного света, давая Эмберли возможность разглядеть его. На взломщике было длинное пальто, на голове – нечто напоминающее мешок с прорезями для глаз, что придавало ему особенно зловещий вид. Эмберли уже догадывался, что почувствует сержант, увидев эту фигуру.

Свет фонаря метнулся к кухонной двери; неизвестный бесшумно двинулся по маленькому коридору, разделяющему две комнаты, и вот луч его фонарика уже запрыгал по ступенькам лестницы. Мужчина остановился у ее подножия, его темный силуэт был четко виден в лунном свете. Эмберли заметил, как незнакомец что-то достал из кармана, затем потряс рукой – точно брызгал духами на носовой платок.

А потом вдруг застыл, как каменный, и прислушался. Во дворе скрипнула калитка.

Эмберли бесшумно отпрянул от двери, двинулся к кладовой и нащупывал ручку двери. Начал медленно поворачивать ее. Кем бы ни был новый посетитель коттеджа, он явно не рассчитывал наткнуться на человека, стоящего сейчас у подножия лестницы.

Второй незнакомец стал забираться в окно, ботинок царапнул по стене, затем створка окна содрогнулась – пришелец стукнулся головой о раму.

– Черт! – вырвалось у него.

Мужчина в капюшоне резко развернулся и метнулся к кухне. Эмберли отворил дверь в кладовку и быстро зашел туда. Луч фонаря осветил кухню, куда зашел человек, скрывавший под капюшоном свое лицо. Он был в обуви на резиновой подошве, поэтому по каменному полу передвигался бесшумно. Мужчина подошел к задней двери, повернул ключ в замке и через секунду исчез.

Эмберли вышел из кладовки и бросился навстречу второму ночному гостю, который к этому времени уже влез в окно.

– Идиот несчастный! – яростно прошипел Фрэнк. – Тупоголовый осел! Кретин!

– Господи Иисусе! – ахнул Энтони Кокрейн, моргая и щурясь в свете направленного на него фонарика. – Это ты, что ли, Эмберли? Какого черта тут делаешь?

Фрэнк повернулся к лестнице и крикнул:

– Можете выходить, сержант! Игра окончена.

Кокрейн так и подпрыгнул:

– Что, и сержант Губбинс здесь? А где мисс Браун?

– Ты был как никогда близок к смерти, Энтони, – уже спокойно, но все еще злобным тоном произнес Эмберли.

Сержант спустился по лестнице:

– Что происходит, сэр?

– Ничего, – с горечью ответил Эмберли. – Мой друг мистер Кокрейн об этом позаботился.

Сержант направил луч фонаря на Энтони:

– Что ж, нельзя сказать, будто я сильно о том сожалею.

– Послушайте!.. – начал было Кокрейн, но затем, сбавив тон, встревоженно спросил: – Чем это здесь так противно воняет?

– Хлороформом, – ответил Эмберли, переходя в гостиную.

– Но, черт побери, за кем же я следовал на всем пути от особняка?! – воскликнул Энтони.

– Уж точно не за нами. – Эмберли чиркнул спичкой и включил лампу. – Возможно, тебе будет интересно узнать, что мы с сержантом устроили здесь засаду, ждали человека, за которым ты следил. И, если б ты не вломился в дом с таким шумом и треском, что мертвого можно поднять из могилы, мы бы его взяли.

– Но... черт... если вы были здесь, почему не схватили этого человека?

– Да потому, что хотели взять его с поличным, дурак ты эдакий!

– Как это с поличным?

Эмберли усмехнулся:

– Застичь на месте преступления в тот момент, когда он станет глушить хлороформом сержанта. Но, увы, не получилось. Лучше расскажи, что ты затеял. – Он подошел к окну, опустил створку, запер ее на задвижку.

Кокрейну все еще казалось, что он весьма успешно сыграл роль детектива. По возвращении из Грейторна в особняк Нортон он улегся в постель рано, но не спал. Немного почитал, вроде бы выключил свет только после полуночи и еще какое-то время после этого просто лежал в кровати. И уже начал дремать, когда услышал негромкий звук снаружи. Окна его комнаты выходили в сад перед главным входом, он уже и прежде отмечал, что, когда там кто-нибудь проходит по дорожке, раздается хруст гравия.

Ему показалось странным, что в столь поздний час кто-то вышел из дома; любопытство заставило его подняться и выглянуть в окно. Сперва показалось, что на дорожке ни души, затем он разглядел в полумраке мужскую фигуру – та как раз выходила из-за пышного куста рододендрона. Мужчина находился примерно в тридцати ярдах от дома и шел к воротам, так что Кокрейн видел только его спину, да и то не слишком отчетливо. Неизвестный шел по узкой полоске травы, что тянулась вдоль дорожки, и толкал велосипед. Очевидно, Кокрейн слышал хруст велосипедных шин по гравию. На мужчине было длинное пальто, на голове – твидовое кепи, низко надвинутое на лоб. Крадущаяся походка, одежда, маскировавшая фигуру, и столь поздний час, выбранный неизвестным для прогулки, показались Кокрейну подозрительными. Он почти не сомневался, что это Коллинз, и решил проследить, куда камердинер идет, в надежде получить ключ к разгадке его странного поведения.

Энтони торопливо натянул брюки прямо поверх пижамы, надел носки и ботинки, схватил куртку и спустился на цыпочках к входной двери. Ему совсем не хотелось будить Джоан и пугать ее, да и поднимать с постели брата Бэзила тоже не хотелось. Он знал, что старый велосипед Джоан хранится в глубине двора под навесом и что она иногда пользуется им. Кокрейн добрался до него и пустился в погоню.

Выехав из ворот, он огляделся по сторонам – подозрительного типа нигде не было видно. Энтони выбрал дорогу к Верхнему Неттлфолду, этот маршрут показался ему наиболее вероятным. Он рассчитывал догнать незнакомца, несмотря на то, что седло велосипеда было слишком низкое для Энтони, к тому же одна из шин почти совсем спустилась. Так что это путешествие оказалось не слишком комфортабельным. Однако, отъехав примерно на милю от дома, он был вознагражден: впереди мелькнули очертания велосипедиста в длинном пальто. После этого погоня превратилась в настоящее удовольствие. Энтони старался держаться на почтительном расстоянии, поскольку яркий лунный свет заливал все кругом и сразу же выдал бы его, если б преследуемый вдруг

оглянулся.

Неизвестный мужчина проехал по проселочной дороге за коттедж «Плющ». Через несколько ярдов он остановился, слез с велосипеда и спрятал его в придорожной канаве. Кокрейн нырнул в тень деревьев и ждал, что предпримет неизвестный. А тот развернулся и зашагал обратно, к коттеджу. У дома остановился, снял кепи и натянул вместо него на голову мешок с прорезями для глаз. Выглядел в лунном свете он просто устрашающе. Разумеется, сразу стало ясно, что человек, надевший мешок на голову, ничего хорошего замышлять не может. Энтони пожалел, что у него нет при себе оружия, но братец Бэзил держал оружейную комнату под замком, к тому же сам Кокрейн не имел привычки разгуливать с пистолетом – чего нет, того нет. Но прекратить преследование было бы просто трусостью, и он последовал за таинственным человеком; вскоре, спрятавшись за живой изгородью, Энтони увидел, как мужчина влезает в окно коттеджа. Ну и после этого, разумеется, Кокрейну ничего не оставалось, кроме как последовать за ним – с оружием или без, не важно.

– Все остальное вы знаете.

Сержант, восхищенно слушавший это повествование, заметил, что такое поведение делает молодому человеку честь. Эмберли сказал, что намерения у его друга были самые что ни на есть благородные, а вот результат – просто плачевный. Он предложил Кокрейну отвезти его в особняк.

– Полагаю, ты прав, – весело заметил Энтони. – Ничто на свете не заставит меня больше взгромоздиться на этот велосипед, точно говорю.

– Тогда пойду и запру заднюю дверь, выйти можно и через главную. – И Фрэнк двинулся на кухню с фонариком в руке.

Дверь все еще была распахнута настежь, беглец не удосужился захлопнуть ее за собой. Эмберли уже собрался закрыть дверь, но тут его внимание привлек какой-то слабый звук. Он включил фонарик, осветил. И заметил некое движение у двери в сарай. На секунду Фрэнку показалось, что он видит лицо Бейкера; затем оно исчезло, послышались торопливо удаляющиеся шаги, хрустнула сухая ветка.

Эмберли быстро вышел в сад за кухней. Тут к нему подошел Кокрейн и спросил, в чем дело, не заметил Фрэнк кого-то?

Эмберли выключил фонарик и после небольшой паузы тихо ответил:

– Нет. Просто собирался закрыть заднюю калитку. А ты иди и открой ставни на кухне, ладно?

Он выждал, пока Кокрейн уйдет в дом, затем двинулся к сараю. Но не нашел там никого, да и в саду не было видно ни души. Эмберли стоял и напряженно прислушивался. Ничто не выдавало присутствия дворецкого. Фрэнк развернулся и пошел к дому.

Сержант и Кокрейн на удивление быстро нашли общий язык. Оба были уверены: во-первых, в коттедж проник не кто иной, как Альберт Коллинз, и, во-вторых, напрасно мистер Эмберли дал ему уйти. Эту последнюю фразу и услышал Фрэнк, войдя в кухню.

Он запер заднюю дверь на замок и засов и бросил через плечо:

– Если уж арестовывать кого-то, мои благонамеренные, но не слишком дальновидные друзья, то в нашем случае делать это надо по обвинению в убийстве либо в каком-то другом серьезном преступлении. А не по такому пустяку, как нелегальное проникновение в дом. Мне, однако, хотелось бы обратить ваше внимание на один маленький, но важный момент. Человек, который проник сегодня в коттедж, не знал о существовании Билла.

Сержант вопросительно взглянул на Эмберли:

– А нельзя ли узнать, кто он такой, этот Билл, сэр?

– Билл – это бультерьер мисс Браун. Вот вам пища для размышлений.

Глава одиннадцатая

Кокрейн вкратце рассказал за завтраком о событиях минувшей ночи. По дороге к особняку его проинструктировал Эмберли, попросив не упоминать, что в этом деле принимали участие он и сержант Губбинс.

Вообще-то Энтони собирался держать ночное приключение в тайне, но Фрэнк заметил, что полное молчание с его стороны насторожит неизвестного взломщика. Тот наверняка опознал своего преследователя и может подумать, что Кокрейн подозревает именно его.

И вот, следуя этим указаниям, наутро, когда Джоан уже вышла из-за стола, Энтони рассказал Фонтейну, что всю ночь преследовал какого-то человека. Бэзил посмотрел на него как на сумасшедшего, продолжил завтракать, в ответ лишь что-то невнятно хмыкнул и сунул нос в свежую газету.

Энтони намазал маслом еще один тост.

– Между прочим, на голове у него был мешок с прорезями.

Фонтейн оторвался от газеты и досадливо бросил:

– О чем это ты, черт побери?

– Если не веришь, взгляни на велосипед. Он и без того был не в блестящем состоянии перед тем, как я сел на него. А сейчас его можно списать из-за полной непригодности.

Фонтейн отложил газету:

– Какой велосипед? Ну что за ерунду ты вечно несешь?

– Велосипед Джоан. Я проехал на нем семь миль. И еще семь обратно.

Фонтейн усмехнулся:

– Да, представляю эту картину. Как ты гонишь на велосипеде семь миль. Может, все же толком объяснишь, в чем дело?

Энтони понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина дома – это не шутка. Фонтейн наконец проникся серьезностью ситуации и тут же захотел знать, кем именно был тот человек. Энтони ответил, что не знает, хотя кое-какие подозрения у него имеются. Причем не безосновательные.

– Коллинз? – спросил Бэзил, понизив голос. – Господи Боже!

– Заметь, я до конца не уверен. Лица его так и не разглядел.

Фонтейн не стал скрывать, что раздражен до крайности. Сказал, что, наверное, ему придется все-таки уволить камердинера. Энтони охотно поддержал эту идею, но Бэзила вдруг развернуло в обратную сторону. Он заявил, что вся история выглядит неправдоподобно, и несправедливо было бы обвинять Коллинза без каких-либо доказательств. Нет, он должен хорошенько все обдумать, но будет держать ухо востро. То, что рассказал Кокрейн, страшно огорчительно, просто ни в какие ворота не лезет. Если подключить к делу полицию, та начнет допрашивать слуг и тогда экономка наверняка уволится. Она уже и так возмущена до крайности бестактными методами допроса, проведенного здесь инспектором.

– И вообще, – гневно добавил Фонтейн, – не советовал бы тебе ночью выглядывать из окна! По крайней мере, тогда бы я ничего не узнал и жил бы себе спокойно.

В этот момент в комнату вошла Джоан, и дискуссия тотчас прекратилась. Она с Кокрейном собиралась сыграть в гольф. Вежливое предложение Бэзилу присоединиться было встречено отказом. У него нет привычки быть третьим лишним, сказал он. Кроме того, звонил этот старый болван Мэттьюз и сообщил, что собирается приехать по одному делу.

– И разумеется, я знаю, что это за дело. Еще вчера за обедом он намекал, но я сделал вид, что не понял. У меня и без того забот хватает, и просто нет времени добавлять к ним разбирательство с моим главным лесничим.

– Браконьеры? – спросила Джоан. – Слышала об этом, Фелисити говорила. Наверное, Хичкок проявляет нерадивость.

– Не знаю, не знаю, но я не стану его увольнять лишь ради того, чтобы угодить старине Мэттьюзу.

Сэр Хамфри прибыл в двенадцать вместе с дочерью в ее маленьком автомобильчике – шофер Лудлоу заболел гриппом. Бейкер провел гостей в библиотеку, оставил их там, а сам пошел искать хозяина.

Сэр Хамфри, подобно большинству книголюбов, тотчас начал бродить по комнате и осматривать туго набитые книгами шкафы и полки. А затем с укоризной заметил, что у Фонтейна нет книжного каталога и тома расставлены как попало.

Сидевшая у окна Фелисити заметила, что хозяину дома, наверное, просто нет до этого дела.

– Он не книголюб, наш дорогой Бэзил, – с улыбкой добавила она.

– Ну, это очевидно, – бросил ее отец. Надел очки и принялся изучать корешки томов в переплетах из телячьей кожи.

– Во всяком случае, с виду тут у него одна классика, сплошная скучища, – заметила Фелисити.

Но сэр Хамфри, только что обнаруживший настоящее сокровище, ей не ответил. И девушка стала смотреть во двор, где садовник сгребал с лужайки опавшую листву, предоставив отцу возможность спокойно перелистывать страницы.

Когда вошел Фонтейн, извиняясь, что заставил гостей ждать, сэр Хамфри перевернул еще одну страницу пропыленного тома, снятого с верхней полки, и заметил рассеянно:

– Ничего страшного, ровным счетом ничего. А я тут рассматривал ваши книги. Мой дорогой, разве вы никогда не замечали, что расставлены они у вас по размеру?

Фонтейн даже немного растерялся, затем ответил, что, видимо, он не слишком прилежный книголюб. А потом добавил, что непременно наймет кого-нибудь привести библиотеку в порядок. Выяснилось, что в его владении находятся весьма редкие издания, а Де Куинси¹¹ соседствует с «Записками из русского суда» неизвестно чьего авторства. По тону сэра Хамфри Фонтейну стало ясно, что это просто преступление.

– Ваш дед был великим коллекционером. – Сэр Хамфри поднял руку с книгой. – Вот он, старый друг, с кем я не встречался, увы, долгие годы. Уму непостижимо, как так получилось, что этого издания нет на моей полке. Нельзя ли его у вас позаимствовать? Нет, понимаю, это совершенно пагубная привычка...

– Ради Бога, конечно, берите, – сказал Фонтейн в надежде перевести наконец разговор на более близкую ему тему. – Буду просто счастлив одолжить вам эту книгу.

– Спасибо. Просто не терпится снова погрузиться в эти страницы. Если позволите, я возьму первый том.

Бэзил громко расхохотался:

– Первый том, говорите? Стыдно признаться, но я не знал, что их несколько.

Сэр Хамфри взирал на него с изумлением, точно видел сейчас перед собой живого динозавра.

– Бог ты мой! Однако именно эта работа Дизраэли, «Литературные казусы», замечательна во всех отношениях. Впрочем, я пришел к вам не о книгах говорить. Не хочу напрасно занимать ваше время.

Фонтейн вежливо возразил что-то в ответ, однако не сделал попытки помешать своему гостю перейти непосредственно к делу. После двадцати минут откровенного разговора Бэзил пообещал, что поговорит со своим лесничим. Тем более, как он недавно узнал, по его угодыям разгуливают некие подозрительные личности. Сэр Хамфри удовлетворенно кивнул и заявил, что считает долгом каждого порядочного землевладельца борьбу с браконьерством, и выразил уверенность, что в этом Фонтейн с ним согласен.

Уставший от напористого гостя, Бэзил был готов согласиться с чем угодно. Конечно же, от браконьеров следует избавляться, и он повторил, что непременно переговорит с

---

¹¹ Де Куинси, Томас (1785–1859) – английский писатель, автор автобиографической книги «Исповедь англичанина-опиомана».

Хичкоком.

Тут Фелисити поднялась и с плохо скрываемым нетерпением сообщила, что если они сию минуту не отправятся в путь, то не успеют попасть в Верхний Неттлфолд до ленча. Сэр Хамфри поднялся с места и извинился перед хозяином дома, что они отняли у него слишком много времени.

Мужчины обменялись прощальным рукопожатием, но тут дверь тихо отворилась, и вошел Коллинз.

Слуга остановился на пороге.

– Прошу прощения, сэр. Я думал, вы одни.

– Правильно думал, поскольку прямо сейчас ты проводишь сэра Хамфри и мисс Мэттьюз к выходу, – сказал Фонтейн. – Всего доброго, сэр, я непременно займусь этим делом. Уверены, что не хотите взять и остальные тома? Не стесняйтесь, прошу вас, можете забрать любую интересующую вас книгу. Буду только рад.

Глаза Коллинза на миг остановились на книге, которую держал в руках сэр Хамфри, и на лице слуги отразилось явное волнение. Он кашлянул и спросил:

– Желаете, я заверну для вас эту книгу, сэр?

– Нет, спасибо. По мне и так сгодится. – Сэр Хамфри направился к двери.

– Боюсь, она очень пыльная, сэр. Могу я протереть ее для вас?

– Протереть? Нет, не надо, все в полном порядке! – раздраженно произнес сэр Хамфри. – До свидания, Фонтейн. Идем, Фелисити, иначе и вправду опоздаем.

Фелисити, заводя мотор, спросила:

– Ты заметил этого человека? Ну, бывшего дворецкого?

– Заметил, дорогая? Я его видел, и этого вполне достаточно. К чему мне замечать какого-то слугу?

– Мне показалось... он так страшно посмотрел на тебя.

– Вот именно, что показалось, дорогая. Зачем ему страшно на меня смотреть?

– Не знаю. Но это было. Я видела.

Фелисити ехала в Верхний Неттлфолд по поручению леди Мэттьюз. Та просила ее заглянуть в гостиницу «Голова вепря» и узнать, удобно ли устроилась Ширли Браун, а также предложить ей вместе поехать завтра на слушания.

Портье сообщил, что, судя по всему, мисс Браун у себя в номере, и поднялся позвать ее. Фелисити и сэр Хамфри остались ждать внизу, в вестибюле.

И вот через несколько минут к ним по лестнице сбежала Ширли; похоже, она явно обрадовалась при виде Фелисити, но немного стеснялась сэра Хамфри. На ней было твидовое пальто с черной повязкой на рукаве, но никаких других признаков траура не наблюдалось. И, хотя выглядела девушка встревоженной, похоже, горьких слез она не проливали. Ширли сказала, что устроилась в «Голове вепря» очень хорошо, и отклонила предложение леди Мэттьюз сопроводить ее на слушания. Очень любезно со стороны леди Мэттьюз, но совершенно необязательно – к чему вовлекать почтенную даму в столь неприятную процедуру?

– Моя жена, – сэр Хамфри неодобрительно покосился на Ширли, – подумала, что вы будете рады... э-э... иметь поддержку в столь... болезненных обстоятельствах.

Девушка ответила ему ясным и невозмутимым взглядом.

– Я не дрогну и не сломаюсь. Да, смерть брата была для меня шоком, и я очень огорчена. Но не могу сказать, что сердце мое разбито. Нет, совсем нет. Вы уж простите за прямоту.

Сэр Хамфри оказался в шоке после такого ответа. Он пробормотал, что ей, видимо, нужно время, чтобы осознать случившееся. Она ответила печальной скептической улыбкой, но спорить не стала. А на вопрос о времени возвращения в Лондон высказалась очень неопределенно. Как предположила Фелисити, ее удерживали здесь дела, связанные с коттеджем «Плющ».

Мисс Браун не стала задерживать посетителей, когда Фелисити поднялась с кресла. Та про себя решила: что бы ни говорила Ширли, она страдает, и очень глубоко, просто вида не показывает. Но глаза ее выдавали.

По пути домой сэр Хамфри дал себе волю и не скрывал, что ему не нравится Ширли. У этой девицы отсутствует даже малая доля лицемерия, приличествующая, по его мнению, каждой порядочной женщине. Такая прямота просто непростительна, пусть даже речь идет о Марке Брауне, имевшем множество недостатков. А отсутствие траурного платья демонстрирует явное неуважение к покойному. Каким бы ни был человек при жизни, сам факт смерти должен вызывать к нему уважение.

Затем сэр Хамфри вдруг умолк и начал шарить по сиденью, что-то ища.

Фелисити сбросила скорость:

– Что случилось, папа?

– Вроде бы я оставил позаимствованную мной книгу в гостинице, – раздраженно ответил он. – Просто ума не приложу, как можно было допустить такую небрежность. Надо вернуться.

Терять и оставлять вещи где попало уже давно вошло у сэра Хамфри в привычку, жена и дочь часто упрекали его, и Фелисити не могла сдержать смеху, разворачивая машину.

И вот через десять минут они вновь оказались у гостиницы «Голова вепря». Сэр Хамфри прошел в вестибюль и увидел Ширли; она сидела в одиночестве, на маленьком столике перед ней лежала книга. Девушка подняла глаза и, увидев сэра Хамфри, залилась краской; он заметил странный блеск в ее глазах. Да и вообще, вид у Ширли был такой, точно она не брата единственного потеряла, а нашла сокровище.

Девушка поднялась, взяла со стола книгу.

– Это ведь вы оставили, верно? Я этой книжкой просто зачиталась. Ну и еще протерла ее от пыли, жутко грязная была. – Она передала книгу ему в руки. – Вот, пожалуйста.

– Ну и какое впечатление? – спросил сэр Хамфри.

На губах ее заиграла улыбка:

– Похоже, тут довольно много интересного.

Эмберли не обещал вернуться к ленчу, он совещался о чем-то с начальником полиции и появился только к чаю, причем не в самом лучшем расположении духа. Попытка сэра Хамфри прочесть ему вслух анекдот об аббате Мароле была пресечена.

– Знаю, читал, – отмахнулся Фрэнк.

– Вот как? – удивился его дядя. – Может, в таком случае скажешь, из какой это книги, а?

– «Литературные казусы», – без запинки ответил Эмберли. – Не знал, что у вас есть эта книга.

Сэр Хамфри, довольный тем, что его племянник оказался более начитанным, нежели он предполагал, сказал, что позаимствовал данное издание у Фонтейна не далее как сегодня утром. Затем сделал еще одну попытку прочесть из книги маленький отрывок, но и она была пресечена.

– Я помню эту историю, – заявил Эмберли.

Сэр Хамфри, сразу пришедший в плохое настроение, устроил племяннику небольшую выволочку за дурные, просто невыносимые манеры. И не без яда попросил, чтобы Фрэнк снова не перебудил весь дом в ближайшую ночь, как сделал это вчера.

Эмберли, слышавший громкий храп из-за двери в спальню дяди, когда проходил мимо нее в четыре утра, пообещал, что ничего подобного не повторится и нынешняя ночь пройдет спокойно.

Он заблуждался. В двадцать минут третьего ночи раздался страшный грохот, разбудивший не только сэра Хамфри, но и его жену, и племянника. Шум донесся вроде бы из гостиной, затем настала полная тишина. Эмберли тихо вышел из своей комнаты, сжимая в одной руке пистолет, в другой – фонарик. С минуту стоял и прислушивался.

Затем откуда-то снизу донесся громкий скрип; Эмберли начал спускаться по лестнице, стараясь ступать как можно тише.

В этот момент дверь в спальню сэра Хамфри распахнулась, хозяин дома выбежал в коридор.

– Кто там?! – воскликнул он и осветил фонариком верхнюю часть лестницы.

Эмберли понесся вниз; пара прыжков – и он уже в холле. Но слишком поздно: осветив гостиную, Фрэнк никого там не обнаружил. Стеклянные двери в сад были распахнуты настежь, ветер вдувал шторы в комнату. Эмберли отдернул их и выглянул наружу. Сад купался в голубоватом лунном свете, темные тени отбрасывали только кусты и деревья. Вроде бы – никого; во всяком случае, луч фонаря не высветил ни единого потаенного местечка, где мог бы укрыться злоумышленник. Кто бы ни ворвался в дом, теперь он наверняка уже далеко, на дороге, и преследовать его не имеет ни малейшего смысла.

Фрэнк вернулся в гостиную и осмотрел двери. Из них были аккуратно вырезаны две стеклянные панели, что позволило взломщику открыть верхнюю и нижнюю задвижки.

Сверху донесся раздраженный голос сэра Хамфри:

– Что, черт возьми, ты там затеял, Фрэнк?! Неужели хоть одну ночь нельзя поспать спокойно?

Эмберли вошел в холл.

– Спуститесь-ка сюда на минутку, дядя.

– Не имею ни малейшего желания! Чем ты там занимаешься?

– У вас побывал гость. – Фрэнк прошел обратно к гостиной и встал в дверях, обозревая царивший в комнате хаос.

Тут к нему присоединился сэр Хамфри.

– Так это не ты? То есть ты хотел сказать... Боже милостивый!..

Глазам его предстало удручающее зрелище. Человеку, аккуратному во всем, видеть такое было просто невыносимо. Некто, по всей видимости, судорожно искал что-то. Все в комнате было перевернуто вверх дном; по полу беспорядочно раскиданы диванные подушки, книги, газеты. Ящики бюро леди Мэттьюз выдвинуты, их содержимое тоже валялось на полу. В камине с изразцами виднелись куски вдребезги разбитой большой вазы. Очевидно, взломщик нечаянно сбил ее, именно этот грохот и разбудил весь дом.

Затем на глаза сэру Хамфри попало разбитая стеклянная дверь в сад. И он пробормотал слабым голосом:

– Боже милостивый! – А затем вопросительно уставился на Эмберли.

– Давайте осмотрим все по порядку, – предложил тот и прошел в библиотеку.

И здесь все тот же ужасный хаос, даже еще хуже, а при виде состояния, в каком находился его кабинет, сэр Хамфри издал жалобный стон. Письменный стол тоже обыскали, все бумаги в беспорядке разбросаны по полу.

– Господи, спаси и сохрани мою душу! – в очередной раз взмолился сэр Хамфри. – Это же самый настоящий разбой!

Племянник взглянул на него с уважением:

– Как быстро, однако, вам удалось квалифицировать преступление. Приветствую вас, тетюшка. Пришли посмотреть на весь этот разгром?

В дверях стояла леди Мэттьюз в папильотках, лицо густо намазано кольдкремом. Стояла и взирала на происходящее с самым невозмутимым видом. Хозяйку дома ничуть не поразило зрелище, представшее ее взору.

– Боже мой, как интересно! Полный разгром. Бедный Дженкинс! Но почему кабинет?

– У вас удивительная способность подмечать самое главное, тетя Мэрион. Кому другому и в голову бы не пришло задать этот вопрос. Однако скажите мне, зачем вы намазались каким-то белым веществом?

– Оно называется крем для лица, дорогой. В моем возрасте пользоваться им просто необходимо. Я, наверное, выгляжу несколько странно?

– Похожи на привидение.

– Господи Иисусе, Фрэнк, ну при чем тут лицо твоей тетушки?! – возмутился сэра Хамфри. – Вы посмотрите на мой стол! На мои бумаги!

– Лучше посмотреть, цело ли серебро, дорогой, – заметила его жена. – Или Дженкинс унес его наверх? Наверное, убит в своей постели. Надо пойти и выяснить.

Но Дженкинса никто не убивал. В этот момент он как раз появился – в пиджаке и брюках, натянутых в спешке прямо на пижаму. Сэр Хамфри при виде его облегченно выдохнул и не был разочарован в реакции слуги – она была столь же бурной, что и у него самого. Они оба принялись оплакивать разоренное гнездо, но тут вмешался мистер Эмберли:

– Взгляните, не пропали ли ценные вещи, Дженкинс.

Слуга тотчас удалился.

Сэр Хамфри повел жену посмотреть, что проделал взломщик со стеклянным окном в сад, а Эмберли остался в кабинете, стоял и хмуро взирал на беспорядок.

Вскоре к нему присоединилась Фелисити, возмущенная тем, что ее никто не разбудил. Эмберли поинтересовался у кузины, каким образом это удается делать ее служанке по утрам.

Вернулся Дженкинс и доложил, что на первый взгляд все цело, хотя столовое серебро он, конечно, еще не пересчитывал. В столовой ничего не тронута, а сервиз для специй георгианской эпохи благополучно стоит на буфете.

Эмберли отправился на поиски дяди, тот все еще сокрушался из-за разбитой двери. Леди Мэттьюз поддакивала ему.

– Хочу, чтобы вы пошли и посмотрели, не пропало ли чего из вашего кабинета, дядя, – сказал Фрэнк.

– Да откуда мне знать, черт побери?! – сердито воскликнул сэра Хамфри. – Годы уйдут на то, чтобы привести бумаги в должное состояние! Нет, поверьте моему слову, нет в Англии больше ни закона, ни порядка!

– Может, вы держали что-то ценное в ящиках стола?

– Нет, не держал. Хоть какое-то, пусть и слабое, утешение знать, что труды проклятого вора остались без вознаграждения.

– И денег тоже не было? Вы уверены?

– Ну, ясное дело, уверен! Скажи, я похож на человека, который станет оставлять деньги где попало?

– А вы, тетушка?

– О нет, дорогой, только счета и всякие безделицы. Не представляющие для него никакого интереса. Как думаешь, что он искал?

– Пока еще ничего не думаю и не предполагаю. – Эмберли, задумчиво шурясь, оглядел комнату. – Пока еще блуждаю во мраке... Итак, гостиная, кабинет и библиотека, но не столовая. Странно... Однако, похоже, у вас в доме имеется нечто очень интересующее взломщика. Может, какой-то документ, а, дядя?

– Ну разумеется, нет! Все важные бумаги я держу в банке. И потом, они не представляют ни малейшего интереса ни для кого, кроме меня.

– Но зачем этот тип бросал книги на пол? – задумчиво произнесла леди Мэттьюз. – Нет никакой необходимости, как мне кажется.

Эмберли взглянул на нее:

– Книги! Боже ты мой!

– Продолжай, Фрэнк! – вскинулась Фелисити. – Что ты хотел этим сказать? Господи, до чего же все это интересно, волнительно!

Эмберли не обратил на нее никакого внимания.

– Скажите, дядя, где книга, которую вы взяли у Фонтейна?

– У меня в комнате. Решил почитать на ночь. А что, собственно...

Эмберли резко развернулся:

– Принесите ее, быстро, Дженкинс! «Литературные казусы».

Леди Мэттьюз опустила в кресло:

– Как восхитительно, как интригующе. Но почему именно книга, дорогой?

– Пока не знаю. Но думаю, взломщик искал именно эту книгу.

Тут вошел Дженкинс с книгой в руке, передал ему. Эмберли перелистал страницы, открыл и потряс ее, заглянул под корешок, тщательно прощупал обе стороны обложки.

– До чего интересно! – проворковала леди Мэттьюз.

Но Эмберли выглядел растерянным.

– Похоже, я ошибался, – пробормотал он. – Однако... Нет, все же думаю, что нет. – Он обернулся, взглянул на сэра Хамфри. – Любопытно...

– Чего тут любопытного? – проворчал тот. – Умоляю, выражайся яснее!

– Видимо, кто-то входил сегодня ночью к вам в комнату... – с задумчивым видом предположил Фрэнк.

Сэр Хамфри, который, подобно многим, искренне считал, что сон у него очень чуткий, возмутился. Он был готов поклясться, что никто не мог войти в комнату, не разбудив его.

– Фрэнк, дорогой, – вмешалась леди Мэттьюз, – все это, конечно, страшно интригующе, но прошу, не зли дядю.

– Извините, тетя. Да, неприятная вышла история. Ладно, пошел спать.

Тут сэр Хамфри спросил племянника, что может остановить взломщика, если тот вдруг попытается вновь проникнуть в дом через разбитую дверь. Но Эмберли не выразил никакой озабоченности по этому поводу. Он все еще держал книгу в руке. Так и ушел с ней наверх.

Глава двенадцатая

Энтони Кокрейн хотел было подойти к телефону, пронзительно трезвонившему в холле, но вежливый Бейкер его опередил. Дворецкий извинился за проявленную им нерасторопность и снял трубку, сказав «алло».

Кокрейн, все еще стоявший в холле, был готов поклясться, что ответил ему женский голос.

Дворецкий осторожно покосился на него и ответил довольно надменно:

– Не знаю, насколько удобно это сейчас... мисс...

Голос зазвучал снова. Бейкер послушал, затем осведомился:

– Ваше имя, будьте добры?..

Но, судя по всему, ответа не получил. Кокрейн заметил какое-то странное выражение на лице дворецкого и призадумался. Бейкер осторожно положил трубку рядом с аппаратом, затем прошел через холл по направлению к кухне. Заинтригованный Кокрейн какое-то время топтался возле двери в библиотеку, хотел посмотреть, кого он позовет. И вот – нельзя сказать, чтобы его сильно это удивило – через несколько минут в холле появился Коллинз и направился к телефону. Кокрейн быстро заскочил в библиотеку, притворил за собой дверь.

Камердинер взял трубку.

– Алло, Коллинз у аппарата. Кто вы?

– Думаю, вы знаете кто, – ответил женский голос.

Слуга настороженно оглянулся через плечо и тихо заговорил, поднеся трубку к губам:

– Нечего звонить мне сюда. Это небезопасно. Я ведь уже говорил.

– Тогда, думаю, нам лучше встретиться, – холодно произнес голос. – Сами понимаете, я могу доставить вам немало неприятностей.

Губы Коллинза скривились в невеселой улыбке:

– Все равно ничего тем самым не добьетесь.

– Не хотите встретиться со мной, не надо, это меня все равно не остановит. Или давайте договариваться, или я все разрушу. Я не шучу. Так и сделаю, обещаю. Как говорится, полбатона хлеба лучше, чем никакого хлеба. И эта половинка у меня. Ну, так что?

Пальцы Коллинза впились в телефонную трубку с такой силой, что костяшки побелели – точно он сжимал чье-то горло, пытаясь удушить противника.

– Ладно. Но только больше не звоните мне сюда. Встретимся. Вот только пока не знаю, когда освобожусь. Дам знать.

– Можете и сейчас дать знать.

– Я же сказал, пока отлучиться не могу. Сами должны понимать. Увидимся, когда меня отпустят на вечер.

– Тогда сегодня вечером, – категорично заявила женщина. – И само собой, наедине.

– Но это небезопасно. Я не могу надолго отлучиться.

– Могу и сама к вам заглянуть, – примирительно заметил голос. – Но все же лучше постарайтесь удрать хотя бы на полчаса.

Слуга снова осторожно глянул через плечо:

– Ладно, договорились. Но только при условии, что вы больше не будете сюда звонить.

– Будешь умником, и звонить не стану. Где встретимся?

Коллинз призадумался на секунду-другую:

– Рискованно, конечно, хотя... Знаете павильон в лесу?

– Боюсь, что не знаю.

– Перед сторожкой есть ворота, оттуда начинается тропинка к коттеджу егеря. А сам павильон у озера, прямо за ним. Заблудиться невозможно. Буду там в шесть. – Он торопливо повесил трубку и направился к выходу из холла.

Тут из библиотеки вышел Фонтейн, затворил за собой дверь. Он озабоченно хмурил брови, подозрительно смотрел на лакея.

– Кто это тебе звонил? Мистер Кокрейн только что спрашивал: в курсе ли я, что мои слуги пользуются телефоном для своих частных нужд? Так кто звонил?

Коллинз застыл на месте, стыдливо опустив глаза. Уголки губ скорбно скривились, он упорно молчал.

– Какая-то женщина, верно? – не отставал Фонтейн и приблизился к слуге на шаг. – Я прав?

Тут Коллинз на секунду поднял глаза на хозяина и ответил еле слышно:

– Да, сэр. – Он откашлялся. – Ну, просто одна молодая дамочка, с которой я встречаюсь, сэр. Я объяснил ей, чтобы она больше мне сюда не звонила.

– Встречаешься? Это что-то новенькое! А теперь слушай меня хорошенько, Коллинз! Я на многое смотрю сквозь пальцы, но есть вещи, которых в своем доме не потерплю! Ясно тебе?

Слуга поклонился:

– Абсолютно ясно, сэр. Этого больше не повторится.

– Да, повторять не советую, – хмуро бросил Фонтейн. – И вообще, мне кажется, пришла пора избавиться от тебя раз и навсегда. С учетом всех этих... безобразий.

Слабая улыбка тронула тонкие губы Коллинза, но он промолчал.

В этот момент из библиотеки вышел Кокрейн, Фонтейн двинулся ему навстречу. Коллинз развернулся и, бесшумно ступая, удалился из холла.

– Ты был совершенно прав, мой дорогой, – сказал Бэзил. – Ему, видите ли, звонит его девушка! Слуги совершенно распустились! Спасибо, что дал мне знать.

В семи милях от особняка Ширли Браун вышла из телефонной будки, установленной в гостинице «Голова вепря», и в глазах ее светилось торжество. Тут к ней подбежал портье и сообщил, что к ней пришел некий джентльмен по фамилии Эмберли, и взгляд девушки тут же переменялся, она явно встревожилась. Ширли попросила портье уведомить мистера Эмберли, что она вышла выгулять собаку и, когда придет, неизвестно.

Ширли выждала еще минут десять, затем спустилась вниз с Биллом на поводке. Никакой записки Эмберли не оставил. Со вздохом облегчения и одновременно легкого разочарования Ширли вышла на улицу и прошлась немного по направлению к коттеджу «Плющ», куда вскоре собиралась заехать – собрать и упаковать вещи Марка. Затем она вернулась в гостиницу.

В пять часов вечера девушка заперла Билла в номере и вышла на улицу, одетая в длинное твидовое пальто и низко надвинутую на лоб фетровую шляпу. Она отправилась на Рыночную площадь, где находилась омнибусная остановка, этот вид транспорта позволял доехать до ближайших деревень. На омнибусе под номером девять висела табличка с надписью «Лоуборо», и девушка села в него. Через несколько минут водитель, работавший по совместительству еще и кондуктором, прошел к своему месту и завел мотор. Ширли, разместившаяся прямо у него за спиной, попросила водителя высадить ее на повороте на Нортон.

Весь день было довольно облачно, и едва омнибус отъехал, как зарядил дождь, мелкий и серый, точно пелена тумана. Смеркалось быстро, и пейзаж за окнами омнибуса выглядел монотонным и неприветливым. Ширли передернуло при мысли о том, что вскоре ей придется брести через такие же мокрые и плоские поля. Тут в ней вдруг проснулась подозрительность, и она принялась украдкой разглядывать других пассажиров. Виной всему расшатанные нервы, нехотя призналась она себе. Однако с самого начала поездки девушку сопровождало тревожное ощущение, что кто-то преследует ее от самых дверей гостиницы.

Впрочем, в попутчиках ее не было на первый взгляд ничего подозрительного. Два фермера обсуждали погоду с сильным суссекским акцентом; краснолицый мужчина, судя по всему, егерь, развалившись на сиденье, предназначенном сразу для двух человек, читал журнал «Наши собаки»; было также несколько женщин, ездивших в город за покупками. По дороге омнибус подобрал еще несколько человек; когда они входили, их радостными возгласами приветствовали остальные пассажиры. Прямо за спиной у Ширли сидела какая-то ирландка и пересказывала своей сгорающей от любопытства соседке все подробности операции аппендицита, которую делали одному ее знакомому.

У первой же деревни почти все пассажиры вышли, водитель тоже покинул омнибус – передать посылку в местную гостиницу. Ширли и краснолицый мужчина остались вдвоем. Неприятное ощущение, что за ней следят, не покидало девушку, и она украдкой покосилась на попутчика. Но тот был целиком поглощен чтением; похоже, Ширли вовсе не интересовала его.

Водитель вернулся, они отъехали от деревни примерно на милю; тут краснолицый вышел – возле питомника для охотничьих собак. Ширли устроилась поудобнее, усмехаясь и дивясь своему малодушию.

Омнибус останавливался еще несколько раз, подобрать новых пассажиров; потом водитель вновь передал кому-то посылку из города.

Ширли не привыкла к столь медлительным загородным поездкам, ее начало сжигать нетерпение, она все чаще поглядывала на часы. За окнами стало темнеть, и водитель включил в салоне свет. На окнах блестели капли дождя; с пола тянуло неприятным холодком.

Водитель подкатил к обочине и затормозил.

– Ну вот и прибыли, мисс. Погода – хуже некуда, сырость.

Ширли достала кошелек.

– Погода просто жуткая. Скажите, пожалуйста, а когда обратный автобус?

– Вернусь примерно через час.

Стало ясно, что здесь ходит только один автобус.

– Обратный билет будете брать, мисс? Тогда с вас шиллинг.

– Нет. Могу не успеть на обратный.

– В таком случае с вас всего шесть пенсов, мисс.

Она протянула водителю деньги, тот открыл для нее дверь. Ширли вышла на дорогу и стояла, провожая глазами удаляющийся автобус до тех пор, пока он не скрылся за поворотом.

Фонарик она захватила, но света было еще достаточно, чтобы различить, куда идти. Девушка стояла на перекрестке. Одна из стрелок дорожного указателя показывала, где Нортон; и, приподняв воротник пальто, чтобы капли дождя не стекали на шею, Ширли

торопливо зашагала в этом направлении.

То была проселочная дорога, но вполне в приличном состоянии после ремонта. Вилась она между живых изгородей, мимо одиноко стоявших коттеджей и фермерских хозяйств. По дороге девушку обогнали три мотоциклиста и один автомобиль; складывалось впечатление, что дорогой этой пользуются не часто. Один раз впереди показался пешеход, и она быстро обогнала его. Мужчина поздоровался, пожелал доброго вечера в дружелюбной манере, свойственной теперь разве что сельским обитателям. Ширли ответила на приветствие и продолжала шагать дальше.

Примерно в миле от главной дороги, в небольшой низине, мелькнула целая россыпь огоньков – видно, там примостилась небольшая деревушка. Но, если не считать ее, места эти были малообитаемые. И Ширли, всматривающейся вперед, в сгущающиеся сумерки, показалось, что кругом, до самого горизонта в серовато-золотистых тонах, тянутся лишь поля, ничего больше.

Но через полмили после деревеньки монотонность пейзажа нарушили деревья; чем дальше, тем плотнее они стояли, тем толще были у них стволы. Ширли уловила запах сосновой хвои, различила в меркнувшем свете серебристо-серые березы. Капли дождя скатывались с листьев на дорогу. Но никаких других признаков жизни здесь не наблюдалось. Наверное, слишком сыро, подумала Ширли, и все кролики, которых обычно видишь на проселочной дороге в этот час, попрятались в свои норки.

У нее не было возможности измерить пройденное ею расстояние, но она полагала, что, должно быть, уже прошагала две мили, и стала искать глазами ворота. Сердясь и одновременно насмехаясь над собой за излишнюю подозрительность и нервность, девушка винила во всем погоду и неуклонно надвигающуюся темноту. Дождь не стихал, падал размеренно, с тихим шорохом; ни признака ветерка – ветви деревьев совершенно неподвижны; кругом, судя по всему, ни души. Однако несколько раз она останавливалась и прислушивалась – казалось, что раздавался какой-то подозрительный звук. Но что именно за звук – непонятно. Возможно, шаги, возможно, шорох шин по мокрой дороге. Однажды показалось, что откуда-то издали донесся звук автомобильного мотора, но ни одна машина ее не обогнала, и Ширли решила, что ей просто послышалось или же где-то в отдалении проходит еще одна дорога.

И тут впереди мелькнуло что-то белое. Она приблизилась и увидела ворота, за ними тянулся лес. Полуоткрытые ворота стояли на вырубке среди деревьев.

Девушка не слишком уверенно прошла еще несколько ярдов, но вот она увидела впереди еще одни большие железные ворота и свет в окне сторожки. Значит, где-то здесь поблизости находится и особняк. Ширли развернулась и быстро зашагала к первым воротам.

Темный лес выглядел таким таинственным; высокий подлесок, резные коричневые перья папоротника, засохшие еще осенью, высились на добрые три фута; под ними темно-зеленые, словно лакированные листочки черники. Земля под ногами Ширли была скользкой от дождя; в узких колеях от колес плескалась грязная вода.

Она осторожно пробиралась по дороге вперед, дошла до развилки; в конце более короткой дороги Ширли увидела свет и свернула на другую, ту, что левее.

Снова сильно запахло соснами, еще несколько шагов – и вот она вышла на более открытое пространство. Под ногами не вязкая от грязи земля, а песок; ковер из опавших сосновых игл приглушал шаги. Кругом разбросаны шишки; подлесок кончился; ее со всех сторон обступили высокие стройные стволы, чешуйки на которых поблескивали от влаги; ряд за рядом, строй за строем, они уходили куда-то в туман и сгущающуюся мглу.

Тишина здесь стояла такая, что мурашки пошли по коже. Дождь, по-прежнему падавший бесшумно и неустанно, казался покрывалом, окутавшим весь лес и заглушавшим звуки. Ширли стиснула зубы и нащупала в большом кармане пальто рукоять пистолета – это придавало уверенности.

И почти тотчас же она заметила впереди огоньки. Ширли подошла к озеру, искусственному водоему в конце широкой аллеи, что тянулась к югу от особняка. Это его

огоньки поблескивали в отдалении; она различала и очертания самого дома, вырисовывающиеся на фоне неба, увидела и лужайку, полого сбегаящую к опушке леса.

На противоположной от особняка стороне озера стоял белый павильон, выстроенный в стиле классицизма, столь популярном в восемнадцатом веке. Он походил на призрак во тьме, незанавешенные окна смотрели черными глазницами.

Ширли почувствовала, как бешено забилося в груди сердце. Павильон, поджидавший ее среди деревьев, выглядел таким заброшенным и одновременно – пугающим. Больше всего на свете ей хотелось в этот миг отойти от него на цыпочках как можно дальше; и на протяжении нескольких минут она стояла в тени деревьев, глядя на погруженное в зловещую тишину здание и борясь с самыми дурными предчувствиями.

Стояла так тихо и неподвижно, что биение собственного сердца казалось просто оглушительным. Где-то недалеко раздался крик фазана, он словно разорвал эту давящую тишину, потом девушка услышала треск перьев. Она вздрогнула от неожиданности, потом замерла и снова стала прислушиваться. Птица, судя по всему, улетела, до нее снова не доносилось ни звука. Наверное, решила Ширли, фазана спугнула лиса.

Она достала из кармана пистолет, взвела курок. Щелчок затвора немного успокоил ее; Ширли сняла оружие с предохранителя и медленно направилась к павильону.

Дверь была не заперта; ручка резко скрипнула, когда она надавила на нее. Ширли вошла внутрь и привалилась спиной к стене у двери. Через некоторое время, убедившись, что в павильоне нет ни единой живой души, о чем говорила царившая здесь мертвая тишина, она достала из кармана фонарик и включила его.

Павильон был действительно пуст. Здесь стояли садовая мебель, плетеные кресла и столик, на креслах – подушки радостных пестрых расцветок. Луч света от фонаря медленно двигался по помещению, высвечивая каждый уголок. Ширли затворила за собой дверь, заставила себя сесть в одно из кресел, выключила фонарик.

Понемногу глаза привыкли к темноте, и она стала различать предметы в комнате. Чувство тревоги, испытанное совсем недавно, и инстинкт самосохранения заставили ее придвинуть свое кресло вплотную к стене. Кругом серели во тьме высокие продолговатые окна. Она пыталась убедить себя, что никто не сможет видеть ее снаружи.

Потом вдруг услышала тиканье своих наручных часов, отвернула рукав, взглянула на циферблат. Светящиеся стрелки показывали двадцать минут седьмого; Коллинз опаздывал. Тут она вдруг испугалась – что, если он затеял какую-то свою игру? Ширли плотно сжала губы; снова начала прислушиваться – в надежде услышать звук приближающихся шагов.

Вдруг хрустнула сухая ветка, и ручка двери со скрипом повернулась; сердце у Ширли испуганно екнуло. Она встала, держа палец на спусковом крючке.

В дверях возник силуэт мужчины, разглядеть его лицо было невозможно. Она ждала, затаив дыхание.

– Вы здесь, мисс?

Эти слова были произнесены так тихо, что Ширли едва их расслышала. Да, голос камердинера.

– Здесь. Вы сильно опоздали. – Она включила фонарик.

Коллинз бросился к ней.

– Выключите! Сейчас же! Никакого света!

Девушка повиновалась, затем холодно заметила:

– Давайте без резких движений. Ведь я могла вас и пристрелить.

Коллинз приблизился к Ширли и схватил ее за левое запястье.

– Ради всего святого, уходите отсюда! – лихорадочно зашептал он. – Мне не следовало приглашать вас сюда. Я ведь предупреждал, это опасно. За мной кто-то шел. Уходим отсюда, и быстро!

Ширли, сама того не осознавая, тоже понизила голос. И изо всех сил старалась, чтобы он не дрожал:

– Пытаетесь меня отодвинуть? Не выйдет. Мы здесь, чтобы обговорить наше дело.

В голосе Коллинза звучала еле сдерживаемая злоба:

– Сами знаете, что случилось с вашим братом. Хотите, чтобы и вас тоже?.. Я же сказал, за мной кто-то следил. Шел по пятам. Убирайтесь отсюда, живо!

И он подтолкнул ее к двери. Поняв, что страх его ненаигранный, Ширли вышла из павильона за ним следом, позволила ему отвести себя в тень деревьев. Там Коллинз остановился и прислушался. Кругом стояла тишина, но он повлек ее еще дальше, в темную глубину леса. И только там отпустил руку девушки.

– Я не собирался ни отодвигать вас, ни бросать это дело. Клянусь. Мы встретимся снова, но только не здесь. Для меня это становится все опаснее. Не нужно было вам звонить мне в особняк. – Коллинз умолк, снова настороженно прислушался. – Он следит за мной. Мне пора. Ради Бога, мисс, умоляю вас, возвращайтесь в Лондон! Вы в большей опасности, чем вам кажется. Мы обязательно встретимся... даю слово!

– Да уж, не советую увиливать. Сами знаете, что у меня есть.

Коллинз тихо усмехнулся:

– Полбатона хлеба, мисс. Этого недостаточно.

– Вполне достаточно, чтобы доставить вам неприятности, – мрачно произнесла она.

– Только попробуйте, и не видать вам второй половинки. – В голосе его звучала угроза. – Вы совсем обезумели, раз заявили сюда. Вам грозит опасность. Я не могу быть на стреме все время. Вы сильно рискуете, даже не понимаете как!

– Я останусь в Верхнем Неттлфолде ровно до тех пор, пока не получу то, за чем пришла, – холодно ответила девушка.

Тут пальцы его вновь сомкнулись на ее запястье. И он, склонившись к самому уху Ширли, шепнул:

– Слышите?

Девушке, с ее вконец расшатанными нервами, вдруг показалось, что весь лес в этот момент наполнился тихими звуками, названия которым подобрать было просто невозможно. Шелестели опавшие листья – наверно, по ним промчался куда-то кролик; хрустнула веточка; тень от одного из деревьев будто бы сдвинулась с места.

Страх, который испытывал мужчина, передался Ширли. Ей казалось: чьи-то глаза исподтишка следят за ней, захотелось убраться из этого проклятого места как можно скорее. Она стряхнула руку Коллинза.

Он опустил ее и легонько подтолкнул в спину:

– Бегите! Нас не должны видеть вместе! Ради Бога, бегите отсюда!

И Коллинз пустился наутек, бесшумно, как призрак.

Ночь надвигалась на Ширли, полная неведомых опасностей. На секунду ею овладела паника, некая сила точно приковала ее к земле, коленки дрожали. Но затем она решительно тряхнула головой и двинулась по тропинке. Уже совсем стемнело, девушка ничего не видела, однако не осмеливалась включить фонарик. Ширли почти вслепую, но очень быстро шагала прочь от павильона, с трудом подавляя неукротимое желание пуститься бегом.

А затем резко остановилась – слева от дорожки сквозь деревья мелькнул луч света и беспорядочно заметался по земле. В лесу был кто-то еще, что-то искал...

Ширли развернулась и бросилась в глубину леса, ища укрытия. Она уже не разбирала, куда бежит. Споткнулась о корни огромной березы, упала и, еще лежа на земле, обернулась: свет приближался к ней. Девушка вскочила на ноги и побежала в самую чашу леса.

За полы пальто цепляли ветки папоротника, хлестали по лодыжкам; она кое-как прорвалась через эти заросли и оказалась среди строя берез с серебристыми стволами, под которыми росла черника. Пригнувшись, спряталась за кустом и смотрела, не шелохнется ли ветка подлеска.

Она услышала шаги, которые неуклонно приближались. Затем за спиной раздался какой-то звук, девушка резко обернулась.

Преследователь прошел мимо кустов, за которыми она пряталась, Ширли различила очертания мужской фигуры. Человек остановился и замер – прислушивается, догадалась она.

Луч фонарика в его руке описал круг; девушка заволновалась – достаточно ли плотен кустарник, не выдаст ли ее?..

Мужчина сдвинулся с места, начал обходить кустарник. Палец Ширли лег на спусковой крючок пистолета; она замерла, выжидала.

А затем вдруг напряженную тишину нарушил звук, который она никак не ожидала сейчас услышать. Кто-то невдалеке от нее начал насвистывать «Голубой Дунай».

Луч света исчез; послышался шорох, кто-то протискивался сквозь заросли, затем вдруг все эти звуки стихли. И свист пропал тоже, а темный силуэт словно растворился.

Прошло несколько минут, прежде чем она решилась сдвинуться с места. Ширли направилась туда, где, по ее расчетам, должна была находиться дорога. Она то и дело останавливалась и прислушивалась. Луча фонарика видно не было, он растворился во тьме вместе с популярной мелодией вальса.

Ширли продолжала идти вперед, продираясь через подлесок и не осмеливаясь включить фонарик.

То, что свет исчез, еще не означало, что ее перестали преследовать. Несколько раз казалось, что она слышит чье-то тяжелое дыхание сзади, один раз громко хрустнула ветка – в такие моменты девушка замирала, начинала прислушиваться и озираться по сторонам, но ничего не видела и не слышала.

Она снова двинулась вперед; и вновь за спиной, теперь уже явственно, послышалось чье-то дыхание.

Тогда девушка бросилась напролом к дороге. Теперь под ногами был мох, смутные очертания деревьев по обе стороны подсказали, что она близка к цели.

И тут в лицо ей ударил луч света; из груди невольно вырвался слабый испуганный вскрик. Ширли замерла, затем приподняла руку с зажатым в ней пистолетом.

Холодный насмешливый голос произнес:

– Куда направляетесь, мисс Браун?

Она опустила руку с оружием, выдохнула.

– Вы! – воскликнула Ширли со злостью и облегчением одновременно. – Так это... всего лишь... вы!

– Не слишком комплиментарно, однако. – Эмберли подошел к ней. – А вы, похоже, куда-то очень торопитесь.

Она протянула руку, ухватила его за рукав пальто. Было нечто утешительное в прикосновении к этой грубой ткани.

– За мной кто-то гнался, кто-то меня преследовал.

Он крепко сжал ее руку в своей; и тут девушка осознала, что никакого страха больше не испытывает. Она, пребывая в полном смятении чувств, вдруг поняла, что благодарна Эмберли.

А тот продолжал водить по сторонам фонариком, она проследила за направлением луча, и тихо вскрикнула. Луч на секунду выхватил из тьмы чье-то мертвенно-бледное лицо, которое почти сразу же скрылось за кустом.

– Кто это?! Вон там... вы видели? Он смотрел прямо на нас. О Боже, давайте уйдем отсюда! Скорей!

– Это обязательно. Не слишком приятная погода для ночных загородных прогулок.

– Так вы видели? – не отставала она. – Человек вон там, в кустах. Кто он? Это он меня преследовал. Я слышала.

– Да, видел. Это новый дворецкий Фонтейна.

Она инстинктивно прижалась к нему.

– Я не знала. Но почему он меня преследовал? Я... я не совсем... Пожалуйста, идемте отсюда!

Эмберли взял ее под руку и повел по дорожке к воротам.

Один раз Ширли обернулась, спросила нервно:

– А вы уверены, что он не идет за нами следом?

– Нет, далеко не уверен, но это не слишком меня беспокоит. Возможно, он просто хочет убедиться, что мы покинем эти владения. Территория частной собственности, знаете ли.

– Да такого просто быть не может! – резко возразила Ширли. – Он преследовал меня вовсе не по этой причине.

– Нет? Ну тогда, может, вы объясните, по какой такой причине?

Она молчала. Потом выдернула из его руки свою:

– А вы что здесь делаете?

– Похоже, вы уже окончательно пришли в себя, не так ли? – насмешливо произнес Фрэнк. – И лично мне хотелось бы знать, что *вы* здесь делаете?

– Этого я вам сказать не могу.

– Точнее, не хочу, – поправил он ее.

– Возможно. Однако и вы не ответили на мой вопрос.

– О, тут никаких тайн, – весело усмехнулся Эмберли. – Я следил за вами.

Она остановилась как вкопанная.

– Вы? Вы следили за мной? Но как? Откуда вам было знать, что я окажусь здесь?

– Интуиция, – все с той же усмешкой произнес Эмберли.

– Но вы никак не могли знать... Где вы меня подстерегли?

– Возле гостиницы «Голова вепря». Я поехал за вами в машине. Даже хотел вас подвезти, но боялся, что вы откажетесь.

– Это гадко, нечестно следить за человеком таким вот образом! – пылко воскликнула девушка.

Эмберли рассмеялся.

– Всего несколько минут назад вы вроде бы испытывали совсем иные чувства по этому поводу.

Повисла пауза. Затем Ширли зашагала вперед, засунув руки в карманы. Эмберли поспешил за ней.

Через некоторое время она произнесла неохотно и глухо:

– Я не хотела... показаться неблагодарной.

– Вы просто как маленькая девочка, которую только что выбрали. Ладно, прощаю вас.

Она не уловила насмешки в его голосе.

– Нет, я правда очень обрадовалась, увидев вас. И все равно, с вашей стороны было нечестно следить за мной. Так это вы насвистывали вальс?

– Есть такая привычка.

Она посмотрела ему в глаза.

– Вот вы утверждаете: я что-то скрываю. Но разве вы до конца открыты и честны со мной?

– Ни в коей мере.

Ширли снова возмутилась:

– Что ж, в таком случае...

– Нельзя заполучить что-то, ничего не давая взамен, девочка моя, – прервал ее Фрэнк. – Вот когда решитесь довериться мне, тогда и я буду с вами до конца честен.

– Я вам доверяю. Поначалу нет, однако теперь совсем другое дело. Но я не то что не хочу довериться вам – просто рассказать все я не имею права. Пожалуйста, верьте мне!

– Так вот оно какое, ваше доверие! А от меня вы, значит, хотите нечто большее?

Ей вдруг страшно захотелось рассказать этому человеку все.

– Нет, я не боюсь, что вы меня выдадите или что-то в этом роде... Просто не осмеливаюсь рассказать ни единой живой душе потому, что если сделаю это... О, ну как вы сможете понять, просто не представляю!..

– Ошибаетесь, очень даже смогу. Вы боитесь, что я вмешаюсь и испорчу вам все дело.

Они добрались до ворот и вышли на дорогу. Чуть поодаль светились в темноте красные

огоньки задних фар; они направились к машине.

– Скажите, мистер Эмберли, много ли вы уже знаете? – внезапно спросила Ширли.

Даже не глядя на своего собеседника, девушка поняла: он улыбается.

– А если скажу, что взамен, мисс Браун?

– Если б я только знала... если б появилась хоть какая-нибудь идея... Ну почему я должна вам доверять?

– А ваш женский инстинкт на что?

– Если б вы только сказали мне...

– Ничего я вам не скажу. Сами должны пройти весь путь до конца. Разве я прежде не говорил?

– Вы совершенно невозможны. И нелогичны, – буркнула она, садясь в машину.

Глава тринадцатая

Наутро мистер Эмберли позавтракал рано, успел съездить в Верхний Неттлфолд и вернуться незадолго до того, как вся семья поднялась из-за стола. Он вошел и увидел, что сэр Хамфри пребывает не в лучшем расположении духа, а Фелисити готова выбежать из комнаты.

Сэр Хамфри возмущался непрофессиональной работой стекольщиков, но, увидев племянника, тотчас сменил тему, спросив его, что он думает о возмутительном поведении этого парня по фамилии Фонтейн. Фелисити выскользнула из столовой, состроив смешную гримаску кузену.

– А что, собственно, случилось? – спросил Эмберли.

Выяснилось, что Фонтейн совершил проступок, говоривший о его крайней наглости и невоспитанности. Осмелился прислать в девять утра своего слугу к сэру Хамфри с требованием немедленно вернуть книгу. Слышал ли когда-нибудь Фрэнк о чем-либо подобном?

– Никогда, – ответил Эмберли, хотя рассказ дяди сильного впечатления на него не произвел. – А кого именно из слуг?

– Не понимаю, какое это имеет значение?

– Имеет. – Фрэнк позвонил в колокольчик. Когда вошел Дженкинс, он задал ему тот же вопрос и получил ответ, что приходил Коллинз. – Так и думал, – пробормотал Эмберли.

Сэр Хамфри нацепил на костистый нос очки:

– Ты хочешь сказать, что эта история имеет какое-то отношение к твоему... неуместному сотрудничеству с полицией?

– Конечно. Разве вы еще не догадались?

– Черт побери, Фрэнк, когда приедешь в следующий раз и останешься в моем доме...

– А мне все это очень нравится, – вмешалась его жена, оторвавшись от писем, которые читала. – Нас что, всех поубивают, да, Фрэнк? А я-то думала, ничего подобного никогда не случается. Так интересно...

– Надеюсь, что не убьют, тетюшка. Хотя никогда не знаешь наверняка.

Она пристально взглянула на него:

– Ты чем-то недоволен, дорогой?

– Есть проблемы...

– Страшно неприятно, когда теряешь какие-то вещи. Однажды я потеряла обручальное кольцо. А потом оно нашлось... но тебе лучше не знать, где именно.

Эмберли вынул трубку изо рта:

– Вы слишком проницательны, дорогая тетя. Пойду, пожалуй, поиграю в гольф с Энтони.

– Желательно, чтобы ты не упоминал об этом прискорбном инциденте с книгой у Фонтейнов, – заметил сэр Хамфри. – Я и сам собираюсь выбросить его из головы, как страшный сон.

– Но упомянуть придется. Очень любопытно, знает ли о происшедшем сам Фонтейн.

По приезде в особняк он увидел на лужайке Кокрейна, тот тренировался в ударах с близкой дистанции. Энтони радостно приветствовал старого друга. Похоже, Эмберли был тем самым человеком, которого он просто мечтал увидеть. Кокрейн заявил, что особняк окончательно достал его, уже сидит в печенках. Джоан была права: это проклятое место заставляет всех и каждого вести себя самым странным образом. И он принялся перечислять различные причуды обитателей особняка, начав с перепадов в настроении своего будущего родственника; не забыл упомянуть об убийстве Доусона, крадущейся походке Коллинза и поведении Бейкера, которое, по его мнению, просто ни в какие ворота не лезет. Ему хотелось бы знать, что думает Эмберли о дворцеком, который в десять вечера принялся бороться с пылью в библиотеке.

– Черт возьми, в обязанности дворецкого вообще не входит вытирание пыли! Ты когда-нибудь сталкивался с чем-то подобным?

– Боролся с пылью в библиотеке? – задумчиво переспросил Эмберли.

– Именно! Вчера на обед были приглашены люди с фермы: женщина с лицом шириной с капот кэба и ее супруг, и мы играли в бридж. Я пошел за портсигаром, который оставил в библиотеке, и, провалиться мне на этом самом месте, если вру, увидел там Бейкера, он стирал пыль с книг. Сказал мне, будто бы просто не в силах видеть книги в таком состоянии, а Фонтейн, видимо, не разрешает прислуге прикасаться к ним. Ну и потом наплел разной ерунды, будто у него не нашлось времени – не было досуга, так он выразился – заняться библиотекой днем. Подозрительно все это. Ты как думаешь?

– Думаю, что мне стоит повидаться с мистером Бейкером.

– Ну, если побудешь здесь еще немного, такой шанс у тебя есть, – мрачно заметил Кокрейн. – Я послал дворецкого за мячами для гольфа.

В этот момент из дома вышел Бейкер с тремя мячами для гольфа на серебряном подносе.

– Словно яичницу-глазунью подает, болван! – прошептал Энтони.

Дворецкий неспешно шагал через лужайку, на Эмберли даже не взглянул. Подошел к Кокрейну и протянул ему поднос.

– Ваши мячи для гольфа, сэр. Нашел у вас в сумке всего три.

Энтони коротко поблагодарил его и взял мячи. Дворецкий развернулся и направился было к дому, но его остановил Эмберли:

– Минуточку.

Бейкер повернулся к нему, стоял и ждал, почтительно склонив голову набок.

– Вы случайно не знаете: посылал ли мистер Фонтейн в Грейторн за книгой, которую у него взяли почитать?

Бейкер окинул его настороженным взглядом.

– За книгой, сэр? – Похоже, он очень выверенно подбирает слова. – Не могу сказать, сэр, точно не знаю. И не припоминаю, чтобы мистер Фонтейн отдавал такое распоряжение. По крайней мере при мне.

Трубка у Эмберли потухла. Он чиркнул спичкой и поднес язычок пламени к чубуку, сложив ладони чашечкой, чтобы не погасло. Однако при этом глаз не спускал с дворецкого.

– Ладно, не важно. Сэр Хамфри уже ее дочитал. – Он отбросил обгоревшую спичку. – Интересуетесь книгами, Бейкер?

Дворецкий кашлянул.

– У меня почти нет времени на чтение, сэр.

– Только на то, чтобы стирать с книг пыль, – вставил Энтони.

Дворецкий отвесил ему поклон.

– Именно так, сэр. Старался как мог, но, боюсь, без особого успеха. У мистера

Фонтейна слишком большая библиотека.

– И к тому же очень ценная, – добавил Фрэнк. – На взгляд знатоков.

– Думаю, да, сэр. – Бейкер смотрел на него ясными честными глазами. – Боюсь, что не слишком разбираюсь в таких вещах.

– Книга, она и есть книга, верно?

– Да, сэр. Как скажете, сэр.

– А что ж еще, черт возьми? – Энтони встал в картинную позу для замаха клюшкой.

Дворецкий позволил себе сдержанно улыбнуться:

– Что-нибудь еще, сэр?

– Пока нет. – Эмберли переключил все свое внимание на партнера по игре.

Как только Бейкер ушел, Кокрейн высказал свое мнение по ситуации в целом. Укорил Эмберли, заявил, что тот не лучше остальных; только ходит, вынюхивает и не говорит ничего.

– Чем ты вообще занимаешься? Я, черт возьми, не понимаю!

– Ищу пропавшую собственность.

– Чью собственность?

– Пока точно не знаю. Нет, я, конечно, догадываюсь, вот только доказательств у меня никаких.

Энтони уставился на своего приятеля, растерянно моргая:

– Что-то я никак в толк не возьму... Я думал, ты ищешь убийцу Доусона, и вот теперь говоришь, что...

– Я никогда не проявлял особого интереса к убийству Доусона, – перебил его Эмберли.

Мистер Кокрейн выразительно закатил глаза:

– Нет, я точно закончу свои дни в психушке. Причем чувствую, ждать осталось недолго.

В гольф с Кокрейном Фрэнк играть не стал. Вместо этого сел в машину и поехал в Карчестер, где его уже ждали начальник полиции и инспектор Фрейзер.

Они увидели, что сегодня Эмберли как-то особенно молчалив и скрытен. Полковник Уотсон был этим обстоятельством огорчен, инспектор торжествовал. Он начал долго и подробно рассуждать о различных версиях убийства Доусона – до тех пор, пока не понял, что Эмберли не слушает его.

Полковник Уотсон, более проницательный, чем инспектор, внимательно посмотрел на Эмберли, а затем спросил:

– Узнали что-то новое?

– Да, мне так показалось. До сих пор думаю, что не ошибся. Но единственная улика в этом деле исчезла. И боюсь, что она попала не в те руки или может быть уничтожена. Где эта улика сейчас находится, понятия не имею. И, пока не выяснится, где она есть, я не смогу ничего поделать. Но, стоит мне ее заполучить, можете считать, что дело раскрыто.

Инспектор насмешливо улыбнулся:

– Впечатляет, сэр. Полагаю, вы проясните сразу все – и убийство Доусона, и остальные дела? Жаль, что пока вам нечего нам сказать.

В глазах мистера Эмберли сверкнуло пламя.

– Поскольку вы так зациклены на убийстве Доусона – самом неважном звене в этой цепи, как я уже неоднократно отмечал, – ладно, скажу вам, кто его убил.

Полковник едва ли не подпрыгнул:

– Так вы знаете?

– Знал еще с того вечера, когда в особняке состоялся костюмированный бал, – невозмутимо ответил мистер Эмберли. – Его убил Коллинз.

Уотсон был ошарашен:

– Но... но...

– Замечательно, сэр, – все еще улыбаясь, произнес инспектор. – Стало быть, такой

пустяк, как твердое алиби, в расчет уже не принимается?

– К алиби следует относиться с особой осторожностью, инспектор. Будь у вас больше опыта в расследовании преступлений, вы бы уж давно усвоили этот урок.

Фрейзер побагровел:

– Может, будете столь любезны и представите нам доказательства, мистер Эмберли?

– Доказательств никаких. Лишь один человек мог бы опровергнуть это алиби, но он не посмеет. А вы можете относиться к моим высказываниям, как вам будет угодно.

– Все это, конечно, очень интересно, – с сарказмом заметил инспектор. – И крайне полезно. Стало быть, обвинить в убийстве нам некого, так, что ли?

– Почему же? Напротив.

– Понимаю. Слышал ваше мнение по поводу смерти Брауна. Собираетесь предъявить обвинение в его убийстве тому же Коллинзу?

– Коллинз, – мистер Эмберли взял со стола шляпу, – последний человек на этом свете, который мог быть заинтересован в смерти Брауна. – Он обернулся к полковнику Уотсону. – Теперь что касается пропавшей улики, полковник. Если у вас имеется мало-мальски тактичный сотрудник – только ни в коем случае не Фрейзер, – пусть он допросит сестру Доусона. Вполне возможно, что искомый предмет в момент смерти находился при нем. Надо, чтобы допрос был проведен толково и осторожно. Шансы невелики, но попытаться все же стоит.

По пути в Грейторн Эмберли заехал в Верхний Неттлфолд, повидаться с сержантом Губбинсом. Тот занимался разбирательством автомобильной аварии, но отлучился на минуту, переговорить с Эмберли.

– Сделали, как я просил? – спросил Фрэнк.

– Да, сэр. Такер. Второй раз он не ошибется, обещаю.

– Что ж, хорошо. – Эмберли кивнул Губбинсу на прощание и уехал.

В девять часов вечера в гостиную вбежала перепуганная горничная и истерически воскликнула:

– О сэр! О миледи! Воры! Грабители!

– Что?! – рявкнул сэр Хамфри и уронил газету на пол. – Здесь, в доме?

– О да, сэр! Ну так мне показалось. В спальне мистера Эмберли, сэр. Я так перепугалась, что стало дурно, сэр.

Фрэнк взирал на нее с абсолютным спокойствием:

– Что именно произошло?

Горничная сбивчиво рассказала, что около девяти вечера она поднялась наверх приготовить постели и обнаружила: спальню мистера Эмберли обыскивали. Все ящики вдвинуты, их содержимое разбросано по полу; небольшой столик у окна перевернут, бумаги разлетелись во все стороны. Все его чемоданы открыты, а с кожаного кейса – в котором Фрэнк держал документы – сорван замок. Даже постельное белье стащили с кровати, а уж что касается костюмов, висевших в платяном шкафу, так они пребывают в самом плачевном состоянии. Ничего подобного прежде видеть ей не доводилось.

Тут она умолкла, переводя дух; а сэр Хамфри, сверля племянника укоризненным взглядом, заметил, что с него достаточно.

– Ступай и приберись там, Молли, – распорядилась леди Мэттьюз. – Как думаешь, Фрэнк, он что-нибудь нашел?

Эмберли покачал головой.

– Довольно умно с его стороны подозревать именно меня. Но совсем неумно думать, что я могу оставить это в своей комнате. Стало быть, он полагает, что вещь у меня. Что ж, это многое проясняет.

– Какое счастье, дорогой! А что все-таки проясняет?

– Этот обыск означает, что предмет по крайней мере не попал в чужие руки, – с улыбкой ответил ей Эмберли.

– Прекрасно, дорогой. И не кипятись, Хамфри. Это не имеет к нам никакого отношения.

Но у сэра Хамфри окончательно лопнуло терпение. Если два ограбления подряд в его доме не имеют к нему отношения, что же тогда имеет, хотелось бы знать? И каким образом грабителю удалось проникнуть в особняк так, что никто ничего не слышал? Нет, это действительно уже слишком!

Леди Мэттьюз взглянула на застекленную дверь:

– А ведь она не заперта. Значит, пока все мы обедали в столовой... Как думаешь, Фрэнк?

Он кивнул. Сэр Хамфри поднял с пола вечернюю газету и довольно злобно заметил, что Фрэнку давно пора жениться на какой-нибудь приличной женщине, которая положила бы конец столь безрассудному поведению.

Эмберли гневно сверкнул глазами, на щеках проступили красные пятна.

Тут на выручку поспешила леди Мэттьюз, перевела разговор на другую тему.

Однако испытания для сэра Хамфри на этом не кончились. В три часа ночи его разбудил телефон, пронзительно трезвонивший в библиотеке, которая находилась как раз под спальней хозяина дома. Он чертыхаясь поднялся с постели и вышел на лестничную площадку как раз в тот момент, когда дверь в спальню племянника отворилась.

– Поскольку, – звенящим от гнева голосом начал сэр Хамфри, – я не сомневаюсь, что звонят тебе, будь любезен, сам и подойди! – С этими словами он вернулся к себе в комнату и нарочито тихо притворил за собой дверь.

Эмберли усмехнулся и стал спускаться по лестнице, на ходу завязывая пояс на халате.

Действительно, звонили ему. Сержант Губбинс из полицейского участка. Возникли кое-какие новые обстоятельства, и он посчитал, что должен немедленно доложить о них мистеру Эмберли. Если б не инструкции самого мистера Эмберли, он ни за что бы не осмелился поднимать его с постели в столь поздний час.

– Да говорите же наконец! – рявкнул Фрэнк.

– Альберт Коллинз исчез, сэр.

Раздражение как рукой сняло.

– Вы точно знаете?!

– Во всяком случае, похоже на то, – осторожно сформулировал сержант. – Мистер Фонтейн только что звонил по телефону, и констебль Уокер сразу связал его со мной.

– Фонтейн звонил в полицейский участок в три часа ночи?!

– Именно, сэр. Кое-кто считает, что в полицию можно звонить в любое время суток. Попадались мне такие типы и прежде... но не стану называть имен. Знал я людей, готовых вытащить тебя из постели, чтобы пустить в погоню неизвестно за кем и чем, когда ничего страшного не произошло. Да и произойти просто не могло.

– Я тут вдруг подумал, – холодно произнес мистер Эмберли, – что готов убить кое-кого, не упоминая имен. И сделаю это очень аккуратно, Губбинс, не оставляя улики.

С другого конца провода послышался смехок.

– Верю вам, сэр. Вы на это вполне способны. Даром, что ли, вы настоящий мастер криминального сыска.

– Не стоит тратить время на лесть. Продолжайте.

– Я выложил все, что знаю, сэр. Мистер Фонтейн сказал: когда он пошел спать, увидел, что постель его не заправлена и Коллинза нигде не видать. Тогда он вызвал дворецкого, и тот сообщил, что не видел Коллинза еще с обеда, даже раньше. И на сегодняшний вечер его никто не отпускал. Фонтейн приказал Бейкеру зайти в комнату Коллинза, но и там его не было. Мистер Фонтейн не лег, стал ждать камердинера, и, когда время подошло к трем, позвонил в участок, как я вам уже говорил. Сказал, что у него просто не выходит из головы история с Брауном и подозрения полиции в отношении Коллинза. Вот он и подумал, что надо бы на всякий случай поскорее дать нам знать. Вот и все, сэр.

Эмберли, сощурившись, смотрел на стену прямо перед собой и размышлял о чем-то.

Через какое-то время сержант осведомился, на линии ли он еще.

– Да. Тихо, не мешайте. Я думаю.

– Возможно, Коллинз почуял неладное и смылся, – заметил Губбинс, не обращая внимания на просьбу Эмберли.

Повисла пауза. Затем Фрэнк вновь переключил внимание на телефон:

– Возможно, вы правы, сержант. А кто-нибудь спросил, пропала ли из комнат какая-нибудь одежда?

– Я спросил, сэр. На что мистер Фонтейн ответил, что вроде бы нет, но он до конца не уверен.

– Ну а из гаража? Машина или велосипед?

– Да, сэр. Собственный велик Коллинза. Мистер Фонтейн узнал об этом от дворецкого.

– Понимаю... Думаю, следует уведомить полицию Карчестера. Скажите им, что звоните от моего имени. И попросите выяснить, брал ли Коллинз билет на поезд на городском вокзале или какой-либо другой станции в радиусе, скажем, десяти миль около половины девятого вечера. И если да, то пусть проследят, куда он отправился. А когда вы подъедете, я буду уже готов.

– Подъеду куда, сэр? – удивленно спросил сержант.

– Сюда, куда же еще, – раздраженно бросил Эмберли. – На велосипеде. И немедленно!

– Я должен подъехать в Грейторн в этот час? – изумился Губбинс. – Но зачем?

– Чтобы я мог забрать вас. Буду ждать в машине.

– Но мистер Эмберли, как-то не хочется кататься на машине в столь поздний час, беспокоить людей и все такое. И главное, зачем?

– Более того, – не обращая внимания на вопрос полицейского, продолжил Фрэнк, – захватите с собой пару ребят.

– Но *зачем*? – не унимался сержант.

– Мне кажется, Коллинз никуда не сбежал. И мы попробуем его отыскать. Так вы едете?

– Да, – нехотя буркнул Губбинс. – Выезжаю, но теперь уже жалею о том, что некогда умолял вас заняться этим делом.

– Вы думали о повышении, сержант, и по всей вероятности, его получите, – ободрил собеседника Эмберли и повесил трубку.

Еще секунду-другую он сидел за письменным столом, затем набил трубку, закурил и принялся медленно расхаживать по комнате, размышляя над новой загадкой. Но вот табак почти выгорел, он затушил трубку и поднялся наверх. В свою комнату пошел не сразу, сперва приоткрыл дверь в спальню сэра Хамфри и спросил, не спит ли он.

С постели донеслось ворчание.

Эмберли включил свет:

– Извините, сэр, но мне надо срочно уехать. Так что не обращайтесь внимания на шум во дворе.

Сэр Хамфри приподнялся, оперевшись на локоть.

– Господи Боже, ну что там еще? Куда ты собрался? Что случилось?

– Пропал камердинер Фонтейна. Полиция считает, он сбежал.

– Ну так пускай сами его ищут, правильно? Это ведь их работа, не твоя.

– Верно. Но с другой стороны, вполне возможно, что никуда он не сбежал. Вот я и хочу выяснить.

– Да пошел ты к черту! – И сэр Хамфри перевернулся на другой бок.

Эмберли поблагодарил его и вышел.

Когда прибыл сержант в сопровождении двух молодых горящих энтузиазмом констеблей, Эмберли уже ждал их в машине. Он велел им оставить велосипеды и пересесть к нему в «бентли». Губбинс разместился рядом с Фрэнком, констебли – на заднем сиденье. Затем сержант без особой надежды в голосе заметил, что целиком доверяет водительским

навыкам мистера Эмберли и надеется, что тот не будет гнать со скоростью девяносто миль в час, потому как он, Губбинс, человек женатый.

Впрочем, опасения его не оправдались. Фрэнк вел машину очень медленно, так медленно, что сержант, заподозрив какой-то подвох, спросил, уж не на похороны ли они собрались.

– Сэр, может, все-таки скажете, куда мы едем?

– К особняку Нортон. Примерно в восемь вечера, сержант, Коллинз был в Грейторне. Только никому ни слова. Он был там и обыскал мою комнату.

– Обыскал вашу комнату?! Вы его видели?

– Нет. Но знаю, это он.

– Господи Иисусе! Но что именно он искал?

– Одну вещицу, думал, что она у меня. А сейчас мы поищем его. Теперь смотрите внимательнее. Возьмите вон тот фонарь.

Машина все так же медленно ползла по дороге. Два констебля, наслышанные об отчаянной манере езды мистера Эмберли, были явно разочарованы.

Сержант держал фонарь за конец провода и осматривал придорожную обочину.

– А в лесу тоже будем искать, сэр? – осведомился он.

– Возможно. Но Коллинз едет на велосипеде. А потому скорее всего движется по дороге. Это что, все заповедники?

– По большей части да. Тут земли генерала Томлинсона граничат с заповедником мистера Фонтейна. Как раз сегодня взяли браконьера. Лесничий генерала его застукал.

Машина повернула.

– Земли мистера Фонтейна начинаются где-то здесь, – продолжал сержант. – Хичкоку в этом году жутко не повезло с фазанами, так он мне говорил.

– Что, браконьеры?

– Ну и они, и зеваки, которые шастают где попало. Потеряли почти весь молодняк. Эй, а это что такое?

Фары выхватили из тьмы дорогу, убегаящую вдаль. На обочине, наполовину скрытый в траве, темнел какой-то предмет.

Один из констеблей приподнялся на сиденье, всмотрелся:

– Велосипед!

Машина рванула вперед.

– Это нечто большее, чем просто велосипед, друг мой, – заметил Эмберли.

Рядом с велосипедом что-то чернело. Машина приблизилась, и сержант громко ахнул. На обочине, возле канавы, полуприкрытое нескошенной травой лежало тело человека в позе зародыша.

Фрэнк затормозил. Лицо его было мрачно.

– Взгляните, сержант.

Губбинс выскочил из машины и склонился над неподвижным телом, зажав фонарь в руке. Потом он содрогнулся, лицо побелело, как мел:

– Боже!..

Эмберли тоже вышел и направился к свернувшейся калачиком фигуре.

– Зрелище... не очень приятное, сэр, – деревянным голосом произнес сержант и посветил фонариком.

Эмберли стоял и смотрел сверху вниз на то, что осталось от Альберта Коллинза.

– Половина черепа снесена, – сдавленным голосом произнес Губбинс.

– Выстрел с близкого расстояния, – заметил Эмберли.

За спиной у него раздался какой-то звук. Один из молодых констеблей склонился над канавой, его рвало. Второй держался, но тоже смотрел не очень весело.

Сержант выключил фонарик.

– Жуткое зрелище, – пробормотал он. – Идем, Хендерсон! Сразу видно, что ты у нас необстрелянный воробей. – Губбинс обернулся к Эмберли. – Вы ведь это искали, верно, сэр?

Фрэнк кивнул.

– Кто это сделал, сэр?

– Меня здесь не было, сержант, – мягко заметил Эмберли.

Губбинс внимательно посмотрел на него.

– Вас не так-то просто вывести из себя, да, сэр?

Фрэнк еще раз взглянул на труп.

– Ну, пожалуй, труднее, чем прикончить это несчастное создание, – раздраженно ответил он. – Лично у меня данное зрелище вызывает облегчение. Я боялся, что он избегнет ловушки. И мне его ничуть не жаль.

Губбинс был потрясен:

– Но ведь Коллинз умер такой ужасной смертью, сэр.

Эмберли зашагал к машине:

– Вы правы, сержант. Именно такую он и заслужил.

Глава четырнадцатая

Оставив одного из констеблей охранять тело Коллинза, сержант попросил мистера Эмберли отвезти его в особняк. Фрэнк кивнул и нажал на педаль газа.

Большой дом был погружен во тьму. Однако, когда они позвонили, ждать пришлось недолго, через несколько секунд в полукруглом окошке над входной дверью вспыхнул свет.

– Гм... – буркнул сержант. – Много времени не понадобилось, чтобы разбудить их, верно, сэр?

Открыл дверь дворецкий, на нем были брюки, поверх пижамы накинут халат. И лицо совсем не заспанное. Напротив, он был бодр и свеж и, казалось, ничуть не удивился, увидев перед собой полицейского. Взгляд карих застенчивых глаз перебежал с сержанта на Эмберли. Затем он отступил на шаг и позволил им войти.

– Вы что, ждали нас? – строго спросил Губбинс.

Бейкер закрыл дверь.

– О нет, сержант. Но я, конечно, знаю, что мистер Фонтейн вам звонил. Хотите видеть мистера Фонтейна?

Сержант ответил утвердительно и проследовал за дворецким в библиотеку. Когда Бейкер удалился, Губбинс обернулся к Эмберли:

– Что думаете об этом парне, сэр?

– Как-нибудь скажу.

– Лично мне хотелось бы потолковать с ним по душам, – мрачно заметил сержант.

– Мне тоже.

Вскоре к ним спустился Фонтейн. Увидев Эмберли, он удивился и спросил, что случилось.

Сержант ему рассказал.

Фонтейн растерянно воскликнул:

– Застрелили?! Коллинза? – И он вопросительно уставился на Эмберли. – Не понимаю... Кто мог его застрелить? Где он?

– Возможно, – осторожно начал сержант, – то были браконьеры. А может, и кто-то другой. Будем расследовать. А пока, сэр, если не возражаете, я бы хотел воспользоваться вашим телефоном.

– Да, конечно. Идемте, я вас провожу. – Фонтейн провел полицейского в холл, тот стал звонить в участок дежурному констеблю. Бэзил вернулся в библиотеку, недоуменно взглянул на Эмберли. – Ничего не понимаю! – растерянно воскликнул он. – Просто фантастика какая-то! Сперва мой дворецкий, затем – камердинер. Послушайте, Эмберли, мне все это страшно

не нравится!

– Еще бы. Думаю, что и Доусон, и Коллинз тоже были далеко не в восторге.

Фонтейн принялся нервно расхаживать по комнате.

– Кто его нашел? И где? – Услышав, что Коллинза застрелили примерно в миле от особняка, он так и ахнул. – Боже милостивый! Так вы считаете, это дело рук браконьеров?

Фрэнк промолчал.

Но тут вдруг Фонтейна заинтересовала другая сторона прискорбного происшествия:

– Но с чего это вдруг вы отправились на его поиски? Только не говорите мне, что вы ждали такого развития событий!

– О нет. Мы направлялись к вам, просто поговорить. Вот и все.

Бэзил покачал головой:

– Ума не приложу, как это все случилось. Ужасная история! Господи, теперь только и остается, что задаваться вопросом: кто же следующий?

Тут в библиотеку вошел сержант и вежливо попросил мистера Фонтейна ответить на несколько вопросов. Тот выразил готовность оказать любое содействие, однако заметил, что располагает очень скудной информацией. Коллинз был у него в спальне, когда в половине восьмого Фонтейн поднялся туда переодеться к обеду. С тех пор он камердинера не видел, да и не особенно им интересовался – ровно до тех пор, пока, снова зайдя в спальню незадолго до полуночи, не увидел, что постель не приготовлена. Фонтейн вызвал Бейкера, и тот сказал, что за ужином на половине для прислуги Коллинза не было. Дворецкий проверил комнату камердинера, там его тоже не оказалось.

Фонтейн признался, что уже тогда заподозрил неладное. При других обстоятельствах он бы предположил, что Коллинз просто ушел без разрешения на вечер, проявил непослушание, нарушил распорядок, но как раз сегодня камердинер получил уведомление об увольнении – которое произойдет через месяц, – с этим, очевидно, и связано его исчезновение.

Эмберли, взявший ранее со стола свежий номер «Панча» и рассеянно перелистывавший его, поднял на Фонтейна глаза:

– А почему вы решили уволить Коллинза?

– С учетом всех обстоятельств, решил, что так будет лучше. Этот человек злоупотреблял своим положением. И потом эта история с молодым Брауном. Чем дольше я раздумывал над тем, что вы сказали, Эмберли, тем подозрительнее она мне казалась. И с Доусоном тоже. Стоит начать подозревать человека хоть в чем-то, и уже не можешь остановиться. Ну и когда в голову лезут разные дурные мысли, единственный способ избавиться от них, это уволить человека, который их вызывает.

– Но у Коллинза, если не ошибаюсь, было стопроцентное алиби в ночь убийства Доусона.

– Да, я тоже так думал. Мне и в голову ничего такого не приходило до тех пор, пока Браун не упал в реку. В то время, когда убили моего дворецкого, Коллинз гладил мне костюм, я его видел. Но знаете, просто удивительно, до чего легко найти в этом алиби дырки. Я пытался рассчитать время, которое бы понадобилось ему, чтобы добраться до дороги на Паттингли, если б он воспользовался мотоциклом. Я вовсе не хочу сказать, что он сделал это, просто зародилось сомнение. А всему виной натянутые отношения между хозяином и слугой. Вот сегодня и выдал ему уведомление. И, когда он вдруг пропал сегодня вечером, тут у меня промелькнула мысль: наверняка подумал, что я его подозреваю, вот и решил ударить. И чем дольше размышлял об этом, тем больше убеждался в своей правоте. И когда в три часа ночи он так и не появился, я позвонил в полицейский участок. Но мне и в голову не приходило, что с Коллинзом могло случиться нечто подобное.

– Нет, сэр, конечно, не приходило, просто уверен в этом, – заметил сержант. – И вы не видели, как камердинер выходил из дома? Или, может, кто-то еще выходил?

– Нет, да и не может видеть. Большую часть вечера я просидел здесь, в библиотеке, писал письма. Если б открылась входная дверь, я бы услышал. Стало быть, Коллинз из нее не

выходил.

– Понятно, сэр. Если не возражаете, я бы хотел поговорить с вашим новым дворецким.

– Разумеется. – Фонтейн подошел к камину и нажал на звонок.

Дверь распахнулась почти тотчас же, но в библиотеку вместо Бейкера вошел Кокрейн, встрепанный и сонный. Моргая, он удивленно уставился на собравшуюся здесь компанию, даже зажмурился на секунду. Потом снова открыл глаза и покачал головой.

– Подумал, это мне снится. Но теперь вижу, что передо мной действительно вы, сержант. Все прояснилось, не так ли? И мне можно снова улечься на ложе, усыпанное цветами, я правильно понял?

Губбинс усмехнулся, а Фонтейн резко заметил:

– Не самое удачное время для шуток. Коллинз убит.

Кокрейн уставился на него, разинув рот. Потом вопросительно покосился на Эмберли, ожидая объяснений.

Но тот молчал, и ответил ему Фонтейн. Энтони выслушал его, не скрывая изумления.

– Мне никогда не нравился Коллинз, – сказал Кокрейн. – Но это... пожалуй, уж слишком. Нет, не возражаю, время от времени должно происходить какое-то маленькое преступление, это оживляет обстановку, но я категорически не приемлю маньяков и убийц. Целых три смерти, одна за другой! Нет, это уже просто ни в какие ворота не лезет!

Фонтейн резко развернулся к Эмберли:

– Боже милостивый, ну скажите же наконец, что это такое?! Три совершенно необъяснимых убийства!.. Что вы о них думаете?

– Некоторые люди, – осторожно подбирая слова, начал Эмберли, – склонны считать, что все убийцы – маньяки.

– Вы меня вызывали, сэр?

Сержант обернулся:

– Хотел задать вам несколько вопросов. Входите и закройте за собой дверь.

Дворецкий повиновался.

Губбинс извлек из кармана блокнот.

– Когда вы в последний раз видели Коллинза?

Дворецкий ответил сразу же:

– В двадцать минут восьмого.

– Вот как? Откуда такая точность?

– Коллинз сам назвал это время, сержант. Сказал, что должен подняться наверх и приготовить пижаму для мистера Фонтейна.

Тут с другого конца комнаты раздался голос Эмберли:

– А вы видели, как он выходил из дома?

– Никак нет, сэр. Должно быть, Коллинз вышел во время обеда, пока я прислуживал за столом.

– Это почему? – тотчас спросил сержант.

Уголки рта у дворецкого нервно дернулись. И после продолжительной паузы Бейкер заметил:

– Думаю, что увидел бы, как он выходит из дома, если б был на половине для прислуги.

– Вы с ним были в дружеских отношениях?

– Я, знаете ли, совсем недавно служу у мистера Фонтейна, сержант. Но все это время старался поддерживать хорошие отношения со всей остальной прислужгой.

Губбинс не сводил с Бейкера пристального взгляда:

– А где вы раньше служили? До того, как приехали сюда?

Тут дворецкий помрачнел.

– Был временно безработным, сержант.

– По какой причине?

– Болел.

– Адрес?

– Мой... домашний адрес... это в Тутинге, – неохотно выдал Бейкер. – Блэкэддер-роуд.

– А фамилия предыдущего нанимателя?

– Мой последний хозяин в Америку уехал.

– Вот как? В Америку, значит? Фамилия?

– Фэншо, – еще более неохотно ответил Бейкер.

– Его адрес в Англии?

– У него нет адреса в Англии, сержант.

Губбинс удивленно поднял глаза на дворецкого.

– Послушайте, мой дорогой, у него *должен* был иметься хоть какой-то адрес, раз вы у него служили, верно? Итак...

Тут снова раздался голос Эмберли:

– Вы служили у мистера Джеффри Фэншо, верно?

Дворецкий опасливо покосился на него:

– Да, сэр.

– Итон-сквер, не так ли?

Бейкер нервно сглотнул слюну:

– Да, сэр.

– Тогда зачем делать из этого тайну? Номер дома пятьсот сорок семь, сержант.

– Так вы знаете мистера Фэншо, сэр?

– Знаю. Он член моего клуба.

– И это правда, что он уехал за границу?

– Вроде бы. Я могу выяснить.

Сержант обратился к Фонтейну:

– У вас ведь имеется рекомендация, сэр, я правильно понимаю?

– Да, разумеется. Но их передал мне Бейкер. Я хотел написать самому мистеру Фэншо, но не смог, поскольку тот уехал, или говорят, что уехал, в Нью-Йорк. Рекомендация была написана на листке, вырванном из клубного блокнота.

– Неплохо было бы прояснить все это, – заметил Губбинс, строча в блокнот. – Может, вы займетесь данным вопросом, сэр?

– Да, займусь, – ответил Эмберли. – Однако пока мне хотелось бы знать одну вещь. – И он так и прожег взглядом Бейкера. – Вот вы сказали, что услышали бы, как Коллинз выходил из дома, если б не находились в это время в столовой. А вы видели или слышали, как кто-нибудь выходил из дома тем вечером?

Дворецкий ответил медленно:

– Две служанки выходили, сэр. А остальная прислуга... нет.

– Вы в этом уверены?

– Да, сэр.

– Вы побывали на половине для прислуги?

– Нет, сэр. Большую часть времени провел в буфетной. А до этого был в столовой, убирал посуду после обеда.

– Так что, вы бы знали, выходил ли кто из дома через главную дверь?

– Никто не открывал тем вечером эту дверь, сэр, – уверенно и спокойно ответил Бейкер.

Эмберли вновь раскрыл «Панч». Похоже, он не проявлял больше никакого интереса к вопросам сержанта и ответам дворецкого, но когда Бейкер минут десять спустя уже собрался выйти из библиотеки, он на секунду оторвался от чтения и спросил:

– А вам не показалось, когда вы осматривали комнату Коллинза, что тот забрал все свои вещи с собой, точно собирался насовсем покинуть этот дом?

– Нет, сэр. Мистер Фонтейн велел мне обратить на это особое внимание. Ну и я взял на себя смелость заглянуть в шкаф и комод. Насколько я понял, там все лежало на своих местах.

– А вы внимательно смотрели?

– Да, сэр. И не увидел ничего такого подозрительного.

– Благодарю вас.

– У вас вопросов больше нет, сэр? – осведомился Губбинс, закрыв блокнот.

– Нет, спасибо, сержант.

– В таком случае я возвращаюсь в участок, сэр. Извините, что побеспокоили вас, мистер Фонтейн. Полагаю, что завтра вас захочет видеть инспектор.

Бэзил кивнул с недовольным видом:

– Да, думаю, захочет. Подъеду в участок прямо с утра.

– Что ж, раз это все, лично я собираюсь обратно в постельку, – объявил Кокрейн. – И еще, пожалуй, прихватю с собой пистолет. С ним как-то веселее будет.

– Пожалуй, что так, сэр, – заметил Губбинс.

– Идемте со мной, сержант, – пригласил Энтони. – Нам обоим просто необходимо выпить.

Только тут Фонтейн вспомнил о своих обязанностях гостеприимного хозяина:

– Да, разумеется. О чем я только думаю! Вы не откажетесь выпить с нами, верно, Эмберли?

Но Фрэнк отверг предложение.

Сержант обиженно посмотрел на него, однако все же ушел вместе с Кокрейном. Вернулся он, вытирая усы; похоже, что отношения между ним и Энтони сложились самые дружеские. Перед отъездом из особняка Губбинс заметил Эмберли, что сам до конца не понимает, почему так симпатизирует молодому человеку.

– Более того, сэр, хотя я не утверждаю, что он прав, в этой его идее об убийце-маньяке что-то есть... Целых три убийства, вроде бы не связанных между собой, не имеющих мотива... Что скажете?

– Думаю, что вы и мистер Кокрейн просто созданы друг для друга. Все эти убийства вовсе не обязательно совершил один и тот же человек. Доусона убил Коллинз.

– Но прежде вы вроде не подозревали Коллинза, мистер Эмберли! Я-то подозревал, а вот вы...

– Проблема в том, сержант, что вы подозревали его в совсем другом преступлении.

– О... – в полной растерянности протянул Губбинс. – Наверняка вы что-то имели под этим в виду, вот только до меня никак не доходит, что именно. Ну а какие выводы можно сделать из всего, что мы услышали тут сегодня? – И он указал большим пальцем через плечо, на особняк.

– Были один-два интересных момента.

– Именно так я и думал, сэр. И знаете что? Хотелось бы проследить за этим дворецким. Выяснить о нем как можно больше. Возникает из ниоткуда, точно черт из шкатулки, фигурально выражаясь, и знает больше, чем можно от него ожидать. Причем заметили – ничуть не удивился, увидев нас. Прямо как будто ждал. У меня предчувствие насчет этого типа, а я редко ошибаюсь, когда оно возникает, предчувствие. Это наш человек, мистер Эмберли, помяните мое слово!

Фрэнк окинул его каким-то загадочным взглядом:

– У вас изумительно развита интуиция, Губбинс.

– Вот именно, сэр. Вы подождите, сами скоро увидите, что я был прав.

– Думаю, сержант, – заметил Эмберли, входя в крутой поворот, – вы куда ближе к истине, чем сами осознаете.

Глава пятнадцатая

Услышав о происшедшем за завтраком, Фелисити тут же сообщила о своем намерении навестить Джоан, прямо сейчас, утром. Сэр Хамфри укорил дочь в том, что она испытывает

какое-то болезненное пристрастие к разным ужасам, и девушка, ничуть не смущаясь, призналась в этом. На самого сэра Хамфри известие о смерти Коллинза произвело удручающее впечатление, он в очередной раз сделал Фрэнку выговор и запретил беспокоить его по ночам. Несмотря на частые заверения в том, что преступлениями он интересуется лишь когда сидит в судейском кресле, убийство в Верхнем Неттлфолде было, по его словам, из ряда вон выходящим событием, а потому ему хотелось бы знать о случившемся как можно больше. Племянник сообщил сэру Хамфри лишь голые факты, которые тот назвал просто вопиющими.

Эмберли поднялся из-за стола, не дослушав рассуждений дяди об этих «Так Называемых Новых Временах», и посоветовал ему изложить свои взгляды в одной из воскресных газет. Затем он предупредил леди Мэттьюз, чтобы к ленчу его не ждали, и вышел.

Сэр Хамфри, которого перебили на самом интересном месте, с горечью заговорил об отсутствии хороших манер у молодого поколения.

Жена терпеливо выслушала его, а когда он закончил, заметила:

– Не обращай внимания, дорогой. Бедный Фрэнк! Он так обеспокоен.

– Разве, мамочка? – Фелисити удивленно подняла на нее глаза.

– Ну конечно, дорогая. Столько всего на него навалилось. Если хочешь, могу поехать с тобой.

Сэр Хамфри тут же осведомился у жены, уж не страдает ли и она болезненным пристрастием к разного рода кошмарам и ужасам. Леди Мэттьюз невозмутимо ответила, что нет, не страдает. Просто ей хочется съездить в Верхний Неттлфолд.

– Не возражаешь, если на обратном пути заедем в особняк, мамочка?

– Ничуть не возражаю.

Фелисити удивилась, обнаружив, как только они выехали, что главной целью поездки леди Мэттьюз является гостиница «Голова вепря». Девушка полюбопытствовала, что понадобилось там маме. Не вдаваясь в объяснения, та заявила: неплохо было бы, чтобы Ширли Браун вернулась в Грейторн.

Фелисити показалось странным, что ее мама вдруг воспылала интересом и участием к судьбе столь странного и скрытного создания, как Ширли. Девушка подозрительно покосилась на мать и обвинила ее в том, что она что-то скрывает.

В ответ леди Мэттьюз посоветовала ей смотреть на дорогу. Фелисити повиновалась, но на этом не успокоилась. Она слишком хорошо знала свою маму, понимала, что за ее показной рассеянностью кроется острый, пронизательный ум. Фелисити даже начала подозревать, что Фрэнк делится с леди Мэттьюз подробностями расследования. Вообще-то это было не слишком на него похоже, но она знала, как кузен уважает и ценит свою тетушку. Однако леди Мэттьюз категорически отрицала, что Фрэнк говорил ей что-либо. И чем больше давила на нее Фелисити, тем несвязнее становились ответы, и в конце концов девушка сдалась.

Приехав в «Голову вепря», они нашли мисс Браун внизу, в вестибюле. От внимания Фелисити не укрылись ни загнанный взгляд, ни вымученная улыбка Ширли.

Леди Мэттьюз сказала без всяких обиняков:

– Вот что, дорогая, вам здесь неудобно. Возвращайтесь-ка в Грейторн.

Ширли покачала головой:

– Не могу. Огромное вам спасибо, но... думаю, мне надо вернуться в Лондон. Хотя я... я не знаю, не уверена.

Леди Мэттьюз обернулась к дочери:

– Масло, дорогая. Нам надо купить масло. Сбегаешь?

– Сбегаю, – поднялась с места Фелисити. – Еще никто не смог упрекнуть меня в том, что я не понимаю намеков.

Она вышла, и леди Мэттьюз, подозрительно покосившись на какого-то мужчину, сидевшего в другом конце вестибюля и погруженного в чтение газеты, заметила тихо:

– Вот что, дорогая, думаю, лучше рассказать это Фрэнку. Он всегда все знает и понимает.

Ширли испуганно взглянула на нее:

– Вы о чем?

– Все о том же. О тебе. Глупо упорствовать. Только Фрэнк может помочь. В нашей семье он самый умный.

Ширли ответила еле слышным шепотом:

– Он не знает... Это невозможно. Или... он все же о чем-то догадывается, а, леди Мэттьюз?

– Дитя мое дорогое, не стоит обсуждать подобные вещи в публичных местах. Это неумно и опасно. Так всегда бывает в плохих триллерах и неизбежно приводит к несчастью. Короче говоря, лучше рассказать все Фрэнку. Ты со мной не согласна?

Ширли посмотрела на крепко сплетенные на коленях пальцы:

– Не знаю. Если бы он не работал на полицию... Но он на нее работает, и я... – Она нервно усмехнулась.

– Уверена, Фрэнк будет рад тебе помочь.

– Я совершенно запуталась. – Ширли судорожным движением переплела пальцы. – Но все оказалось так сложно, и потом, мой брат... от него толку было мало. А теперь, когда все зашло настолько далеко, дело кажется совершенно безнадежным, и, думаю, мне ничего не остается, кроме как вернуться в город. Я думала о том, чтобы рассказать вам... вернее, вашему племяннику. Но потом испугалась, ведь я совсем не знаю его. А он... он человек бескомпромиссный, верно?

– Зато страшно любит животных, моя дорогая. Я непременно ему скажу. Жаль бросать все вот так, на полпути.

Ширли молча сидела с минуту, глядя прямо перед собой. Затем глубоко вздохнула.

– Нет, я этого не вынесу, мне такое просто не под силу. Скажите, а мистер Эмберли... если вы его попросите... Он согласится прийти повидаться со мной?

– Ну конечно же! – с улыбкой ответила леди Мэттьюз. – Но будет еще лучше, если ты поедешь в Грейторн, прямо сейчас.

– О... пожалуй, нет, не надо. Вы считаете, мне грозит опасность?

– В Грейторне ты будешь в полной безопасности. Да, грабители лезут к нам со всех сторон, но мы сумеем о тебе позаботиться, уверяю.

– Здесь мне ничего не грозит, леди Мэттьюз. Заметили плосколицего мужчину, что топчется у входа в гостиницу?

– Да, какой-то мужчина там был. Напомнил мне о свадьбе, знаешь ли. Детектив, который приставлен охранять подарки. Драматичное зрелище. Торчит у всех на виду, очень горд, что все обращают на него внимание.

Ширли улыбнулась.

– Да. А я, стало быть, и есть охраняемый подарок. И он не спускает с меня глаз. Его ваш племянник ко мне приставил.

– Как это на него похоже! – вздохнула леди Мэттьюз. – Обязательно передам ему, пусть заедет и поговорит с тобой. А этот бедняжка на улице не спускает с тебя глаз весь день? Надо бы дать ему булочку или пенни.

– Да, целый день. Потом приходит его сменщик. Так что сами видите: здесь я в полной безопасности. Если вдруг возникнет какое-то затруднение... – Она замолчала: в вестибюль входила Фелисити.

Та насмешливо спросила:

– Ну, закончили секретничать?

– Никаких секретов, дорогая. – Леди Мэттьюз поднялась с кресла. – Ширли отказывается ехать в Грейторн. Ужасно упрямая молодая особа. Значит, в любое время, да, дорогая?

Ширли умудрилась расшифровать эту невнятную фразу:

– Да. Но сегодня днем мне надо съездить в коттедж «Плющ», подготовить все к отъезду. Так что если здесь меня не будет, значит, я там.

– Очень хорошо, так и передам, не забуду. Так ты купила масло, дорогая? Вот только я еще не решила, что будем с ним делать. – И леди Мэттьюз направилась к выходу, задумчиво бормоча: – Возможно, ириски или что-то в этом роде. Как это я забыла, что нужно купить еще и апельсинов...

Заехав в особняк Нортон, они увидели там Джоан, бледную и испуганную. Кокрейн, явно наслаждающийся ролью мужчины-защитника, заявил, что увозит невесту, чтобы та побыла на людях.

Леди Мэттьюз сказала, что это блестящая идея. Девушка вся на нервах.

Даже Бэзил, обычно не слишком внимательный к сестре, признал, что выглядит она из рук вон плохо и, наверное, ей лучше на время уехать из особняка. А как только все утрясется, он и сам устроит себе каникулы.

Сама Джоан ни в какую не хотела больше находиться в особняке. Все, на что она способна, – провести здесь еще одну ночь. Это место стало ей столь отвратительно, что она скорее вообще никогда не выйдет замуж, чем допустит, чтобы свадьба состоялась здесь.

Ее жених тут же поддержал ее и предложил устроить тихую свадьбу в городе, а затем осторожно и без особой надежды добавил, что можно прекрасно обойтись и без венчания, просто зарегистрироваться в магистратуре.

Джоан была готова согласиться на все, но тут выступил с возражениями Фонтейн. Нет, он не против свадьбы в городе, но венчание должно состояться непременно, а затем и торжественный обед. Ведь уже приглашены целые толпы гостей, и не будет им, Фонтейнам, оправдания, если столь торжественное событие пройдет в каком-то тихом углу, чуть ли не тайно. Как-то это не по-людски. Леди Мэттьюз с ним согласна?

Леди Мэттьюз была согласна. И добавила, что, по ее мнению, Джоан сразу почувствует себя лучше, если на время уедет из особняка и не будет слышать всех этих разговоров о преступлениях.

– К тому же, – вмешалась Фелисити, – здесь никогда и не было особенно весело. И, даже когда вся эта история закончится, всем будет не по себе. То есть я хочу сказать... Нет, вы только вспомните, что произошло за последние две недели! Три смерти, два ограбления. Для этих мест более чем достаточно.

– Ограбления? А кого ограбили? – всполошился Бэзил.

– Нас, только ничего не взяли. Но мы натерпелись такого страха!

– Нам пора ехать, – сказала леди Мэттьюз. – Хамфри не любит, когда опаздывают к ленчу.

– Но лично я слышу об ограблениях в первый раз! – воскликнул Фонтейн. – Когда это случилось?

– Первое в тот день, когда мы с папой приехали к вам поговорить насчет всех этих браконьеров, и он взял у вас почитать... – Тут Фелисити заметила устремленный на нее взгляд матери, осеклась и покраснела.

– Взял книгу, – уточнил Бэзил. – Наверное, сэр Хамфри хочет прочесть и остальные тома? Он ведь вроде бы говорил, что это многотомник?

Фелисити не сводила с него глаз.

– Скажите, – осторожно начала она, – это вы посылали за той книгой, или же Коллинз сам решил забрать ее?

В комнате повисла пауза.

– Посылал за ней? Коллинз? – растерянно пробормотал Фонтейн.

– Так и знала: здесь что-то не то! – воскликнула Фелисити. – Папа тогда ужасно рассердился. Пришел Коллинз и сказал, что вы велели ему забрать книгу. Вы ведь ничего подобного не приказывали?

– Ну разумеется, нет! Так, значит, он так и сказал, именно этими словами? И ваш отец

отдал книгу Коллинзу?

– Ну конечно, отдал. За этим наверняка что-то кроется, вы не находите?

– Какая-то совершенно нелепая история, моя дорогая, – заметила леди Мэттьюз. – Наверное, просто недоразумение.

– Но мама, неужели ты не понимаешь? Ведь это очень важно! Но тогда ничего подобного и в голову не приходило. – Она умолкла, задумчиво хмурясь.

Фонтейн не сводил глаз с Фелисити. А затем медленно произнес:

– Ничего не понимаю. И страшно огорчен, что подобная инициатива якобы исходила от меня. Что мог подумать обо мне ваш отец? Нет, это просто ужасно!

– Ну он был, конечно, немного раздосадован, – призналась Фелисити. – Как думаете, мистер Фонтейн, мы напали на след? Было что-то спрятано в этой книге?

– Если даже и так, не имею ни малейшего представления, что бы это могло такое быть. – Бэзил отвернулся и стал доставать сигарету из портсигара на столе. – На мой взгляд, чистой воды абсурд!

Но Фелисити на этом не успокоилась:

– Но как же тогда ограбление? Библиотека, кабинет папы, гостиная – там все было перерыто, все вверх дном, а вот столовую не тронули, и вообще из дома ничего не пропало. Наверное, Коллинз все же думал: в книге что-то есть. И, вполне возможно, просто перепутал, взял не ту книгу. Огромное его постигло разочарование. А папа, между прочим, почти не выпускал эту книжку из рук, за исключением тех десяти минут, когда он забыл ее в гостинице «Голова вепря», куда ездил навещать Ширли. Но потом вспомнил и сразу же за ней вернулся...

Тут ее мягко перебила леди Мэттьюз:

– У тебя слишком развито воображение, дорогая. И мы уже действительно опаздываем к ленчу. Прошу вас, не огорчайтесь так, мистер Фонтейн. Это просто недоразумение. Так и скажу мужу.

– Очень был бы вам признателен, – пробормотал Бэзил. – Я... просто вне себя! Никогда и ни за что бы не подумал, что такое может случиться!

И он выплеснул все свое раздражение на дворецкого, который в этот момент вошел в комнату, грубо спросив, зачем тот сюда заявился. Джоан поспешила на выручку Бейкеру: сказала, что вызвала его звонком, чтобы он проводил леди Мэттьюз.

Та в это время задумчиво смотрела на дворецкого.

Фелисити отметила, что все слуги в особняке имеют отвратительную манеру бесшумно входить в комнату как раз в тот момент, когда там обсуждается что-то важное. И уже по пути домой сказала об этом матери, а потом добавила:

– Думаю, Бейкер все слышал, мамочка. Ты не находишь?

– Ничуть не удивлюсь, если это так. Боюсь, дорогая, ты была немного несдержанна на язык. Жаль, что Фрэнк не будет за ленчем.

– Да откуда мне было знать, что у них в доме завелся еще один слуга, который подкрадывается и подглядывает в замочные скважины! – вскинулась Фелисити.

Леди Мэттьюз промолчала.

Фелисити удивилась, заметив, что мать озабоченно хмурится. Но разговорить ее по-прежнему не удавалось.

За ленчем озабоченность леди Мэттьюз не исчезла. Она явно нервничала, что было обычно ей несвойственно, и дважды пробурчала:

– Ну почему Фрэнк до сих пор не вернулся? Как это некстати!

Вскоре после двух зазвонил телефон. Сэр Хамфри, сидевший в библиотеке, снял трубку, послушал, а потом выпалил, что мистера Эмберли дома нет, и где его племянник находится, ему неизвестно. Да, конечно, он обязательно передаст, как только мистер Эмберли появится.

Леди Мэттьюз, которая как раз в этот момент вошла в комнату, пожелала знать, кому

так срочно понадобился Фрэнк.

– Фонтейну. Тот просил передать одну странную вещь.

– Что именно, дорогой?

– Я должен передать племяннику, что Фонтейн уехал в Лондон и будет очень поздно.

Разве они с Фрэнком договаривались о встрече?

– Не знаю. Вполне возможно. А он сказал что-нибудь про книгу?

– Звонил не сам Фонтейн. Дворецкий, по его поручению. Сказал, что якобы Фрэнку крайне важно знать, что хозяин Нортон будет сегодня в Лондоне и зайдет днем в клуб.

Леди Мэттьюз плотно прикрыла дверь.

– Меня это очень тревожит. Надо найти Фрэнка, и поскорее.

В ответ сэр Хамфри выразил недоумение – почему такая ерунда ее должна беспокоить? – и снова разместился с книгой на диване. Леди Мэттьюз уселась за письменный стол, вздохнула и позвонила в полицейский участок Карчестера. Сэр Хамфри был крайне удивлен, зная, что жена его пользуется телефоном лишь в состоянии серьезного стресса.

Сержант, находившийся на дежурстве, ситуацию не прояснил. Да, мистер Эмберли заезжал в участок утром, но затем уехал вместе с начальником полиции. С тех пор его здесь не видели.

Леди Мэттьюз вновь испустила тяжкий вздох и набрала домашний номер полковника Уотсона: его дома не оказалось.

– Порой человеку ничего не остается, кроме как поверить в злое провидение, – задумчиво и печально произнесла она.

Когда Эмберли не появился и в четыре, леди Мэттьюз заметила, что он просто копия своего отца. Эта фраза вызвала у Фелисити любопытство, ибо ситуация действительно складывалась критическая, раз мать ее позволила себе такое замечание. Но леди Мэттьюз категорически отказывалась облегчить душу и поделиться своей тревогой с родными. А когда она рассеянно отказалась сперва от ячменной лепешки, затем – от хлеба с маслом и наконец – от пирожных, ее близкие забеспокоились не на шутку. И с облегчением и радостными возгласами встретили Эмберли, появившегося лишь четверть пятого.

– Слава Богу, ты пришел! – воскликнула Фелисити. – Где пропадал?

Он окинул ее равнодушным взглядом:

– Расследовал ночное убийство. С чего вдруг я так срочно понадобился? Нельзя ли и мне чашечку чая, тетя Мэрион?

Леди Мэттьюз с каким-то особым тщанием выбирала два куска сахара из сахарницы и, не поднимая от нее глаз, заговорила:

– Целых два важных сообщения для тебя. Сейчас сниму камень с души. Та девушка хочет тебя видеть. Она или в гостинице «Голова вепря», или в коттедже «Плющ». Не слишком приятное местечко.

Эмберли взглянул на тетушку, глаза его улыбались:

– А я все гадал, где же ее искать. Ладно, спасибо.

Леди Мэттьюз взяла молочник:

– Этот дворецкий. Из особняка.

Улыбка тотчас исчезла. Фрэнк как-то особенно пристально взглянул на тетушку:

– Да?..

– Звонил по поручению Бэзила Фонтейна. Просил передать, что тот уехал в город.

– Когда?

– Около двух, дорогой.

– Кто именно звонил?

– Дворецкий. А разве я не сказала? Будет у себя в клубе, весь день.

Эмберли перевел взгляд на настенные часы.

– Знаете, тетя, я передумал. И мне совсем не хочется чая.

– Чай может и подождать, – сразу же согласилась с ним леди Мэттьюз. – И еще кое-что

интересное. Так неосмотрительно со стороны Хамфри! Эта книга. Ты сейчас удивишься.

– Уже удивлен. Итак, что с книгой?

– Хамфри по рассеянности оставил ее в «Голове вепря». Он был там с Фелисити. Они навещали Ширли. Ну и забыли ее там.

Эмберли резко развернулся, посмотрел дяде прямо в глаза:

– Вы оставили ее там?! И книга теперь у нее?

– Да, я действительно забыл там эту книгу. Но потом вспомнил, и мы почти сразу же вернулись за ней. И мисс Браун, разумеется, тут же отдала ее.

– Какого черта вы не сказали мне об этом раньше?! – вскинулся Фрэнк. – Когда именно у Ширли оказалась та книжка? И кто еще об этом знает?

– Фелисити, дорогой, – мягко сказала леди Мэттьюз. – Она сказала об этом Бэзилу Фонтейну. Так что многие теперь знают. И Джоан, и этот ее милый молодой человек, и я, и дворецкий.

Фелисити покраснела и не решалась поднять глаз на кузена:

– Мне страшно стыдно, что проговорилась. Простите, я не хотела ничего плохого. Но откуда мне было знать, что об этом говорить нельзя?

– Вот идиотка, черт бы тебя побрал! – выругался Эмберли и вышел прежде, чем кузина успела придумать сколько-нибудь достойный ответ.

Несколько секунд спустя они услышали, как во дворе взревел мотор «бентли». Машина пронеслась под окном и скрылась из виду.

Сэр Хамфри с трудом оправился от шока, вызванного грубым поведением племянника.

– Господь, благослови мою душу, – простонал он. – Ну откуда мне было знать, что это так важно? Я уже начинаю всерьез беспокоиться.

Леди Мэттьюз обернулась и посмотрела на блюдо с пирожными на буфете.

– Почему никто не предлагает мне что-нибудь съесть? – жалобно протянула она. – Я страшно голодна.

– Но ты же сама от всего отказывалась, – напомнила ей Фелисити.

– Чепуха, дорогая. Передай мне вон ту лепешку, будь добра, – умиротворенно произнесла леди Мэттьюз.

Глава шестнадцатая

Как только леди Мэттьюз удалилась, Ширли почувствовала, что ее раздрают самые противоречивые чувства. Ей хотелось сбросить этот тяжкий, непосильный, давящий на нее груз, перевалить его на чьи-то другие плечи, но стоило только задуматься, к чему это может привести, и она начинала нервничать. Девушка до сих пор помнила, как мертвой хваткой сомкнулись на ее запястье пальцы, когда она стояла на Паттингли-роуд перед машиной, в которой находился убитый мужчина. У нее до сих пор оставался на руке синяк, и сложилось впечатление, что мистер Эмберли (как бы этот господин ни любил животных) проявляет мало сострадания к людям, которых он уличил в нарушении закона. Еще больше беспокоило Ширли его сотрудничество с полицией. Да, верно, он, судя по всему, ни слово не сказал полиции о ее присутствии на месте преступления той ночью. Верно также и то, что Эмберли не выдал Ширли во время бала-маскарада. Но проявленное им снисхождение, как ей казалось, было продиктовано не добротой или галантностью, но желанием, фигурально выражаясь, протянуть Ширли веревку, на которой она затем повесится. Он не спускал с нее глаз с самого начала, и девушке казалось: взгляд этот был недобрый. Некоторые его слова до сих пор болью отзывались в сердце. Эмберли сказал, что она совсем не нравится ему, и, похоже, он говорил это искренне. Тем более что Ширли не чувствовала никаких проявлений симпатии с его стороны. Напротив, Эмберли подсмеивался над ней, бывал очень груб и не упускал возможности лишней раз заявить, что она бессердечна и глупа. И девушка не

слишком обольщалась проявленной им мягкостью и добротой в ночь смерти Марка. В конечном счете он был джентльменом, с детства ему прививали приличные манеры, и лишь совершенный мужлан не продемонстрировал бы сочувствия при подобных обстоятельствах. Не слишком обольщалась она, и когда Эмберли сменил тактику, в надежде убедить ее довериться ему. По убеждению Ширли, мистер Эмберли был совершенно безжалостным человеком.

Леди Мэттьюз разгадала часть ее тайны и, похоже, считала, что и племяннику она известна. Ширли не слишком удивляла пронизательность, проявленная этой дамой, но как Эмберли мог обо всем догадаться, она пока не понимала. Тем не менее у нее не раз возникало тревожное ощущение, что ему известно о ней куда больше, чем он говорит.

На смену шоку, который испытала Ширли, узнав об убийстве Коллинза, пришла апатия. Казалось, до успешного завершения плана было рукой подать. И вот камердинер мертв, и вместе с ним умерли все ее надежды. Теперь, похоже, она ничего уже не сможет поделать. Если мистер Эмберли захочет помочь, что ж, пусть попробует. Если он отправит ее в тюрьму, что ж, значит, так тому и быть.

Слова, которые она говорила Коллинзу, до сих пор звенели в ушах. Полбатона! Полбатона! Все лучше, чем вовсе никакого хлеба, верно? Девушка с горечью думала о том, что, если второй половинки ей теперь не видать, было бы лучше вообще не знать об этой искушающей приманке.

Вдруг Ширли осознала, что потратила чуть ли не целый час на бесплодные размышления и захватить в коттедж «Плющ» до ленча она не успеет. Девушка вышла из гостиницы купить пакетик багажных ярлыков и с улыбкой заметила, что ее верный страж топает за нею по пятам на почтительном расстоянии. Если б не охватившая ее депрессия, она бы непременно подшутила над ним, втянула в продолжительную прогулку по окрестным полям с живыми изгородями. Ходок из него, пожалуй, никудышный. Долго не продержится.

Ширли намеревалась отправиться в коттедж сразу после ленча, но когда, готовясь выйти из номера, прикрепляла к ошейнику Билла поводок, вдруг остановилась и неуверенно взглянула на чемодан с одеждой. Бультерьер рванулся к двери, взглядом упрекая ее за медлительность, но она покачала головой:

– Потерпи немного, Билл. Думаю, так будет безопаснее.

Собака с тяжким вздохом растянулась на полу, уткнув нос в лапы и жалобно повизгивая. Ее хозяйка вынула из сумочки маленький ключ, открыла чемодан и достала из кармана платья измятый обрывок бумаги. Помедлила несколько секунд, затем села за письменный стол у окна. Письмо, которое она написала, было коротким, но на его сочинение ушло довольно много времени. Ширли перечитала его – она все еще колебалась, – затем сложила письмо пополам. Обрывок бумаги она поместила в конверт, заклеила и вложила в конверт побольше вместе со своим письмом. Написала на конверте адрес и обратилась к Биллу, чье подвывание стало уже совершенно нестерпимым:

– Хватит, сейчас пойдем. Думаю, что я поступила правильно. А ты как считаешь, мой мальчик?

Билл считал, что теперь самое время выйти на прогулку, и дал еще раз это понять.

Они вместе спустились по лестнице. К негодованию бультерьера, первой их целью стала почта, где Ширли отправила письмо, наклеив на него марку. Лишь после этого они взяли курс на коттедж «Плющ», и Билл, которого отпустили с поводка, радостно запрыгал впереди хозяйки. В отдалении следом за ними плелся констебль Такер.

Ширли добралась до коттеджа лишь в три часа дня и увидела на пороге уборщицу, с которой предварительно договорилась встретиться здесь в половине третьего. Женщина выглядела рассерженной.

В коттедже было холодно, пахло сыростью и плесенью. Ширли распахнула окна и попросила уборщицу поставить на плиту чайник, вскипятить воду. Надо как следует помыть полы на кухне, добавила она. На это женщина заметила, что далеко не все жильцы проявляют такую аккуратность при отъезде.

– Наверное, нет, – не стала спорить с ней Ширли. – А пока ждете, когда вода вскипит, пожалуйста, уберите тарелки в буфет. И сложите этот коврик, я забираю его с собой.

Работы в коттедже было полно. Ширли закончила паковать свои вещи, прикрепила к сундуку багажную бирку. А затем с тяжелым сердцем принялась разбирать пожитки Марка. Ей страшно не хотелось копаться в них, и вскоре она передумала, решила послать большую часть одежды брата в благотворительную миссию, что находилась в Ист-Энде. Девушка с помощью упаковочной бумаги и бечевки соорудила четыре объемистых свертка.

В четыре часа уборщица проявила инициативу. Найдя в кладовой банку сгущенного молока, она приготовила чай и отнесла Ширли. Та отвергла консервированное молоко, но чаю обрадовалась. Вспомнив, что говорила ей утром на прощание леди Мэттьюз, она попросила женщину предложить чай констеблю, который торчал на дорожке у дома. Предложение было принято – выглянув из окна, девушка увидела, что ее охранник идет по тропинке к дому следом за уборщицей. Его взгляд был застенчивым, но благодарным. Когда он снова вернулся на свой пост, девушка сказала уборщице, что та может идти, как только перемоеет посуду после чая. Сама Ширли уже сделала почти все, что было запланировано, и спешила закончить дело дотемна.

Уборщица поднялась наверх за вознаграждением и, пока девушка шарилась в кошельке, осмелилась высказать свое мнение. Она ничуть не удивлена, что мисс покидает этот коттедж.

– Одиноко тут, вот что я вам скажу.

– Мне это не мешало.

– Ну, мисс, конечно, на вкус и цвет товарища нет. Но у меня после наступления темноты так прямо мурашки шли по коже, такое уж это место. И еще тут крысы.

– Мыши, – поправила ее Ширли.

– Ну не знаю, может, и так, но лично я просто ненавижу этих тварей. И жуть до чего боюсь. Был у нас однажды такой случай, мышь заскочила моей тетке прямо под юбку. Бедняжка просто насмерть перепугалась.

– Наверное, и мышке тоже было не по себе, – с улыбкой заметила Ширли. – Вот, пожалуйста, возьмите, и спасибо вам. Выходите через главную дверь. И закройте ее за собой, хорошо?

Уборщица стала спускаться вниз по лестнице. Билл, лежавший внизу со скучающим видом, выбежал следом за ней в сад и принялся изучать окрестности. Обежал дом, принялся. Видно, разделял мнение уборщицы, что тут водятся именно крысы.

Констебль Такер покинул пост у калитки, зашел в сад, уселся на скамейку, вздохнул и закурил сигарету. Скучная это работенка, ходить по пятам за мисс Браун. Одна надежда, что надолго задерживаться в коттедже она не станет. Констебль Уэстрапп должен сменить его ровно в шесть, но не здесь, а перед входом в гостиницу «Голова вепря». Интересно, долго ли еще собирается торчать в этой дыре молодая леди?

Вскоре он почувствовал, какими сырыми и холодными выдаются порой осенние дни. Такер приподнял воротник повыше и какое-то время разглядывал одинокую звезду, появившуюся на небе. Тут из-за дома выбежал Билл и зарычал на него.

Ширли выглянула из окна.

– Кто там? – встревоженно спросила она.

Такер смущенно кашлянул и ответил:

– Это я, мисс.

– О, – заулыбалась девушка. – Я вас надолго не задержу, еще несколько минут. Да замолчи ты наконец, Билл! Пора бы уже научиться узнавать друзей!

Билл подозрительно обнюхивал лодыжки Такера. Тот пытался успокоить его, тихонько прищелкивая языком и задавался вопросом: неужели молодая леди не могла обзавестись каким-нибудь славным маленьким пекинесом? Констебль решил осторожно погладить собаку, уверяя ее, что она очень хорошая и добрая. Бультерьер же старался выяснить, с добрым ли человеком он имеет дело. Наконец, придя к выводу, что этот двуногий вроде бы ничего себе и никаких мер по его изгнанию с территории в данный момент принимать не

стоит, пес пустился обследовать задний двор.

Все еще находившаяся в коттедже Ширли зажгла лампу, побросала в кухонную плиту старые счета и письма и подожгла. Все чемоданы и сундуки были упакованы и снабжены багажными бирками, теперь им оставалось лишь ждать, когда за ними приедут грузчики; все постельное белье, находившееся в доме, пересчитано и аккуратно уложено в корзину на кухне.

Проследив за тем, чтобы догорел последний клочок бумаги, Ширли взяла лампу и последний раз обошла комнаты дома, проверяя, не упустила ли чего, и закрывая окна. И тут с огорчением обнаружила, что забыла заглянуть в шкафчик на лестничной площадке, где Марк держал разную мелочь. Она принялась разбирать содержимое его ящиков и, когда закончила и выглянула из окна, с тревогой обнаружила, что на улице совсем стемнело.

Присутствие Такера в саду выдавал лишь кончик горящей сигареты – крохотное оранжевое пятнышко света. Впервые за все то время, что констебль ходил за ней как тень, Ширли так сильно обрадовалась его присутствию. Она спустилась вниз убедиться, что задняя дверь надежно заперта, и позвать Билла.

Изредка с главной дороги, находившейся в отдалении, доносился шум проезжающих машин. Уже надевая шляпку, Ширли вдруг отчетливо услышала: какой-то автомобиль въехал на небольшой пологий холм и стал приближаться к ее дому. В надежде, что это мистер Эмберли, она бросилась открывать входную дверь. И лишь когда машина проехала мимо коттеджа, девушка поняла: должно быть, кто-то едет на ферму. И, тут же рассердившись на себя за то, что испытала разочарование, она с грохотом захлопнула дверь.

Вспомнилась трагическая гибель Марка. И Ширли вдруг поймала себя на том, что начала внимательно прислушиваться и оглядываться через плечо. Незанавешенные окна, эти проводники наступившей темноты, действовали на нервы. Она с замиранием сердца ждала, что вот-вот увидит там лицо, прижатое к стеклу и смотрящее прямо на Ширли. Совершенно абсурдная мысль, но избавиться от нее никак не удавалось. Чтобы почувствовать себя увереннее, она, прежде чем надеть длинное пальто, достала из кармана кольт и выложила перед собой на стол.

Затем застегнула пальто на все пуговицы, натянула на руки перчатки с крагами. После этого принялась за поиски поводка Билла – он вечно куда-то пропадал в самый неподходящий момент, раздраженно подумала девушка. Недолгие поиски – и вот поводок найден на кухне, висит на крючке, вбитом в заднюю дверь. Ширли сняла его и подошла к столу, забрать пистолет и погасить лампу.

А потом вдруг вспомнила, что оставила в гостиной открытое окно.

– Да соберись же ты наконец, дурочка! – упрекнула она себя и пошла закрывать.

И вдруг в небольшом коридорчике между двумя комнатами прямо перед ней выросла темная фигура. Ширли тихо ахнула, потом затаила дыхание. Отступила на шаг, всмотрелась.

– Это вы, мистер Эмберли? – дрожащим голосом прошептала она.

Человек набросился на нее прежде, чем Ширли успела пошевелиться. Рука железной хваткой сжала ее плечи; девушка пыталась крикнуть, но тут к ее носу и рту прижали что-то мягкое, удушающее, сильно пахнущее хлороформом.

Она отчаянно сопротивлялась, сквозь шум в ушах услышала рычание Билла – показалось, что доносится оно откуда-то издалека. А потом хлороформ все же взял верх: девушка почувствовала, что голова стала какой-то странно легкой, конечности словно онемели, и вот она потеряла сознание.

Мужчина ногой захлопнул кухонную дверь, вовремя остановив рвущегося в бой Билла. Собака, оказавшаяся по ту сторону двери, отчаянно царапала деревянные планки, заливалась яростным лаем.

Неизвестный опустил Ширли на пол, вставил ей в рот кляп и для пущей надежности обмотал его шарфом. После этого извлек из кармана моток тонкой бечевки и связал свою жертву по рукам и ногам. Потом наклонился, поднял ее, перекинул через плечо, вышел через заднюю дверь в темный сад и, стараясь держаться в тени деревьев и кустарника, направился

к машине, что стояла за домом. Добравшись до нее, он затолкал девушку на заднее сиденье, затем передумал, столкнул ее на пол и прикрыл сверху ковриком. Несколько секунд спустя мужчина уселся за руль и включил фары. Машина двинулась вперед, медленно набирая скорость, достигла главной дороги, свернула на нее.

Тем временем в коттедже Билл оставил бесплодные попытки прорваться через дверь и переключился на окно. Подобрал задние лапы, приготовился к прыжку. Раздался грохот, звон разбитого стекла, и вот крупный бультерьер с пятнышками крови на белой шкуре, опустил морду к земле, принялся и пустился в погоню за человеком, которого твердо намеревался растерзать.

Глава семнадцатая

«Бентли» въехал в Верхний Неттлфолд, промчался по улицам города и остановился у входа в гостиницу «Голова вепря». Портье сообщил мистеру Эмберли, что мисс Браун еще до сих пор не приходила. Он уже направился к выходу, но затем передумал и попросил разрешения позвонить по телефону. Портье подвел его к будке и удалился. Эмберли открыл телефонную книгу и быстро нашел нужный ему номер. Набрал и уже через три минуты говорил с портье-распорядителем одного лондонского клуба.

Да, мистер Фонтейн заезжал в клуб сегодня днем, но ушел незадолго до пяти. Нет, он не говорил, куда именно направился отсюда, но чуть позже его наверняка можно будет увидеть в театре «Гейети». Портье лично бронировал там место для мистера Фонтейна по телефону.

Эмберли поблагодарил распорядителя за информацию и повесил трубку. А затем направился к своей машине, возле которой увидел возмущенного констебля. Тот потребовал у мистера Эмберли назвать его имя и адрес, собирался выписать ему штраф за опасную езду по городу.

Фрэнк уселся в машину и включил мотор.

– Уйдите с дороги. Непременно увидимся, но только чуть позже. Мне сейчас не до разговоров, времени нет.

Констебль успел вовремя отпрыгнуть в сторону – машина резко рванула с места. Он так и застыл на бордюре с разинутым ртом, хорошо еще хватило присутствия духа записать номер «бентли».

Эмберли направился к коттеджу «Плющ»; доехав, остановился прямо у калитки. Увидел, что в доме горит свет, и облегченно выдохнул. Выходя из машины, он увидел бультерьера – тот вертелся на дорожке, обнюхивал землю в надежде найти потерянный след.

Фрэнк позвал собаку. Билл тут же бросился к нему, узнал по голосу. Попрыгал у ног Эмберли, жалобно скуля, затем метнулся в сторону и растворился в темноте. Но Фрэнк успел заметить порезы у него на морде и боках. Он не стал ловить Билла, вместо этого вошел в сад и окликнул констебля Такера. Ответа не было.

Затем под ногой у него что-то хрустнуло; Эмберли наклонился и увидел блестящие осколки стекла. В кухонном окне зияла дыра – Фрэнк быстро сообразил, как она появилась.

Передняя дверь была заперта, тогда Эмберли просунул руку в разбитое окно, отпер задвижку и толкнул нижнюю раму вверх. Влез в помещение через окно и первое, что увидел, – сумочку Ширли. Та лежала на столе, а рядом с ней – пистолет. Даже в такой момент тонкие губы Эмберли непроизвольно сложились в улыбку – печальную и насмешливую одновременно. Он взял кольт, положил его в карман, потом достал фонарик и начал обходить дом.

Стоило только приоткрыть кухонную дверь, как в ноздри ударил сильный запах хлороформа; у подножия лестницы валялся клочок ваты, видимо, оторванной Ширли во время борьбы. Эмберли подобрал его, поднес к носу. Запах хлороформа до сих пор еще не

выветрился. Отсюда можно было сделать вывод – клочок ваты пролежал тут всего несколько минут, не больше. Окно в гостиную было распахнуто настежь. На полу прямо под ним лежал кусок грязи с отпечатком обуви – каблука резинового сапога. Эмберли подобрал этот кусок очень аккуратно, чтобы тот не раскрошился, положил на стол. В доме – никого, и констебля Такера тоже нигде не было видно.

Фрэнк снова вышел в сад и начал обходить его, светя фонариком. А затем вдруг услышал стон – тот привел его к кусту сирени за садовой скамьей. На земле под кустом лежал Такер – видимо, свалился с сиденья – и делал попытки приподняться на локте.

Эмберли посветил ему в лицо; Такер растерянно заморгал, продолжая постанывать. Фрэнк опустился рядом с ним на колени.

– Ну будет вам, дружище, будет. Возьмите же себя в руки наконец! Что случилось?

Такер поднес руку к затылку.

– Голова! – простонал он. – О Боже, моя голова!..

– Да, нимало не сомневаюсь, что кто-то вас ударил. Еще повезло, что голова у вас такая крепкая. Вот, выпейте! – Он достал флягу с бренди, откинул крышку, поднес к губам Такера.

Крепкий напиток сразу оживил констебля, он сел, но все еще держался за голову.

– Что произошло? Кто меня ударил?

– Не задавайте вопросов! – рявкнул Эмберли. – Лучше подумайте хорошенько! Вы здесь кого-нибудь видели?

– Нет. Не понимаю, как это случилось. Я сидел на скамейке, ждал молодую леди. Должно быть, кто-то подкрался сзади и ударил меня.

– Вы просто прекрасный полицейский! – сердито воскликнул Эмберли. – Так вы, значит, никого не видели и ничего не слышали? Ни звука шагов? Ни подъезжающей машины?

Несчастный Такер попытался сосредоточиться.

– Машина... Да, вроде бы я слышал машину. Но она проехала мимо, вон туда, к ферме. Не остановилась.

– Что за машина? Номера разглядели?

– Нет. Видел ее лишь мельком, когда она проезжала мимо ворот. Вроде бы с закрытым верхом. И большая такая.

– Цвет?

– Я не разглядел, сэр. Слишком темно было.

– Теперь слушайте! – снова рявкнул Эмберли. – На столе в гостиной лежит ком засохшей глины. Вы должны отвезти его в участок. На нем отпечаток обуви. Ясно вам?

Такер кивнул и попробовал встать.

Фрэнк развернулся и зашагал к калитке. Услышав отчаянное завывание Билла, обернулся через плечо:

– И присмотрите за собакой. Поводок на кухне.

С этими словами он исчез. Хлопнула дверца машины, затем Такер услышал, как взревел мотор. Констебль бессильно опустился на скамью, боясь потерять равновесие.

Вскоре Эмберли оказался в Верхнем Неттлфолде, проехал по Хай-стрит к Рыночной площади. Здесь неподалеку находилась автозаправочная станция, подъезд к бензиновым колонкам был ярко освещен электрическими лампами в виде шаров.

Он подогнал «бентли» к одной из колонок, коротко бросил пареньку:

– Полный бак! – Потом вышел и захлопнул за собой дверцу.

Полицейский участок находился на противоположной стороне площади. Сержант Губбинс сидел в кабинете, на двери висела табличка «Посторонним вход воспрещен», но мистер Эмберли вошел, даже не предупредив дежурного констебля.

Сержант сердито вскинул голову, но при виде посетителя так и расплылся в улыбке:

– Вечер добрый, мистер Эмберли! Есть какие новости?

– Вот что, сержант. Прикажите дежурному констеблю обзвонить все близлежащие участки, чтобы остановили и обыскали синий лимузин марки «воксхолл», Эмберли указал и

номер лимузина, – PV 80496.

Сержант уже достаточно хорошо изучил мистера Эмберли. А потому никаких вопросов задавать не стал, поднялся, вышел и повторил дежурному констеблю распоряжение барристера. И только вернувшись, спросил:

– Что произошло, сэр?

– Девушку похитили. Можете поехать со мной прямо сейчас?

Сержант не сводил с него изумленного взгляда.

– Бог ты мой, сэр! – выдохнул он. – Похитили? А где же был Такер?

– Возле коттеджа. Кто-то его оглушил. Он ничего не видел, ничего не слышал. Утешаюсь лишь тем, что констебль сильно не пострадал. Так вы идете?

– Всего минутку, сэр, и я с вами! – Губбинс бросился в приемную, где дежурный констебль уже отправлял сообщение. Коротко переговорив с ним и захватив шлем и револьвер, сержант выбежал на улицу. Мистер Эмберли уже направлялся через площадь к своей машине.

Губбинс последовал за ним и устроился на переднем сиденье, пока Фрэнк расплачивался за бензин. И только когда он сел за руль и включил мотор, сержант спросил, куда они направляются.

– Пока не знаю.

Эмберли выехал с площади и двинулся к развязке, что пролегала рядом с гостиницей «Голова вепря». Затем развернулся и поехал к ней.

Дежурный констебль, записавший его номер около получаса назад, вновь увидел «бентли» и вскинул руку, пытаясь остановить машину. Она подкатила прямо к нему.

Эмберли опустил стекло:

– Скажите, здесь за последний час проезжал синий пятиместный лимузин «воксхолл»? – Фрэнк продиктовал ему номер. – Вспомните, приятель, подумайте хорошенько!

Констебль ворчливо ответил:

– Мне незачем думать и вспоминать. И не указывайте мне, что делать! Я должен записать ваше имя и адрес.

Эмберли откинулся на спинку сиденья.

– Вот и говори с дураком.

Тут в дело вступил Губбинс. Он внятно и доходчиво объяснил констеблю, что именно от него требуется.

– Но... но, сержант, я поднял руку, а он промчался мимо меня как молния, – принялся оправдываться констебль. – Может, просто не заметил или не обратил внимания. Он двигался...

– Неудивительно: человек не может видеть то, что находится у него за спиной, – оборвал его Губбинс. – Вам задали вопрос, так что отвечайте, и быстро! Это сам мистер Фрэнк Эмберли, не кто-нибудь там!

– Откуда мне было знать, кто он, – промямлил в ответ констебль. – Знаю только одно: он проигнорировал мой сигнал, не остановился и...

– Ну сколько можно! – воскликнул Эмберли. – Оштрафуете меня в следующий раз! Повторяю, лимузин «воксхолл».

Констебль задумчиво почесал подбородок.

– Вроде бы был «Морис оксфорд», проехал по Ламсен-роуд, – пробормотал он. – Не подходит.

– О Бог ты мой! – взмолился Эмберли. – Большая машина, синяя! Пучеглазенькая такая!

– Нет, ничего похожего не видел, – даже с каким-то злорадством ответил констебль. – Видел «даймлер» мистера Пурвиса. Но другой такой большой машины не заметил. По крайней мере за последний час.

Мистер Эмберли нащупал ручку переключения скоростей:

– Убери хотя бы с дороги эту телегу, мне надо проехать.

– Ну что ты стоишь и хлопаешь ушами! Убирай телегу! – прикрикнул сержант на констебля. – Господи, отроду не видел такого тупоголового парня! Деревенщина! Вот сюда, немного правее, мистер Эмберли. И ради Бога, не зацепите этого идиота!

«Бентли» с ревом объехал констебля и помчался по Хай-стрит. Констебль, все еще придерживающий лошадь, впряженную в телегу, так и застыл, словно в трансе. Очнулся он лишь после того, как к нему обратился возница, державший в руках поводья...

– Скажите, сержант, есть по дороге к коттеджу «Плющ» еще какой-нибудь пост? – спросил Эмберли.

– Ни одного. Примерно в миле отсюда, на перекрестке у Брайтон-роуд, находится отделение «Автомобильной ассоциации», но дежурного там сейчас уже нет. Слишком поздно.

– Черт! Ну а где-нибудь на ближайших поворотах?

– Нет, до самого перекрестка с Брайтон ничего, если не считать дорогу, ведущую к Фёрз-Холлу. Хотя, знаете что, сэр?.. Как раз сейчас расширяют мост у съезда на Гриффин, это еще до перекрестка. И там точно должен быть регулировщик движения.

– Что ж, остается лишь молиться и надеяться, что он не круглый дурак. – Фрэнк резко вывернул руль, объезжая какого-то зазевавшегося пешехода.

Сержант вцепился в дверную ручку и выпрямился. От комментариев по поводу такого маневра воздержался, заметил лишь:

– Осторожнее, сэр, впереди поворот!

– Позвольте мне вести машину так, как я считаю нужным, – сухо ответил Эмберли.

Сержант затаил дыхание – машина заложила крутой вираж – и облегченно вздохнул.

– Несколько лет не был в этом районе, сэр.

– Мы здесь не задержимся.

– Нет, если будете ехать с такой скоростью. Но я бы на вашем месте так рисковать не стал. Впрочем, я хотел сказать о другом. Хорошо, что машин здесь проезжает совсем мало.

– Верно подмечено.

– И еще могу добавить вот что, мистер Эмберли. Как-то не очень хочется погибнуть в аварии. Впереди мост, сэр! Сбавьте скорость.

Юнец, стоявший у моста на дежурстве, лениво размахивал зеленой лампой. Фрэнк резко затормозил. Сержант оказался ближе к юнцу, высунулся из окна и спросил, не проезжал ли недавно через мост синий «воксхолл».

Паренек ответил, что машин за последнее время проехало не так много, и он к ним не присматривался. И номерами тоже не интересовался. Но действительно, примерно три четверти часа тому назад тут притормозил большой «воксхолл», чтобы пропустить грузовик, въезжающий на мост с другой стороны. И он тут же принялся в подробностях описывать машину – сколько у нее лошадиных сил, какова максимальная скорость и прочее, однако его перебили.

– Я не собираюсь покупать эту машину, сынок, – сказал Губбинс. – Куда она поехала?

Юноша восхищенно смотрел на «бентли». Зашевелил губами, про себя перечисляя все достоинства этого автомобиля, и с промедлением, но наконец ответил Губбинсу:

– Сначала проехала по мосту, а потом свернула к перекрестку.

– Кто в ней был? – спросил Эмберли.

– Не знаю, сэр.

– И все же кто, мужчина или женщина, один человек или больше?

– Не знаю, сэр.

– Толку от него никакого, – заметил сержант. – У меня племянник, точная его копия. Если за рулем машины будет сидеть кенгуру, он и не заметит. Прямо тошно становится. Может целый день рассуждать о каких-то там дифференциалах, но поинтересоваться тем, что не движется на колесах, о нет, это не про нас!

«Бентли» тронулся с места.

– Перекресток с Брайтон, – пробормотал Эмберли. – Направляется на юг. И я думаю... нет, даже нисколько не сомневаюсь, что нам следует поторопиться, сержант. Ехать как можно быстрее.

– Но ведь мы и так едем быстро, разве нет? – Губбинс выждал, когда машина свернет на дорогу, ведущую к югу, затем, видя, что никакой опасности впереди вроде бы не предвидится, спросил: – А теперь, сэр, если не возражаете, конечно, могли бы мы поговорить? Сдается мне, вы знаете немного больше, чем я. Мы преследуем некий лимузин «вокхолл», имеющий перед нами фору примерно в три четверти часа. У меня имеются кое-какие соображения по поводу того, чья это машина. Но как у него хватило смелости решиться на такое, просто ума не приложу! Правда, и прежде частенько доводилось замечать: в тихом омуте черти водятся. И еще, сдается мне, жуткое вырисовывается дельце. Как думаете, сэр, он прикончил молодую леди?

Машина резко рванула вперед, как пришпоренная лошадь. Сержант покосился на профиль мистера Эмберли, увидел, как мрачно его лицо – ему даже страшно стало, как он сам позже признался.

– Если да, – ровным тоном произнес Фрэнк, – если он сделал это, палача беспокоить не будем.

Столь зловещее предупреждение в совокупности с особым выражением на лице Эмберли привели сержанта к мысли, что он сейчас сделал одно любопытное открытие. Чувствуя, что ситуация требует проявления такта с его стороны, Губбинс не стал распространяться на данную тему. Однако не преминул заметить, что мистери Эмберли все же не стоит принимать все это так близко к сердцу.

– Зачем нам с вами нарываться на неприятности, сэр? Если собираетесь пойти на убийство... сами подумайте, в каком тогда я окажусь положении. Что мне тогда делать?

Эмберли тихо и зло усмехнулся:

– Арестовать меня, что ж еще. Вот будет сенсация!

– Я окажусь в страшно затруднительном положении, – продолжал гнуть свое сержант. – И, если б был уверен, что намерения у вас серьезные, я просто обязан отобрать у вас пистолет, который в данный момент упирается мне в бедро.

– Да я с удовольствием задушу эту свинью. Однако не думаю, что он убил девушку. Пока скорее всего нет. Еще одно убийство может оказаться для него фатальным. Смерть Марка Брауна сошла за несчастный случай, но еще один несчастный случай... Нет, это выглядело бы слишком подозрительно. Ширли должна исчезнуть. Нет тела – нет дела, сержант.

– Понял вас, сэр. Так, значит, он старается увезти ее как можно дальше от Верхнего Неттлфолда и прикончить где-то в глуши?

– Если он дурак. Если он действительно поступит именно так, и тело найдут, оно выведет на него. У мисс Браун нет машины. Как она могла заехать так далеко? Вывод напрашивается однозначный: ее привез туда сам убийца. Нет, слишком опасно. От тела надо избавиться. Ну, поставьте себя на место убийцы, сержант. Как это сделать?

Тут перед глазами Губбинса пронеслись самые разнообразные и жуткие картины, но он решил, что лучше не делиться с Эмберли этими своими соображениями. Ведь джентльмен, влюбленный, как понял теперь сержант, в юную леди, вряд ли придет в восторг при мысли о всяких там расчлененных трупах и сожженных фрагментах тела.

– Давайте лучше не будем о страшном, сэр.

– Понимаю, – протянул Фрэнк. – Негашенная известь. О нет. Нет! Вы ошибаетесь, сержант. Он едет на юг, а там... Там море. Море!

Губбинс обдумал услышанное и пришел к выводу, что Эмберли, пожалуй, прав.

– Сдается мне, сэр, нам действительно лучше поспешить, – осторожно заметил он. – Потому как в противном случае... Короче, мы должны схватить его, и это самое главное.

Машина с ревом промчалась мимо небольшой деревушки, стрелка спидометра продолжала ползти вверх.

– Он еще не убил ее, – заявил Эмберли.

У сержанта сложилось впечатление, что говорит он это для собственного утешения.

– Он не осмелится, не пойдет на такой риск. А что, если авария, пусть небольшая? Допустим, его остановят, обыщут? Если девушка жива, привлечь его за убийство не получится. Он должен это понимать. Просто обязан понимать!..

Губбинс на словах с ним согласился, хотя по опыту знал, что убийцы действуют просто и редко вынашивают хитроумные и изощренные планы. Впрочем... Убийство Марка было очень умно спланировано, так что, возможно, мистер Эмберли все-таки прав.

Впереди мелькнули огоньки очередной деревушки; Фрэнк немного сбросил скорость, и сержант увидел впереди, на перекрестке, постового констебля.

Эмберли притормозил возле него, однако все переговоры взял на себя сержант. Констебль, в отличие от тех, с кем они говорили в Верхнем Неттлфолде, оказался весьма сообразительным и наблюдательным молодым человеком. За последний час мимо него проехало не так много машин, и он почти уверен, что самая большая из них была лимузином «воксхолл». Вот только номер совсем другой, не PV 80496, констебль. Да он готов в этом поклясться. На номерном знаке лимузина «воксхолл», который он видел, буквы были АХ. Нет, сам номер запомнить не удалось, но вроде бы начинался тот с девятки.

Сержант вопросительно взглянул на Эмберли:

– Стало быть, не совсем подходит, сэр.

– Фальшивый номерной знак. Такого номера, возможно, вообще не существует. Куда направлялась эта машина, констебль?

– Вон там свернула вправо, – показал рукой полицейский.

– А куда ведет эта дорога?

– Вообще-то в Лакхерст, сэр, но там много поворотов.

– А по ней можно добраться до побережья?

– Нет, сэр. Напрямую не получится. Придется немного поколесить.

– А где лучше свернуть?

Констебль призадумался.

– Ну, если ехать через Сикс-Эш-Корнер и Хиллингдин, придется свернуть у первого паба, а дальше – через Кетли. С другой стороны, если вы не против более сложного маршрута, можно немного срезать у Чинхема и двигаться дальше через Фрешфилд и Треншем. Тогда можно выехать к побережью у Голджейвена.

Эмберли кивнул:

– Понял. Спасибо вам. А вы не заметили, как быстро ехал этот «воксхолл»?

– Да вполне обычно, со средней скоростью, сэр.

Фрэнк повернул ключ в замке зажигания:

– Мои комплименты, вы самый сообразительный и умный полицейский, которого удалось встретить за последние две недели.

Машина тронулась с места.

Сержант кашлянул и заметил:

– Даже слишком умен для констебля.

Эмберли насмешливо улыбнулся, но воздержался от язвительной реплики. Все его внимание было приковано сейчас к извилистой и темной дороге; Губбинс получал лишь односложные ответы на все свои вопросы, а затем проявил мудрость и прекратил дальнейшие попытки как-то поддержать разговор.

Путь им предстоял не близкий и трудный, все вокруг терялось во тьме. «Воксхолл» предпочел главным дорогам целое разветвление узких проселочных. Время от времени Эмберли останавливался, спрашивал, не видел ли кто синий лимузин. В большинстве случаев в ответ отрицательно мотали головой. Но дважды все же удалось узнать кое-какие новости о машине: сначала от сотрудника железной дороги, который дежурил на переезде, затем – от ночного сторожа, сидевшего на корточках возле жаровни и охранявшего место, где производились дорожные работы. Получалось, что «воксхолл» направлялся на юго-

запад, ехал достаточно быстро, но скорости не превышал. Очевидно, водитель не хотел рисковать – опасался попасть в аварию или быть остановленным за нарушение скоростного режима. Очевидно было и другое: он не слишком опасался погони.

Когда они свернули на проселочные дороги, двинулись витиеватым маршрутом, сержант поначалу подумал, что шанс нагнать и остановить машину с фальшивыми номерами, следующую в неизвестном направлении, у них совсем невелик. Но через некоторое время начал понимать, что Эмберли преследует какую-то вполне определенную цель. Они ненадолго остановились в Хиллингдине, Губбинс стал расспрашивать дежурившего на перекрестке констебля, а Фрэнк достал карту и начал внимательно ее изучать.

Предупреждение, разосланное из Верхнего Неттлфолда, было получено всеми постами южного направления, однако результатов не принесло. Никто и нигде не видел машины с вышеупомянутым номерным знаком. Эмберли проклинал себя за то, что дал в ориентировке этот номер, и решил не тратить времени на дальнейшие расспросы.

На протяжении многих миль они не видели ни одной машины, даже отдаленно похожей на «воксхолл», но Фрэнк продолжал упорно гнать «бентли» вперед и время от времени лишь немного сбрасывал скорость для того, чтобы прочесть надпись на дорожном указателе. Он ни разу не усомнился в выборе направления, и сержанту стало окончательно ясно, что его спутник уже твердо определился с маршрутом.

Всего один раз Эмберли попросил сержанта свериться с картой перед особо сложной развязкой и указать направление к деревне, названия которой Губбинс ни разу еще не слышал. Только тут он осмелился спросить, куда они, собственно, едут. Ему даже пришлось повысить голос, чтобы перекричать рев мотора. Он уловил всего лишь одно слово – «Литтлхейвен», которое сержанту ничего не говорило.

Только когда «бентли» затрясся на дорожном полотне, испещренном ямами и колдобинами, и сбавил ход, Губбинс вымолвил:

– Если вы так уверены, что он выбрал именно это направление, сэр, почему бы нам не поехать по главной дороге?

– Да потому, что я, черт побери, не уверен! – рявкнул Эмберли. – Делаю что могу.

Сержант снова погрузился в молчание. Если не считать дискомфорта от поездки по незнакомым разбитым дорогам с такой бешеной скоростью, в целом он был скорее рад, что они выбрали заброшенные объездные пути. По крайней мере куда меньше риска попасть в аварию при столкновении с другой машиной. Губбинс даже содрогнулся при мысли о том, что могло бы произойти, если бы они мчались по одной из главных дорог. Почти все время он цеплялся за ручку дверцы, чтобы сохранить равновесие, и, хотя восприятие немного притупилось, несколько раз испугался довольно сильно. Особенно когда посреди дороги прямо перед ними вдруг возник мотоциклист, и «бентли», визжа шинами на скользкой дороге, резко вильнул в сторону и лишь каким-то чудом умудрился объехать зазевавшегося парня.

Тут сержант потерял всякое терпение и выкрикнул:

– Людям, подобным вам, мистер Эмберли, нельзя садиться за руль более мощной машины, чем «форд»!

Ночь выдалась тихая, но ветер свистел у него в ушах. Один раз с головы едва не сорвало шлем. Сержант плотнее надвинул его на голову и подумал, что мистер Эмберли, должно быть, совсем свихнулся, раз обращается с дорогой машиной столь ужасным образом.

Взошла луна, медленно и одиноко проплывала над головой, время от времени затеняемая полупрозрачным облачком. Местность, по которой они сейчас ехали, была совершенно незнакома Губбинсу. Он пытался запоминать дорогу, но от воспоминаний оставались лишь какие-то обрывки – незаасфальтированные участки с лужами, поблескивающими в лунном свете; живые изгороди, с бешеной скоростью проносившиеся мимо; деревни с домами, где через незанавешенные окна просачивался теплый желтоватый свет; и дорожные указатели, простирающиеся в разные стороны растопыренные

потрескавшиеся планки с названиями неизвестных ему деревень. А также холмы, на которые взлетал «бентли»; ощущение легкой тошноты, когда машина входила в очередной крутой поворот; почти непрерывный вой клаксона, настойчиво предупреждающий более медлительных водителей об опасности и заставляющий их прижиматься к обочине. Но больше всего запомнилось лицо мистера Эмберли, сидевшего рядом. Он не отрывал глаз от простирающейся впереди дороги, а губы у него были сжаты в плотную безжалостную линию.

Постепенно Губбинс перестал нервно всматриваться вперед в поисках опасности. Эмберли не обращал ни малейшего внимания на его предупреждения, но продолжал ехать вперед и вперед, вел машину очень умело – тут следовало отдать ему должное, – но страшно рискованно. Сержант попытался представить, в какое он попадет положение, если они врежутся во что-то или в кого-то. Что скажут люди? Этот тип несется со скоростью свыше пятидесяти миль в час, а рядом с ним сидит офицер полиции! Ничего себе получится расклад, если они, не дай Бог, убьют кого-то.

Вскоре им пришлось остановиться у железнодорожного переезда и ждать, когда поднимут шлагбаум. Тут-то они снова напали на след, и даже вконец измотанный этой гонкой сержант, услышав, что «воксхолл» проезжал здесь минут двадцать назад, не больше, в этот момент подумал, что скорость, с которой они ехали, в определенной мере оправдана.

Эмберли оживился, глаза его заблестели. Переезжая через рельсы, он заметил:

– Я был прав. Придется еще немного поднажать, сержант.

– Буду очень признателен вам, сэр, если вы наконец поймете: здесь вам не Дейтона-Бич¹², – произнес исстрадавшийся Губбинс. – Далекое не он, даже совсем наоборот. Ради Бога, мистер Эмберли, осторожнее, автобус!..

Впереди посередине дороги трясся местный автобус. Эмберли не отнимал руки от клаксона, но упрямый водитель и не думал сворачивать в сторону и пропускать «бентли». И тогда мощная машина обогнала его, пронеслась мимо всего в каких-то нескольких дюймах, вырывая клочья травы, растущей на обочине.

Сержант, прилипший к дверце, пробормотал несколько нелестных слов в адрес водителя автобуса, хотя тот, разумеется, его не слышал.

Очередной крутой поворот – и «бентли» снова затрясся на ухабах.

Губбинс достал большой носовой платок, вытер пот со лба и заметил, что им куда сподручнее было бы передвигаться на танке, а не в легковой машине.

Глава восемнадцатая

Литтлхейвен оказался рыбацкой деревней, раскинувшейся на заболоченных наносных землях, на берегах небольшой реки, которая впадала в море и была длиной примерно с милю. Сама деревня – старая, с узкими извилистыми улочками, где пахло водорослями и смолой. Имелась здесь и небольшая гавань, там стояли на якоре рыбацкие лодки, а на песке были раскинуты черные сети, которые нуждались в починке, с поблескивающими в них серебристыми рыбьими чешуйками. К западу от деревни вырос вдоль побережья и возле устья речушки целый городок из современных бунгалов, поскольку в этом месте отдыхающим была обеспечена хорошая рыбалка и возможность вдоволь покататься на лодках. В сезон побережье оживало, шла бойкая торговля сувенирами и дарами моря; а в единственном отеле, довольно уродливом сооружении, возвышавшемся над одноэтажными домиками, найти свободное место было практически невозможно, что позволяло владельцам

---

¹² Курортный город во Флориде, США, где проходят традиционные автогонки.

бессовестно взвинчивать цены на довольно убогие номера. Когда сезон заканчивался, половина лавок и заведений закрывалась, бунгало тоже пустовали. Принадлежали они по большей части предприимчивым торговцам, меблировавшим эти жилища с тем, чтобы сдавать по совершенно непомерным ценам всем желающим на протяжении трех месяцев в году; остальные девять месяцев дома простаивали пустыми.

Вдоль побережья по другую сторону речки красовались бунгало посolidнее, довольно далеко отстоящие друг от друга. Хозяева этих владений желали как можно реже соприкасаться с соседями, обитателями съемных бунгало, и держались гордо и обособленно. Они могли похвастаться довольно большими садами, и сюда даже проложили отдельную дорогу из городка Лоучестера, что находился в десяти милях от побережья.

Невдалеке от железнодорожного переезда Эмберли постигла неудача. Сначала на дороге вдруг появились запрещающие знаки, и ему пришлось довольно долго ждать, пока впряженная в повозку лошадь не перейдет узкий ее участок, мощный булыжником; затем в небольшом городке пришлось останавливаться на каждом перекрестке, а миновав его, двигаться с небольшой скоростью – и все это благодаря некоей беззаботной дамочке, которая ехала перед ним на огромном «хамбере» прямо посередине узкого полотна. Она блокировала путь, и «бентли» потерял немало драгоценных минут. Причем дважды у дамочки глох мотор, и она возмущенно оборачивалась на Эмберли, который не снимал пальца с клаксона. Сердце у сержанта ушло в пятки, когда задолго до того, как «хамбер» завершит поворот, «бентли» рванул вперед, взлетел на тротуар и лишь после этого снова оказался на дороге.

Но времени, несомненно, было уже много упущено, что и отметил Эмберли, взглянув на часы.

Сержант, увидев впереди море с дорожкой лунного света, заметил, что здесь очень красиво. И, не получив ответа на свою ремарку, спросил:

– Куда мы теперь едем, сэр?

– Дальше есть речушка, мы уже почти до нее доехали. По ту сторону от нее и ярдах в четырехстах-пятистах от побережья находится бунгало. Вот туда мы и направляемся.

– Говорите, именно туда, сэр? Но в таком случае нам придется как-то перебраться через эту речушку. Или переплыть...

– Мы переплывем ее в лодке.

– Лично я все же предпочел бы ехать по дороге, сэр. Никогда не был хорошим мореплавателем, да и, наверное, уже не стану. Более того, я даже думать боюсь о том, что вы будете переправлять меня в моторной лодке, сэр. И потом, – добавил он после паузы, – где же вы собираетесь достать эту самую лодку в столь поздний час?

– У меня она есть. Уже ждет нас.

Губбинс разинул рот от изумления.

– Меня только одно удивляет, сэр. Как же вышло, что вас не ждет аэроплан? Жаль, что вы о нем не позаботились. Но откуда взялась здесь эта лодка?

– Я взял ее напрокат. Есть тут у меня один человек, сторожит бунгало по эту сторону речки. Он нас и переправит. Ни за что бы не рискнул добираться туда по дороге. Слишком много займет времени, хотя «воксхолл» поехал именно таким путем. Внизу, там, где обрывается сад у бунгало, есть деревянный причал.

– Так вы с самого начала знали об этом, сэр?

– Должен был знать. Специально приезжал сюда сегодня с утра, чтобы все проверить.

– Разрази меня гром, сэр! Но с чего это вдруг? Как? Вам удалось что-то выяснить, да?

– Удалось. И узнал я вот что. Из Мортон-Ярда, который мы с вами проезжали недавно, к бакену примерно в четверти мили вверх по речке, была доставлена частная моторная лодка. Ее перегнали сюда недавно, причем с полными баками. И я счел этот факт столь любопытным, сержант, что решил подкинуть немного денег одному типу, перебивающемуся случайными заработками на здешнем курорте. Живет он в коттедже по эту сторону речки, сторожит лодку и бунгало, а заодно информирует меня обо всем, что происходит вокруг.

Это объяснение, однако, любопытства Губбинса не удовлетворило. Его так и подмывало спросить: почему мистер Эмберли внезапно, ни слова никому не сказав, сорвался в Литтлхейвен, по какой причине его так заинтересовали превратности судьбы какой-то моторки? Но затем он подумал, что сейчас вряд ли получит мало-мальски внятный ответ на свои вопросы. А потому просто заметил:

– Что ж, сэр, могу сказать только одно. Для человека штатского, не работающего в полиции, вы действуете основательно. Нет, честное слово, весьма даже основательно.

Дорога вилась среди невысоких холмов; сержант увидел, как блеснула полоска воды и понял, что они, должно быть, подъезжают к речке. Эмберли сбавил скорость, а затем остановился перед небольшим коттеджем, ярдах в пятистах от береговой линии. Губбинс, всматриваясь в темноту, увидел по ту сторону речки, у самого берега, очертания дома, слабо вырисовывающиеся на фоне ночного неба.

Эмберли распахнул дверцу и уже собрался выйти из машины, как вдруг замер и прошептал:

– Слышите?..

В тишине ночи до них с водной глади донесся рокот лодочного мотора.

На дороге возникла мужская фигура. Человек направился к машине и крикнул Эмберли, который озирался по сторонам:

– Это вы, сэр?! Как раз собирался идти звонить вам, как вы просили. – Только тут он заметил шлем сержанта: – Бог ты мой! Это полицейский, что ли?

– Иди к нам сюда, приятель, и расскажи, что видел, – строго скомандовал Губбинс и тут с удивлением заметил, как побледнел мистер Эмберли, даже сквозь загар было видно.

Фрэнк не сводил со сторожа глаз:

– Быстрее! Выкладывайте!

– Кто-то отплыл в этой моторке. Буквально с минуту тому назад. Да, и он... он тащил с собой что-то, перебросив через плечо. Я подумал, берет с собой какой-то багаж, что ж еще. А что тут думать, верно, сэр? Какой-то мешок. Ну и вот, сэр... Идет он, значит, по причалу, а потом бросает этот мешок или не знаю, что еще, в лодку, а она не привязана к причалу, вы сами видели, когда были здесь. А потом он садится на весла и отплывает вверх по ручью, а я бегу следом по берегу, наблюдаю, значит, а он ничего не подозревает. А потом он доплывает до моторки и пересаживается в нее вместе со своим багажом. Ну и я подумал: чего такое он затеял и чего мне теперь делать, ведь почти ни черта не видно. Но потом скумекал, зачем вся эта возня. Если б не видел, как он перекладывает этот багаж в моторку, тогда еще ладно. А так ясно, что дело темное. Ну а потом слышу, этот типчик заводит мотор и отплывает себе прямо в открытое море, а лодка болтается сзади, потому как он привязал ее к моторке. И зачем ему понадобилось брать с собой еще и весельную лодку, просто ума не приложу. Это уж слишком, вы как считаете?

Сержант тоже считал, что это слишком, однако промолчал. Он с сочувствием смотрел на Эмберли. Тот сжимал ручку от дверцы машины с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Рассказ сторожа убедил Губбинса, что Ширли Браун скорее всего уже нет в живых. А потому совсем неудивительно, что мистер Эмберли словно окаменел. Сержанту хотелось как-то утешить его, сказать добрые слова, но они не шли на ум, и он угрюмо пробормотал:

– Боюсь, мы с вами опоздали, сэр.

Фрэнк поднял на него мрачные темные глаза – по их выражению было ясно, что мысль его работает напряженно, ищет какой-то выход.

– Лодка, – пробормотал он. – Лодка. Это ведь неспроста, это должно что-то значить... Господи, ну почему ничего не идет на ум?! – И Эмберли в отчаянии стукнул кулаком по капоту машины.

– Должен признаться, я и сам не вижу никакого выхода, сэр. И действительно, зачем ему понадобилась весельная лодка, если он отплыл на моторке?

– Да чтоб вернуться на ней! – рявкнул Фрэнк. – Какая еще может быть причина? А в

общем, думайте, дружище, думайте!

Сержант старался изо всех сил.

– Прямо не знаю, что и сказать, сэр. Вряд ли он отправит... тело в море в моторной лодке, верно? Скорее сбросит... он сбросит его за борт... Иными словами... – Тут Губбинс смущенно умолк и поймал на себе сверлящий взгляд мистера Эмберли.

– Боже, нет, это невозможно! – сдавленным голосом произнес Фрэнк.

– Эй! – воскликнул вдруг сторож. – Мотора больше не слышать. Вырубил.

Эмберли резко вскинул голову. Действительно, тархтения мотора, которое ранее все удалялось и удалялось, теперь совсем не было слышно.

– Отроду таких чудачков не видывал, – заметил сторож. – От устья реки отошел совсем недалеко. И к чему ему тогда останавливаться, а?

Тут Эмберли вздрогнул, словно очнулся от сна. Быстро сел в машину, включил мотор.

– Вылезайте! – рявкнул он Губбинсу. – Вылезайте, сержант, быстро из машины! Эй, как вас там... Пибоди! Переправьте сержанта через речку. Вы должны взять этого человека, сержант. Стойте у «воксхолла», он вернется к своей машине. Господи Иисусе, да уберетесь вы отсюда наконец или нет?! – И Фрэнк вытолкнул Губбинса на дорогу.

«Бентли» тронулся с места, но сержант бежал рядом с машиной, крича:

– Все понял! Но вы-то куда, сэр?!

– За моторной лодкой! – крикнул в ответ Эмберли. – Девушка жива! Господи, ну неужели непонятно, дурень вы эдакий?!

В следующую секунду машина резко набрала скорость и скрылась из виду, оставив на дороге двух мужчин, изумленно смотрящих друг на друга.

Сторож сплюнул на землю:

– Тронутый на всю голову! С самого начала так и подумал.

Сержант собрался с мыслями.

– Скоро сам увидишь, тронутый он или нет. Ладно, пошли. Надо переправиться через речку. Давай, пошевеливайся!

«Бентли» с ревом мчался вдоль берега. Стрелка спидометра подползла к пятидесяти, затем – к шестидесяти и вот уже к семидесяти. До гавани было всего миля с небольшим, и Эмберли добрался до нее за полторы минуты. Ворвался на пристань, резко затормозил – так, что вся машина содрогнулась.

Какой-то мужчина в синей вязаной фуфайке запирал сарай. Поднял голову и удивленно уставился на Эмберли, выпрыгнувшего из машины. Мужчине показалось, что он видит перед собой безумца, сбежавшего из сумасшедшего дома.

– Я работаю на полицию, – заявил Эмберли. – Есть здесь у вас лодка, на которой можно немедленно выйти в море?

Моряк слышал, что с сумасшедшими лучше не спорить.

– Да, сэр, такая лодка имеется. Готова к отплытию хоть сейчас, – пробормотал он и попытался отойти в сторону.

Но его крепко схватили за руку.

– Послушайте! Недавно по речке выплыл в море на моторке один человек. Я должен догнать его. Вот вам десять фунтов, если доставите меня в море.

Моряк колебался, пытаясь ослабить хватку на своей руке. Десять фунтов – хорошие деньги, на дороге не валяются. Однако совершенно ясно, что этот джентльмен не в себе.

– Я что, похож на сумасшедшего?! – яростно напирал на моряка Эмберли. – Где тут самая быстрая лодка с наполненными баками?

Моряк попытался в темноте более отчетливо разглядеть лицо собеседника.

– Бог ты мой, а вы не тот ли настырный джентльмен, что приходил сюда утром и задавал разные вопросы!

– Он самый и есть. Ради бога, дружище, поторопитесь! Любая лодка, готовая отправиться в путь! Чем быстрее, тем лучше!

– Вы, что ли, детектив в штатском? – Моряк теперь смотрел на Фрэнка совсем по-другому, едва ли не с благоговением.

– Да, – не колеблясь, ответил Эмберли.

– Ну, есть тут одна гоночная моторка мистера Бенсона, и я точно знаю: баки полны наполовину. Он выходил на ней сегодня, вот только я не знаю, можно ли...

– Десять фунтов! – тут же напомнил Фрэнк.

– Вы в своем праве, сэр, но только отвечать будете сами! – заявил моряк и провел его к пристани.

Гоночная моторка стояла на якоре ярдах в пятидесяти. Моряк, видно, понял, что промедление действительно смерти подобно, и быстро повел за собой Эмберли к ступенькам. И меньше чем через минуту мужчины оказались в небольшой лодочке. Моряк отвязал ее от причала и взялся за весла.

Моторка была покрыта брезентом, его быстро сорвали. Моряк влез в нее и завел мотор.

– Еще теплый, сэр. Так что, можно сказать, вам везет.

Эмберли уселся за штурвал, и моторка устремилась вперед, прокладывая себе путь между суденышками, пришвартованными в гавани. Моряк, убедившись, что его пассажир знает, как управляться с лодкой, расслабился и при выходе из гавани резко прибавил скорость. За кормой вскипели белые валики пены, мотор взревел с новой силой.

Море серебрилось в лунном свете, на водной глади не было видно ни единого судна. Эмберли держал курс на юго-запад, к тому месту, где, по его расчетам, можно было перехватить более медленную лодку. Шли минуты, Фрэнку они казались часами. Уши закладывало от рева мотора; Эмберли знаком приказал моряку выключить его.

Тот повиновался. Наступившая тишина словно накрыла их на какой-то миг ватным одеялом. Лодка скользила вперед, начала немного раскачиваться. И тут Эмберли наконец различил звук, который так надеялся услышать. Откуда-то издалека доносилось поскрипывание весел в уключинах. Он снова взялся за штурвал и велел моряку заводить мотор. И их лодка снова устремилась вперед, слегка изменив курс.

Фрэнк шел этим курсом минут пять. Затем снова дал знак моряку выключить мотор. На этот раз поскрипывание было слышно уже вполне отчетливо.

– Она там! Вперед! – воскликнул Эмберли.

Снова включая мотор, моряк задумался: кто же может находиться в лодке, которую они преследуют, и захотел спросить об этом своего пассажира. Но перекричать шум мотора было невозможно, а потому пришлось ему довольствоваться собственными измышлениями на эту тему, однако он чувствовал – ни одна из версий не выглядит достаточно правдоподобной. Он то и дело косился на Эмберли, готовый исполнить любой новый приказ. И таковой не заставил себя долго ждать – мотор был снова выключен.

На этот раз кругом стояла полная тишина. Озадаченный моряк заметил:

– Вроде бы мы держали курс прямо на лодку. Куда она подевалась? Что случилось?

Эмберли извлек из кармана фонарь. Мощный луч осветил морскую гладь, описал круг. Луч пронзал темноту ярдов на двести, однако ничего, кроме серебристых гребешков волн, разглядеть не удалось.

– Быстро! Заводи! – вдруг крикнул Эмберли. – Скорость вполовину!

И моторка закружила по водной глади, луч фонаря описывал дугу света впереди. Затем моряк услышал, как пассажир произнес сдавленным голосом:

– Слишком поздно... Господи, я опоздал!..

Ходит и ходит по кругу. Нет, все-таки он сумасшедший, подумал моряк. А Фрэнк, впившись пальцами в штурвал, стоял и всматривался туда, где над водой показался какой-то темный предмет.

– Врубай на полную! – рявкнул он. – Живо! Она тонет!

– Господи Иисусе! – выдохнул моряк, совсем не готовый к такому повороту событий. – Тонет?

– Да шевелись же, черт тебя побери!

Моторка быстро набрала скорость. Теперь они вполне отчетливо видели лодку. Кормовая ее часть уже наполовину погрузилась в воду.

Гоночная лодка быстро приблизилась к ней.

– А теперь полегче! – скомандовал Эмберли. – Стоп!

Шум мотора стих, моторка закачалась на волнах всего в нескольких футах от обнаруженной лодки.

Та была наполовину наполнена водой. Эмберли бросил фонарь, чтобы освободить обе руки, но затем в лунном свете увидел то, чего так опасался. В лодке из воды выступало белое лицо, нижняя его часть была обмотана шарфом.

– Господи прости и помилуй! – простонал моряк. – Да это женщина!

Эмберли нагнулся и подхватил Ширли на руки. Она показалась ему страшно тяжелой. К телу прикреплен груз, догадался он.

Фрэнк тихо прошептал:

– Все в порядке, теперь все хорошо, Ширли, бедное дитя мое. – А потом обернулся и крикнул через плечо: – Нож сюда, быстро!

Моряк, держась за поручень одной рукой, выудил из кармана складной нож и протянул Эмберли. Тот открыл его, наклонился, опустил руку в воду, заполнявшую лодку. Рука его нащупала что-то твердое, обмотанное вокруг талии Ширли; через секунду он понял – это звенья железной цепи и шнур, скрепляющий ее, и резанул по шнуру ножом. И вот через секунду Фрэнк уже держал Ширли в своих объятиях, затем осторожно опустил ее на дно моторки. Лицо девушки покрывала смертельная бледность, но глаза были широко открыты, а взгляд, устремленный на него, странно неподвижен. Запястья рук и лодыжки крепко связаны, все тело сотрясает сильная дрожь.

Эмберли размотал шарф и вынул изо рта Ширли кляп; затем достал из кармана флягу и поднес к ее посиневшим губам; бережно придерживая за плечи, приподнял голову девушки.

– Вот, выпей, Ширли. Хотя бы глоток. Я развяжу тебя, но сначала выпей... Умница, хорошая девочка. А теперь надо доставить ее на берег, и как можно быстрее. Слышите, как вас там?..

– Да, сэр, понял, сэр. Будет сделано. Можете на меня положиться. – И моряк взялся за штурвал, направляя моторку к берегу.

Эмберли опустился на колени возле Ширли и перерезал веревки на ее руках и ногах. На запястьях остались глубокие отметины, но на губах девушки появилась неуверенная улыбка.

– Вы... как всегда... вовремя, – пробормотала она, стуча зубами. – С-с-спасибо.

Глава девятнадцатая

Близость страшной и неминуемой смерти, безусловно, сказала на Ширли. После глотка бренди синеватый оттенок исчез с ее губ, но на всем пути к порту она пребывала в полубессознательном состоянии.

Эмберли мало что мог для нее сделать. Сорвал с себя пальто и прикрыл им Ширли, но ее одежда все равно оставалась промокшей до нитки, а кожа была страшно холодной на ощупь. Тогда он принялся растирать ей ступни и руки; она лежала неподвижно с закрытыми глазами, длинные слипшиеся ресницы отбрасывали на щеки темную тень.

Моряк, восплаивший симпатией к Эмберли, наклонился и прокричал ему в ухо:

– Кто это сделал?! – Но ответа не получил и, удрученно покачав головой, признался: – Надо же! А я поначалу принял вас за психа.

Невдалеке от пристани находился небольшой паб. И, как только моторка причалила, Эмберли подхватил Ширли на руки и понес в это заведение в сопровождении моряка. Встретила их владелица, яркая блондинка невероятной толщины. Вышла из-за барной стойки

и, несмотря на свои габариты, проявила удивительное проворство, тут же оценила ситуацию и перешла к активным действиям. Моряк, обрадовавшись возможности поделиться новостями хоть с кем-то, принялся во всех подробностях описывать посетителям историю спасения бедной девушки. Эмберли уложил Ширли на диван, набитый конским волосом, стоявший в прихожей.

– Слава Богу, жива! – сказала толстуха, затем предложила Эмберли отнести пострадавшую наверх. А потом прокричала кому-то, живущему по крайней мере в миле от паба, быстро принести ведро угля, и затопала по лестнице, сделав Фрэнку знак следовать за ней.

Он понес Ширли наверх и уложил ее, следуя указаниям владелицы заведения, на большую кровать красного дерева в спальне, где немного попахивало плесенью. Толстуха сообщила, что он здесь больше не нужен, и Эмберли вышел, окончательно убедившись, что девушка теперь в надежных руках.

Внизу он увидел моряка, тот снова рассказывал посетителям бара свою историю, не упуская ни малейшей подробности. Он категорически отказался принять две банкноты по пять фунтов, которые Эмберли извлек из бумажника, но все же позволил ему после недолгого спора себя уговорить. Фрэнк оставил его как раз в тот момент, когда моряк, проявив удивительную щедрость, предложил всем выпивку за свой счет. Скорее всего, подумал Эмберли, гулянка затянется надолго, и все эти люди не скоро выйдут на улицу. Оставалось лишь надеяться, что подвыпившего моряка не загребут в полицию.

«Бентли» стоял на том месте, где он его оставил, возле пристани. Эмберли сел в машину и поехал обратно к речке. Шел уже девятый час вечера, становилось прохладно. Пальто промокло, и от этого было еще холоднее; Фрэнк снял его и бросил на заднее сиденье.

Он быстро, но без нарушений вел машину и вскоре подъехал к дому сторожа. И, едва успел нажать на тормоза, как дверь распахнулась и навстречу ему выбежал сержант.

– Слава Богу, сэр, а то я уже стал беспокоиться! Вас не было больше часа. Ну что, удалось догнать лодку? И вообще, где вы пропадали, сэр?

– В пабе, – ответил Эмберли. Он понемногу приходил в себя.

Губбинс не смог сдержать эмоции:

– Ах, вот оно что, сэр! А я тут с ума схожу! Что ж, очень мило с вашей стороны, сэр.

– Ну что, взяли его?

– Нет, – с горечью ответил сержант. – Не удалось. И знаете, почему? Да просто потому, что этот придурок, этот идиот несчастный, забыл залить горючее в баки своей моторки. – Только тут он заметил, что Эмберли выглядит уже не так мрачно. – Бог ты мой, сэр, так вы скажете наконец, удалось вам найти ее или нет?

– О да. Я ее нашел. И сейчас она в пабе, о котором я вам уже говорил.

– Жива, сэр? – осторожно спросил сержант.

– Жива, хоть и очень слаба. И мне не терпится выслушать ее историю.

Сержант растрогался и пожал Фрэнку руку.

– Уж и не помню, когда я так радовался чему-то, мистер Эмберли! Вы настоящее чудо, сэр, да, самое настоящее чудо, вот что я вам скажу!

Фрэнк рассмеялся:

– Перестаньте, Губбинс! Вы просто в краску меня вгоняете. Лучше расскажите, что произошло с вами.

Радостная ухмылка тотчас исчезла с лица сержанта, ее сменило выражение крайнего отвращения.

– Да, хороший вопрос, сэр! «Моторка ждет!» Ждать-то она ждала – вот только ни капельки горючего! Когда вы сорвались с места и вышли в море, я схватил этого Пибоди за грудки и сказал, чтобы он пошевеливался. Ну вот, мы с ним и отправились вверх по речке, вдвоем, туда, где, как он сказал, у него стоит наготове моторка. У Пибоди была припасена и маленькая гребная лодка, на которой мы должны были добраться до той моторки. Лично мне совсем не нравятся эти шаткие лодчонки, на крупных мужчин, как я, они не рассчитаны. Но

что поделаешь, долг есть долг, и я в нее забрался. Пибоди сел на весла, стал подгребать к этой самой моторке, но устроил по дороге целое представление, отпуская скабрзные шутки о разных там толстяках, чего я терпеть не могу. Не привык, чтоб со мной так разговаривали, и никогда не смирюсь! Эти шуточки, они, знаете ли, не способствуют, сэр, нет. Короче, подплыли мы к моторке, встали рядом. И этот тупоголовый баран даже не предупредил меня, когда я стал перелезать в моторку, только потом вспомнил, что забыл заправить ее горючим. Да, можете смеяться сколько угодно, сэр! Не сомневаюсь, вам бы понравилось такое зрелище – крупный мужчина перелезает из одной лодки в другую, а утлая лодчонка так вся и ходит ходуном, качается, подпрыгивает на волнах и ускользает из-под ног. И все благодаря этому идиоту, который даже не озаботился хоть немного, с полминуты, придержать ее!

– Боюсь, что Пибоди решил немного поиграть с вами, сержант.

– Если б тогда мне пришло такое в голову, – вскипел Губбинс, – не знаю, сэр, что бы я с ним сделал! Хоть я по натуре человек сдержанный, сэр. Даже очень сдержанный, точно вам говорю. Ну, короче, он вдруг вспомнил, что не залил горючее, как я уже говорил, и мне пришлось перебираться обратно, из моторки в лодку. И я так и не понял, сэр, что хуже – выбираться из этой скорлупки или снова садиться в нее. Как бы там ни было, но я в ту лодчонку перелез и велел этому кретину Пибоди пошевеливаться и быстро грести к пристани. В тех обстоятельствах это было лучшее решение, сэр, поскольку от моторки проку нет, а переправляться через речку все равно надо. Не стану повторять, что ответил мне на это Пибоди, потому как повторять всякие мерзости просто не стоит, но...

– Я сказал, – перебил его вдруг язвительный мужской голос, – что не нанимался грести через весь этот долбаный ручей, и больше ничего такого не говорил.

Сержант резко развернулся и увидел в дверях Пибоди.

– С меня довольно! Я не потерплю такого бесстыдства! Будь у меня время, я бы занялся тобой вплотную, ведь ты нарушил закон!

Пибоди, явно напуганный, тотчас удалился.

Губбинс повернулся к Эмберли:

– Не обращайтесь на него внимания, сэр. Он того не стоит.

– Мне хотелось бы знать вот что. Вы случайно не заметили: в тот момент, когда вы были у пристани, кто-то подплывал к ней?

– Как раз собирался затронуть эту тему. И да, так сказать, и нет, сэр. Когда мы еще только подплывали к пристани, я увидел: вроде бы какой-то человек выбирался из лодки, похожей на ту, в которой я находился. Потом он стал привязывать ее к одному из столбов. Вы, сэр, наверное, будете недовольны мной, потому как в кармане у меня лежал фонарь, довольно мощный. Но тогда я подумал: этот малый не видел нашу лодку, а потому не знает, что мы его преследуем. Если б я включил фонарь и направил луч ему в физиономию, посмотреть, кто это, он бы сразу все понял и удрал бы со скоростью молнии прежде, чем я успел бы добраться до берега. Нет, сказал я себе, еще спугну чего доброго. Лучше затаиться и проследить за этим малым, заставив кретина Пибоди грести что есть сил. Короче, так я и сделал, сэр. Но, как только мы оказались у причала, я услышал: кто-то заводит мотор машины, вон там, за бунгало, а минуту спустя увидел хвостовые огни. И машина эта, если верить Пибоди, направлялась по дороге на Лоучестер.

– Жаль. Но в целом, сержант, думаю, вы поступили правильно.

– Так и знал, что вы снимете тяжесть с моей души, сэр, – растроганно произнес Губбинс. – А раз молодая леди жива, она нам точно скажет, кто преступник. Если, конечно, мы с вами, мистер Эмберли, уже не догадались, кто он такой.

– А мы догадались, сержант?

– Да будет вам, сэр, будет! – укоризненно покачал головой Губбинс. – Или забыли, что я сказал вам, когда застрелили Альберта Коллинза?

– Нет, не забыл. Что-то еще?

– Да, сэр. Один отпечаток ноги, один отпечаток шины. И чем скорее я доберусь до

местного полицейского участка, тем лучше. Потому как нам непременно надо взять этого типа. Большой такой отпечаток, больше, чем я предполагал.

– Вы просто бесценный человек, сержант. И вас следует немедленно доставить в полицейский участок. Садитесь!

Обрадованный похвалой, Губбинс запрыгнул в машину:

– Что ж, я сделал все, что мог, сэр. Надеюсь, преступник будет арестован в самом скором времени.

– Вы сами арестуете его, сержант. И, по-моему, вы заслуживаете повышения в звании за это дело. Жаль только, что я не видел, как вы перебирались в моторку.

– Да уж, несколько не сомневаюсь в этом, сэр, – вздохнул Губбинс. – Но может, вместо того, чтоб подтрунивать надо мной, вы все же скажете мне, сэр, кого я все это время преследовал?

– А я думал, вы уже и сами догадались. – Эмберли слегка приподнял брови.

– И все же есть у меня сомнения, – признался сержант. – Когда я поделился с вами соображениями об этом Бейкере, то есть я хотел...

– Он работает на меня, – прервал его Фрэнк.

Сержант сглотнул слюну, но тут же снова обрел уверенность и произнес даже с каким-то вызовом:

– Именно это я и собирался сказать, если б вы не перебили меня, сэр. Я сразу все понял, точно вам говорю.

Мистер Эмберли усмехнулся:

– Вот как? Но тогда вы, должно быть, поняли, кто настоящий преступник, верно?

– Послушайте, сэр! Если не Бейкер, то это может быть любой другой человек, да кто угодно, пусть даже сам мистер Фонтейн.

– Ну наконец-то! – снова усмехнулся Фрэнк. – Конечно, Фонтейн.

– Да, вот только никак в толк не возьму, зачем ему понадобилось похищать и убивать юную леди?

– Просто потому, что она доводится ему кузиной.

– О!.. – протянул сержант. – Потому, что она его кузина... Ну конечно, это все объясняет, не так ли, сэр?

– Объясняет. Просто как дважды два.

Губбинс все еще пытался вычислить в уме, сколько это будет, когда машина подкатила к полицейскому участку. Эмберли оставил его там, а сам поехал в гостиницу у пристани.

Златокудрая владелица заведения встретила его хорошими новостями: бедная молодая леди согрелась и как раз сейчас пьет горячий куриный бульон. Мистер может подняться к ней, если, конечно, того пожелает.

Ширли, буквально утонувшая в просторном халате владелицы и укутанная в бесчисленные шали, сидела на полу перед огромным камином, в котором пылал огонь, пила из чашки горячий бульон, а заодно сушила короткие вьющиеся волосы. Решительный стук в дверь сразу подсказал, кто пришел ее навестить, и она откликнулась довольно робко:

– Войдите.

Эмберли вошел и притворил за собой дверь. Приблизился к камину и с улыбкой посмотрел сверху вниз на Ширли:

– Итак, мисс Ширли Браун, я застал вас в довольно затруднительном положении, верно?

Она усмехнулась, пожала плечами.

– Пожалуйста, прошу вас, не надо! – А потом подняла на него испуганные глаза. – Я, должно быть, выгляжу совершенно ужасно?.. Присядете? Я... я даже еще не успела поблагодарить вас...

Он уселся в кресло с бархатной обивкой, на которое она указала.

– О нет, отчего же, вы поблагодарили. Должен заметить, манеры ваши значительно улучшились. И вы успели поблагодарить меня, правда, всего раз.

– Разве? – улыбнулась девушка. – Что-то не припоминаю. Когда я услышала другую моторку... сразу так и почувствовала, это вы. А ваш... ваш полицейский рассказал, что случилось?

– Такер? О нет, он ничего не понял. Извините за то, что приставил к вам такого бестолкового стража. Просто интуиция на этот раз подвела. А вот Билл проявил себя молодцом – прыгнул в кухонное окно. Я оставил его на попечение Такера.

– Как это мило с вашей стороны, что вы позаботились о Билле. – Ширли еще больше застеснялась.

– Я вообще очень мил, – насмешливо и холодно заметил Эмберли.

Девушка рассмеялась и покраснела:

– Да. Я... заметила.

– Не хотелось беспокоить вас, но меня крайне интересует одна вещь. Что вы сделали со своей половиной?

Она удивленно уставилась на него:

– С моей... половиной?

– Только не говорите мне, что она при вас.

– Нет, – пробормотала Ширли, по-прежнему не сводя с него изумленного взгляда.

– Тогда где вы ее спрятали? Может, просто оставили, как, кстати, оставили пистолет в коттедже «Плющ»? Соберитесь, постарайтесь вспомнить, это очень важно. Ведь ваш несостоявшийся убийца знал, что она у вас. Фелисити проболталась, черт бы ее побрал!

– Фелисити? Но она-то как узнала?

– Фелисити ничего не знала. Просто вспомнила, что мой дядя забыл книгу у вас в гостинице в тот день, когда возвращался от Фонтейна. Вспомнила и проболталась.

Ширли спрятала лицо в ладонях, затем откинула волосы со лба.

– Нет, просто в голове не укладывается! Не могу понять, как вы узнали о книге. Кто-то сказал вам, да?

– Никто мне ничего не говорил. Следует отдать должное моему умению мыслить логически, девочка моя дорогая. Грейторн дважды подвергался разбойному нападению, и преступник искал именно книгу. Естественно, я предположил, что Коллинз выбрал ее тайником. Вот только в книге ничего не оказалось. И благодаря вашему глупому упрямству и скрытности я долго гадал над тем, где же ваша половинка. И только сегодня услышал, что, оказывается, дядя оставлял книгу буквально на десять минут в гостинице «Голова вепря».

Ширли заговорила, точно в трансе:

– Под корешком, в том месте, где немного отошли стежки... Я нашла ее совершенно случайно... Но толку теперь от этого все равно нет. Коллинз убит, а вторая половинка была у него. Так что все бесполезно.

– Напротив, половинка Коллинза была в книжке.

– Да, знаю, но сам-то он нашел половинку Доусона.

– Страшно не хочется спорить с вами, но ничего подобного он не делал. Половинка Доусона у меня.

– У вас?! – выдохнула Ширли. – Так она у вас?! Но... как же вы узнали о ее существовании? Где нашли?

Эмберли улыбнулся:

– Достал из ящика одного старинного высокого комода. Уже догадались, какого именно?

Она покачала головой:

– А я-то думала, что Коллинз ее взял. Вас и не подозревала. Так вы с самого начала знали, где?

– Нет. Просто последовал за вами из холла, когда вы в первый раз пустились на поиски. И вас тогда спугнул Коллинз. А я остался и принялся обследовать комод. И нашел половинку завещания Доусона в том самом ящике. Это подтвердило все мои подозрения.

– Где же вы были?! – воскликнула она. – Я вас не заметила. Нет, это просто

невероятно! Я убедилась, что Коллинз вернулся к комоду, опередил меня. Видела это собственными глазами!

– Я стоял в арке, укрылся за длинной шторой. А когда вы с Коллинзом вместе пошли по коридору, предпринял меры предосторожности, спрятался в ближайшей спальне. Все очень просто.

Девушка смотрела на Фрэнка, недоуменно моргая.

– Но каким же образом вы узнали, кто я такая? Ведь тогда леди Мэттьюз еще меня не видела, так что никак не могла вам сказать.

Эмберли был заинтригован.

– Тетушка Мэрион? Так вы что же, хотите сказать, она знала?

Ширли кивнула.

– И потому вы доверились именно ей, а не мне. Все ей рассказали! – укоризненным тоном произнес он.

Ширли принялась пылко отрицать это обвинение:

– Ничего я не говорила! Она поняла сразу, как только увидела меня. И только сегодня сказала, когда я попросила ее передать, что хочу встретиться с вами. Дело в том, что я просто копия своего отца. Вот она и узнала.

– Узнала? – недоверчиво усмехнулся Эмберли. – А она, оказывается, весьма проницательная особа, наша тетя Мэрион. Лично у меня подозрения вызвал один портрет, висевший в коридоре особняка. Поразительное сходство! Однако вы так и не сказали... Очень хотелось бы знать, что вы сделали со своей половинкой?

– Положила ее в конверт и отправила по почте леди Мэттьюз; сегодня днем, как раз перед тем, как пойти в коттедж «Плющ». Просто ничего другого в голову не пришло.

– Слава Богу! Пока это единственный ваш разумный поступок. – Фрэнк взглянул на часы. – В любой момент может появиться мой друг сержант Губбинс. И он потребует от вас объяснений, что, полагаю, займет немало времени. А потому, пока он еще не пришел, хочу задать вам один вопрос. И мне нужен простой и ясный ответ на него. Вы согласны выйти за меня замуж?

Казалось, что Ширли не поняла смысла этих слов. Сидела и смотрела на него, изумленно округлив глаза. А когда наконец обрела дар речи, пробормотала растерянно:

– Но ведь я вам совсем не нравлюсь!

– Да, бывали моменты, когда мне больше всего на свете хотелось задушить вас!

Девушка рассмеялась.

– Нет, вы просто невозможны! И с чего это вдруг вы решили жениться на мне?

– Сам не пойму. Но хочу.

– Но вы же сами говорили мне, что я вам страшно не нравлюсь! – продолжала стоять на своем Ширли.

– Зачем на этом заикливаться? Да, вы мне совсем не нравитесь. Вы упрямы, самонадеянны и скрытны просто до омерзения. У вас отвратительные манеры, вы самая настоящая маленькая стерва. Но я почему-то просто боготворю вас. – Он подался вперед, взял ее за руки, притянул к себе. – И еще, подозреваю, что влюбился в вас с первого взгляда.

Она попыталась вырваться.

– Ничего подобного. Все это время вы относились ко мне... просто ужасно!

– Может, и ужасно, – поспешил согласиться с ней Фрэнк. – Но если б я не влюбился в вас с первого взгляда, почему тогда, черт побери, не донес на вас в полицию, а?

И тут Ширли вдруг оказалась на ногах и осознала, что Эмберли стоит совсем близко. Она совершенно не понимала, как это получилось; Ширли вовсе не разрешала ему поднимать себя с пола. И тогда она принялась внимательно изучать узор на его галстуке, а потом тихо пролепетала:

– Совсе не уверена, что хочу выходить замуж за человека, который считает меня невозможной особой.

Эмберли сжал ее в объятиях:

– Милая, славная моя! Я считаю вас просто восхитительной!

Ширли вдруг поняла, что одно из ее ребер сломано, но она не делала никаких попыток высвободиться из этих крепких и страстных объятий, от которых, казалось, весь дух так и вышел вон.

Тут от двери донесся голос сержанта – извиняющийся, но нельзя сказать, что неодобрительный:

– Прошу прощения, конечно, но я стучал, причем целых два раза.

Глава двадцатая

Было уже одиннадцать, когда леди Мэттьюз, раскладывая в гостиной пасьянс, вдруг услышала звук мотора «бентли», который ни с чем нельзя было спутать. Машина въезжала во двор. Муж и дочь, долго и бесплодно уговаривавшие ее рассказать, что все-таки произошло, испустили вздох облегчения.

Леди Мэттьюз подняла глаза от карточного стола:

– Прекрасно. Все получилось, сошлось три раза подряд. Интересно, догадался ли он привезти ее сюда.

Они слышали шаги дворецкого в прихожей, затем – звук отпираемой двери. И вот несколько секунд спустя в гостиную вошла Ширли в каких-то странных одеяниях, явно с чужого плеча, а следом за ней появился Эмберли.

Леди Мэттьюз поднялась им навстречу.

– Так и знала, что все будет в порядке, – умиротворенно произнесла она. – Я так рада, дорогая! Ты уже успела сказать Фрэнку?

Ширли нежно взяла ее за руки:

– Он знал. Наверное, я вела себя очень глупо. Во всяком случае, он так сказал.

Сэр Хамфри, нацепивший очки, чтобы лучше ее разглядеть, недоуменно покосился на племянника.

Эмберли усмехнулся.

– Что, любуетесь нарядом Ширли? Очень мило, не правда ли? Это одеяние принадлежит владелице паба в Литтлхейвене. Не будете столь добры пройти в кабинет прямо сейчас? Я отвел туда сержанта. Ему нужен ордер на арест Фонтейна.

– Мне никогда не нравился этот человек, – заметила леди Мэттьюз.

– Арестовать Фонтейна?! – недоуменно воскликнул сэр Хамфри. – Господи, спаси и сохрани мою грешную душу! Но на каком основании?

– Ну во-первых, за покушение на убийство. Сержант расскажет вам об этом. Тетя Мэрион, вечернюю почту приносили?

– Конечно, Фрэнк. – Она достала из корзины для рукоделия конверт и покосилась на Ширли. – Я могу отдать его Фрэнку, дорогая?

– Да, пожалуйста.

Эмберли взял конверт, вскрыл. И перед тем как вынуть содержимое, лукаво покосился на леди Мэттьюз:

– А что там такое, тетя Мэрион?

Леди Мэттьюз подхватила Ширли под руку и подвела к камину:

– Скорее всего завещание Джаспера Фонтейна.

– Как это вас еще до сих пор не сожгли на костре? Теперь окончательно ясно: вы самая настоящая колдунья. Но здесь лишь половинка завещания.

– Что ж, вот вам и ответ на все вопросы, – сказала леди Мэттьюз. – Пожалуй, лучше склеить их. У нас где-то была липкая лента. Дитя мое дорогое, неужели этот негодяй и вправду пытался тебя убить? Пожалуй, тебе лучше присесть.

Эмберли достал из конверта обрывок бумаги и положил его на карточный стол. Затем взял свою записную книжку и извлек из нее похожий листок.

– Вы, тетушка, как будто ничуть не удивлены, что вторая половина завещания оказалась у меня.

Леди Мэттьюз подбросила в камин полено.

– Если бы она оказалась не у тебя, мальчик мой дорогой, я бы просто не смогла себе представить, чем ты занимался все это время.

– Что верно, то верно. – Эмберли подошел к письменному столу. – Так где у вас липкая лента? Может, в ящиках посмотреть?

– Будь любезен. Там целые горы счетов. Но я точно помню, лента тоже должна быть. Фелисити, дорогая, скажи Дженкинсу, пусть принесет молодым людям поесть. И еще бургундского. Ну, он знает.

Фелисити наконец обрела дар речи:

– Если кто-то из вас немедленно не расскажет, что все это значит, у меня начнется истерика! Чувствую, я уже на грани! Кто вы такая на самом деле, Ширли, как оказались здесь, почему на вас эти чудовищные тряпки и... О, что тут вообще происходит?!

– Не стоит беспокоить ее сейчас, дорогая. Она внучка Джаспера Фонтейна. И еще она собирается замуж за нашего Фрэнка. Чудесная пара! Однако я забыла поздравить Ширли. Или я должна поздравлять только Фрэнка? Что-то я совсем запуталась.

Тут к столу подошел Эмберли, в руках у него была липкая лента.

– Так вы и впрямь колдунья, да, тетя Мэрион?

– Ничего подобного, Фрэнк. Это же сразу видно: все влюбленные и помолвленные пары выглядят одинаково. Фелисити, поднос с едой и бургундское!

Тут вмешалась Ширли:

– Я очень проголодалась, но, умоляю вас, леди Мэттьюз, не надо бургундского! Мистер Эм... то есть, я хотела сказать, Фрэнк, влил в меня добрую кварту бренди, когда спасал. И я просто больше не в силах...

– Делай, что тебе говорят, – перебил ее Эмберли. – Бренди было два часа назад. А после, я думаю, сразу в постель. Правильно, тетя Мэрион?

Фелисити, которая только что вернулась в комнату, подошла к креслу, где сидела Ширли, и крепко взяла ее за руку.

– Идем со мной. Размер у нас примерно одинаковый. Просто не могу больше видеть тебя в этих отвратительных тряпках: мне становится больно.

– Она скоро ляжет спать, – возразил кузине Эмберли.

Но Ширли благодарно взглянула на Фелисити и поднялась с места:

– Не собираюсь ложиться: спала на всем пути к дому. И ни капельки не устала. Но просто мечтаю избавиться от этой одежды.

– Может, ты и думаешь, что не устала, – начал было Эмберли, – но...

– Ах, да замолчи ты, Фрэнк! – перебила его кузина. – Ну о какой постели может идти речь, ведь она так переволновалась, бедняжка. Идем, Ширли, не обращай на него внимания. Он осел и ничего не понимает в женщинах!

Эмберли, совершенно сраженный этим высказыванием, сдался.

Десять минут спустя к дверям дома подкатила еще одна машина, и Дженкинс, с выражением плохо скрываемого неодобрения на лице, пошел открывать. Прибыл инспектор Фрейзер.

Инспектора обуревали самые противоречивые чувства. Он страшно злился на Эмберли, поскольку тот все это время держал его в неведении о ходе дела, и испытывал восторг при мысли о том, что сейчас ему предстоит произвести сенсационный арест. А потому выражался он сухо и официально и не преминул отметить, что расследование проведено из рук вон скверно. Не по правилам. А затем спросил Эмберли, который стоял перед камином и просматривал вечернюю газету, не желает ли он сопровождать полицию в особняк Нортон.

– Сопровождать вас в особняк Нортон? – удивленно повторил Эмберли. – Но зачем?

– Вы ведь активно участвовали в расследовании этого дела, – с отвращением произнес инспектор. – Вот я и подумал, что, может, вам захочется, так сказать, лично произвести арест.

Эмберли доброжелательно взглянул на него:

– Нимало не сомневаюсь, вы и из ареста устроите черт знает что. Но моими стараниями цель достигнута. Я преподнес вам это дело на блюдечке. Вам остается довести его до логического завершения.

Инспектор попытался было что-то ответить, но, поймав на себе суровый взгляд сэра Хамфри, быстро вышел из комнаты.

Когда обе девушки спустились вниз, стол в гостиной был накрыт к ужину – весь уставлен разными вкусностями, специально для Ширли. Сразу стало ясно, что Фелисити удалось выудить у нее все подробности – глаза у любопытной девушки до сих пор были круглыми от изумления. Она не пожалела для Ширли самого нового и лучшего своего платья – похоже, что помолвка кузена получила с ее стороны полное одобрение.

Три четверти часа спустя они услышали, как к дому подъезжает еще одна машина. К этому времени Ширли поужинала и заявила, что теперь она в состоянии спокойно рассказать о событиях минувшего дня. Но сэру Хамфри не терпелось выслушать объяснения племянника по поводу того, что же произошло со времени убийства Доусона. Даже леди Мэттьюз стала настаивать, чтобы Фрэнк наконец рассказал им все. Как она выразилась, до настоящего момента все это напоминало картинку-загадку. Видишь только то, что изображено на каждом отдельном фрагменте, а вот составить общую картину никак не получается.

Услышав, что подъехала машина, сэр Хамфри раздраженно зацокал языком. Чего не сидится людям? Неужели нельзя наконец оставить его семью в покое?

– Думаю, это инспектор, – сказал Эмберли. – Он меня недолюбливает, тем не менее счел своим долгом сообщить об аресте.

Однако это оказался вовсе не инспектор, а мистер Энтони Кокрейн, следом за которым вошел сержант Губбинс.

– О! – воскликнул Фрэнк. – Ну, что еще случилось?

Энтони выглядел как-то странно.

– Прошу прощения, леди Мэттьюз. Но я просто в шоке. Послушай, Эмберли, это ужас какой-то! То есть я хотел сказать, Джоан... она оказалась среди всего этого... Чудовищно! Я оставил ее на попечение экономки, но должен вернуться, и как можно скорее. Заодно захватил с собой сержанта, пусть доложит. Этот парень вышиб себе мозги!

В комнате воцарилась гробовая тишина. Затем Фрэнк принялся набивать трубку табаком.

– Так и думал, что Фрейзер устроит там какую-нибудь чертовщину, – проворчал он. – Так что случилось, сержант?

Тут вмешалась леди Мэттьюз, сама любезность:

– Да вы присаживайтесь, сержант. Должно быть, страшно устали. Все, что ни делается, к лучшему, уверена в этом. Больше никаких скандалов. С Бэзилем Фонтейном, я хотела сказать.

Губбинс поблагодарил ее и присел на краешек стула с высокой прямой спинкой, сжимая в руках шлем. Фелисити забрала у него этот головной убор и положила на стол. Он и ее тоже поблагодарил, но, похоже, не знал, куда теперь девать руки.

– Итак, что произошло? – нетерпеливо спросил Эмберли.

– Испоганил все дело этот инспектор, вот что.

– Послушайте, сержант, ну что вы все время смотрите на шлем? Никуда он не денется. Итак, что случилось? Давайте по порядку.

Губбинс глубоко вздохнул:

– Ну, мы, сэр, поехали в этот самый особняк, я и инспектор. И еще прихватили с собой двух констеблей. Нас впустил человек по фамилии Бейкер. О котором мы уже были

наслышаны.

– Кстати, как его имя, Фрэнк? – вмешалась леди Мэттьюз. – Что-то я не припоминаю.

– Питерсон. Не думаю, что вы когда-нибудь видели его, тетя.

– Представь себе, видела, дорогой. Как-то была в Лондоне и заглянула к тебе на квартиру, когда тебя не оказалось дома. У меня прекрасная память на лица. Извините, что перебила, сержант.

– Ничего страшного, миледи, – заверил ее Губбинс. – Так вот, прибыли мы в этот особняк, и Питерсон проводил нас в библиотеку, где сидели мистер Фонтейн и мистер Кокрейн. Мистер Фонтейн был прямо сам не свой, но, увидев инспектора, и бровью не повел. Нет, кто угодно, только не он. Инспектор показал ему ордер, сказал, что арестует его по обвинению в покушении на убийство мисс Ширли Фонтейн, известной как Браун. Фонтейн передернулся, но все равно держал хвост пистолетом. Ну, тут я подмигнул инспектору – дескать, самое время надеть на него наручники. Но к сожалению, мистер Фрейзер не понял моего намека или сделал вид, что не понял, и, вместо того чтобы надеть на Фонтейна браслеты, а уж потом говорить, принялся объяснять, как все происходило, и что, мол, лично ему удалось раскрыть это дело. Короче, пустозвон он, вот кто. А когда инспектор объявил, что молодая леди спасена, Фонтейн тут же смекнул, что положение его безнадежное. Странное дело, сэр, но как только он услышал об этом, то испустил вздох облегчения. Мне показалось, что Фонтейн даже обрадовался. «Я не хотел, чтоб так получилось, – сказал он. – Просто вынужден был. Прошел через настоящий ад». А потом и говорит: «Чертовски рад, что все наконец закончилось». Прошу прощения, леди, за грубое слово, но он выразился именно так. Ну а потом еще и говорит: «Я пойду с вами, но должен кое-что захватить с собой». И идет к письменному столу. Мне, конечно, не по чину было воспротивиться этому, когда инспектор рядом, но я не сдержался. «Стойте, где стоите! – говорю ему я. – Мы сами достанем нужную вам вещь». А инспектор сразу гаркнул на меня, что не мое это дело и чтоб я не смел его учить, как себя вести. И все это в присутствии двух констеблей! Он, конечно, потом пожалел, что взял их с собой, потому как вскоре, на разборке с начальником полиции, они станут свидетелями, расскажут все, как было... Ну так вот. Подходит, значит, Фонтейн к письменному столу. Да любой дурак мог бы догадаться, что он замыслил! Открывает ящик, и не успели мы и ахнуть, как Фонтейн достает пистолет, приставляет ствол к виску и вышибает себе мозги!

– А Джоан, – вставил Кокрейн, – стояла в это время в дверях.

– Мне страшно жаль, – пробормотал Эмберли.

– Мне тоже, – сказала Ширли. – Знаю, что Джоан Фонтейн здесь совершенно ни при чем. Не хотелось бы, чтоб бедняжка страдала.

– Ну если уж речь зашла о Джоан, – самоуверенно заметил Кокрейн, – не думаю, что она будет так уж страдать. То есть я хотел сказать, Бэзил доводился ей не родным братом, а сводным. И она никогда не скрывала, что не очень-то с ним ладила. Нет, конечно, для нее это шок, жуткое зрелище и все такое, но я увезу ее из этого особняка, и все наладится. – Тут в голову ему пришла новая мысль: – Подождите... Получается, что теперь особняк принадлежит вам, я правильно понимаю?

Ширли неуверенно ответила, что, наверное, так оно и есть.

Мистер Кокрейн сразу повеселел.

– Что ж, это даже к лучшему. Лично я просто не переносил этого проклятого дома! Однако до сих пор так и не понял: за что убили Доусона и Коллинза? Какое они имели ко всему этому отношение? Давайте же, сержант, объясните! Похоже, вы все знаете. Раскройте нам тайну!

Губбинс заметил, что куда лучше это сделает мистер Эмберли. Тот необычайно вежливо попросил сержанта не скромничать.

Полицейский кашлянул и окинул его укоризненным взглядом:

– Я не большой мастер говорить, сэр. Ну и потом, боюсь, два момента так и остались для меня неясными.

– Фрэнк расскажет нам все, – заявила леди Мэттьюз. – Пусть кто-нибудь даст мистеру Кокрейну выпить. И сержанту – тоже. Или вам нельзя, сержант?

Губбинс призадумался. Можно, конечно, сослаться на то, что сейчас он не при исполнении, причем уже с шести вечера.

Эмберли прислонился спиной к камину и смотрел на Ширли сверху вниз, та сидела на диване рядом с леди Мэттьюз.

– Не думаю, что могу поведать вам всю историю, – начал он. – Есть тут пара моментов, о которых сержанту лучше не знать и не слышать. Или моему дяде...

– Но Фрэнк, дорогой, что за глупости! – раздраженно воскликнул сэр Хамфри. – Почему это я не могу выслушать всю историю целиком? Ты просто обязан рассказать все!

– Хочу, чтобы вы поняли: в этом случае мне пришлось бы разгласить тайну, поведать о некоторых противозаконных действиях и вынудить тем самым сержанта произвести еще два ареста.

Губбинс заулыбался:

– Вы, должно быть, шутите, сэр! Не знаю, что вы там натворили, но всегда говорил и буду говорить: вы настоящая гроза для преступников всех мастей.

– Гм... – буркнул Фрэнк.

Сержант, который к этому времени предпочел бы скорее сам совершить преступление, нежели оказаться не посвященным в суть дела, напомнил, что находится сейчас не при исполнении.

– И все, что вы скажете здесь, сэр, дальше не пойдет, – заверил он Эмберли.

– Что ж, прекрасно, – кивнул Фрэнк. И несколько секунд пытался трубой, словно собираясь с мыслями. – Придется вернуться к самому началу. – Он достал из кармана измятый листок с завещанием и прочел вслух дату: – Подписано одиннадцатым января, два с половиной года тому назад, как раз тогда Джаспер Фонтейн и составил новое завещание. Вот оно, перед вами. Он написал его собственноручно на стандартном листке писчей бумаги, а засвидетельствовано оно было дворецким Доусоном и камердинером Коллинзом. Согласно этому завещанию, он оставлял все своему внуку Марку, а если тот не сможет по каким-либо причинам вступить в права наследства, оно переходило его внучке Ширли. Из всего этого я сделал вывод, что Джаспер Фонтейн лишь незадолго до смерти узнал об их существовании. Или, возможно, просто передумал в пользу брата и сестры. Такое тоже случается. Вся его собственность переходила Марку Фонтейну, а сумма в десять тысяч фунтов – его племяннику Бэзилу, который, согласно предыдущему завещанию, должен был унаследовать все. Я выяснил, что Джаспер Фонтейн скончался через пять дней после этого, а потому сей документ не успел попасть к стряпчим. Очевидно, Джаспер Фонтейн, очень торопился, знал, что смерть его близка. Как именно, я не знаю, но завещание оказалось в руках двух его слуг. Видимо, они решили порвать его на две половинки и спрятать. Дворецкий хранил у себя одну половинку, а камердинер – вторую. Бэзил Фонтейн унаследовал все состояние Джаспера, согласно предыдущему завещанию, и наверняка эти двое стали шантажировать его. Показали новое завещание и потребовали вознаграждения. – Тут он умолк и взглянул на Ширли. – Ты должна рассказать нам, почему к тебе обратился Доусон.

– Думаю, он просто боялся Коллинза, тот хотел прибрать к рукам и вторую половинку. На меня Доусон произвел впечатление человека робкого, ему не слишком подходила роль шантажиста. Я не знаю, каким образом ему удалось нас разыскать. – Девушка покраснела. – Видите ли, мой отец был... не слишком достойным уважения человеком. Когда он умер, мама уехала из Йоханнесбурга и взяла себе фамилию Браун. После ее смерти мы с Марком носили ту же фамилию, Браун, и вскоре переехали в Англию. У меня не имелось причин гордиться настоящей своей фамилией. А Марку было все равно. Тем не менее Доусон каким-то образом разыскал нас. И написал письмо Марку. Очень странное то было письмо, с недомолвками и намеками на существование наследства в его пользу, в нем Доусон также предупреждал моего брата о разных опасностях. Сейчас оно лежит в банке. Я подумала, что лучше держать его там. Марк считал, что все это обман и ерунда какая-то. А вот я так не

считала. Приехала в Верхний Неттлфолд и стала узнавать, не сдаются ли где меблированные комнаты. Нашла коттедж «Плюш» и сняла его. Сочла, что он больше нам подходит... из-за пагубных... привычек Марка. А потом я заставила брата написать письмо Доусону и договориться с ним о встрече. Дворецкий страшно перепугался, он не хотел видеть нас здесь, считал, что это крайне опасно. Всего один раз приезжал в коттедж, но весь так и дрожал от страха, боялся, что кто-то может его тут увидеть, и сказал, что больше он сюда ни ногой. Доусон и рассказал нам с братом о наследстве, но эту часть истории вы уже знаете от Фрэнка. Дворецкий сообщил, что хочет выйти из игры. У меня тогда создалось впечатление, что он куда больше боялся Коллинза, чем полиции. Затем Доусон предложил нам выкупить его половинку завещания. – Тут Ширли умолкла и взглянула на сержанта. – Конечно, я понимала, это было противозаконно – вступить с ним в подобные переговоры, но и обратиться в полицию я не могла, и не только потому, что это была лишь оторванная половинка текста. Боялась, что Коллинз пронюхает, что в дело вмешалась полиция, и сразу уничтожит свою половину завещания.

– Да, положение, конечно, щекотливое, – согласился с ней Губбинс, все это время слушавший Ширли как завороченный.

– Проблема была в том, – продолжила она, – что Доусон запросил просто непомерную сумму, и мы не могли заплатить ему такие деньги, по крайней мере до тех пор, пока не вступим в права наследства. Получался замкнутый круг. Но в конце концов мы все же пришли к компромиссу и договорились с Доусоном о встрече. Думаю, дворецкий согласился лишь потому, что боялся: если он будет упираться и дальше, у него могут возникнуть неприятности с полицией. Доусон должен был встретиться с Марком в свой выходной на Паттингли-роуд и отдать ему свою половинку завещания – для нас все лучше, чем ничего. А взамен Марк вручил бы ему долговую расписку на пять тысяч фунтов.

– Погодите минутку, мисс! Так ваш брат был на месте преступления, когда с дворецким расправились? – осведомился сержант.

– Вы не при исполнении, Губбинс, – напомнил ему Эмберли. – Теперь перейдем к обсуждению моего нечестивого поведения. Помните, как я сказал вам, что далеко не уверен, что нахожусь на вашей стороне?

– Помню, сэр. – Сержант округлил от удивления глаза.

– Я сообщил вам, что обнаружил тело убитого мужчины в салоне автомобиля «остин-семь» на Паттингли-роуд. Но умолчал о том, что на дороге рядом с этой машиной видел мисс Ширли Браун.

– Получается, вы утаили от полиции ценные сведения, так, мистер Эмберли? – печально произнес Губбинс.

– Именно так. Но, если б я все рассказал, Фрейзер бы наверняка повесил Ширли за убийство. Теперь вы понимаете, почему меня так заинтересовало это в общем-то скучное преступление. Доусон был жив, когда ты нашла его, верно, Ширли?

– Едва дышал. Он узнал меня. Он не привез свою половинку завещания. Не знаю почему. Возможно, потому, что хотел выжать из нас больше денег. Однако он все же успел сказать мне, где она находится.

– То есть вы хотите сказать, сэр, – вставил сержант, – что знали о завещании и обо всем остальном с самого начала и не удосужились рассказать нам?

– Ничего подобного. Тогда еще я ничего не знал. Но заинтересовался. Единственное, что я знал: убийство совершено с целью ограбления. А когда я выяснил, кто такой этот Доусон, понял, что вряд ли у него были при себе деньги, к тому же и из особняка ничего ценного не пропало. Стало ясно: возможно, у дворецкого имелся какой-то документ. Я познакомился с Бэзилем Фонтейном. Произошло это при моем первом визите в особняк, и я сразу же заподозрил Коллинза. Слишком уж он старался подслушать, что я говорю. Какая между ним и Фонтейном существовала связь, я понятия не имел. Но что-то все-таки связывало этих двоих, в чем я был просто уверен. Фонтейн знал, что камердинер постоянно подслушивает под дверью, но не хотел, чтобы кто-нибудь об этом догадался. Имелся еще

один момент: алиби Коллинза основывалось лишь на слове Фонтейна. И я стал осторожно наводить справки о Бэзиле Фонтейне. Но еще до того как я начал связывать его с убийством дворецкого, не кто иной, как вы, тетя Мэрион, заметили, что вам не нравится этот человек. А я всегда прислушивался к вашему мнению, поскольку знал, что вы наделены потрясающей интуицией. А от Энтони я узнал о любви Фонтейна к морю. Помнишь, ты описывал мне его бунгало в Литтлхейвене, упомянул также и о том, что у него имеется мощная моторная лодка, на которой можно переплыть Английский канал? Тогда я не придавал этому особого значения. Информация пригодилась позже. Ты также рассказал, как он просил тебя остаться в особняке, движимый, по твоему мнению, страхом. Фонтейн вроде бы не хотел остаться в одиночестве. Действительно, присутствие в доме гостей служило для него определенной защитой. Пока вы с Джоан находились там, Коллинз был вынужден соблюдать осторожность. Фонтейн начал его бояться. Он знал, что Коллинз убил Доусона, но не осмеливался выдать его полиции – из страха, что слуга проболтается о настоящем завещании. Фонтейн же считал, что наследство принадлежит ему по праву. А тот факт, что он не предпринял тогда попытки устранить Коллинза, по моему глубокому убеждению, был продиктован его болезненным восприятием трупов, ничуть, заметьте, не наигранным. Если помнишь, Энтони, Джоан упомянула об этом во время первой моей с ней встречи. Сама мысль о мертвом теле была ему невыносима, пусть даже речь шла о щенке. После слушаний вы, сержант, рассказали мне о деньгах Доусона. Это обстоятельство не давало вам покоя. Вы не могли найти ему сколько-нибудь убедительного объяснения. Именно тогда мне и пришла в голову мысль, что Доусон мог шантажировать Фонтейна. Но какое отношение ко всему этому имела Ширли, я понятия не имел, пока в особняке не состоялся бал-маскарад. Ты пришла на бал без приглашения, в костюме итальянской крестьянки.

– Бог мой, так это была ты?! – воскликнула Фелисити. – Мы с Джоан просто головы сломали, пытаюсь понять, кто бы это мог быть. Ведь к двенадцати, когда все стали срывать маски, ты уже успела ускользнуть. О, как это романтично, как загадочно и волнующе!

– Поняв, кто она такая, эта хорошенькая крестьянка, – продолжил Фрэнк, – я решил, что стоит немного понаблюдать за ней. Казалось маловероятным, что Ширли пробралась в особняк на бал лишь из желания повеселиться. И мне не стоило особого труда догадаться, что девушка просто воспользовалась удобным моментом, решила проникнуть в этот дом с вполне определенной целью. А потом вдруг я увидел в коридоре Рейнольдса.

– Прощу прощения, сэр?..

– Портрет, сержант. Портрет дамы, написанный в конце восемнадцатого века Рейнольдсом. Просто поразительное сходство, Ширли! Фонтейн подошел ко мне, как раз когда я изучал тот портрет. Его не слишком интересовала данная картина, однако он заметил – и это истинная правда, – что у дамы, изображенной на нем, характерные семейные черты – выступающие надбровные дуги. И добавил: Рейнольдс изобразил, по всей видимости, его прабабушку. В тот момент фактов на руках у меня было не так уж много. И вот вкратце основные: мотив убийства дворецкого – ограбление; таинственная гостья, явившаяся инкогнито на бал-маскарад, обладает потрясающим физическим сходством с одной из основательниц рода Фонтейнов; у Джаспера Фонтейна был сын, к тому времени уже покойный, которого он лишил наследства из-за чрезмерного пристрастия к алкоголю; ну и еще несколько мелочей. Все они ничего не доказывали, но потом я подумал: интересное совпадение – Марк Браун тоже пьяница. Уж не наследственное ли это? – Эмберли умолк и стал набивать трубку табаком, приминая его кончиком большого пальца. – И вот теперь мы подошли к предосудительному поведению мисс Ширли Фонтейн. От Доусона она узнала, что его половинка завещания спрятана в старинном высоком комод, и отправилась на поиски. Но помешало ей неожиданное появление Коллинза, тот с большим интересом наблюдал за действиями юной леди. Затем оба они отошли от комода, который стоял в коридоре, ведущем к картинной галерее, и спустились вниз. Когда они ушли, я заглянул в комод и нашел половинку завещания. На листке бумаги сохранились часть подписи Джаспера Фонтейна и большая часть подписей двух свидетелей. Имена и фамилии

наследников, в пользу которых было составлено завещание, оказались на другой половинке бумаги. Но несмотря на это, мне все сразу стало очевидно. Через некоторое время Ширли вернулась к комоду. И, не найдя клочка бумаги, подумала, что Коллинз ее опередил. Верно?

– Ну конечно. Что ж еще мне оставалось думать?

– Коллинз, появившийся через несколько минут, тоже не нашел бумаги и, естественно, предположил, что ее забрала Ширли. Они подозревали друг друга в похищении фрагмента завещания.

Тут Фрэнк перебила Ширли:

– Все это так, не сомневаюсь. Но почему ты сразу не сказал мне, что забрал ту бумажку?

– Дитя мое, это был несомненный плюс, что и ты, и Коллинз заблуждались по поводу того, где теперь находится заветная половинка. Вам пришлось начать переговоры, и это мне здорово помогло. Ну и еще одна причина, касающаяся только нас двоих... Итак, позвольте продолжить. На следующий день ко мне заявился полковник Уотсон и уговорил заняться расследованием убийства Доусона. Теперь в руках у меня оказались все ниточки. Я знал о существовании более позднего завещания, завладеть которым жаждали как минимум двое. Твое поведение, Ширли, позволяло предположить, что завещание составлено в твою пользу. Волнение, которое выказывал Коллинз, лишь подтверждало мои предположения о том, что он шантажирует этим документом Фонтейна. И еще казалось вполне вероятным, что вторая половинка находилась у него. Первым делом надо было установить твою личность, Ширли; главная проблема сводилась к тому, чтобы завладеть второй половинкой завещания, в существовании которой я не сомневался. Полиции такое дело не по зубам, нужен был особый подход. И тогда я поехал в Лондон и убедил своего слугу Питерсона попроситься на работу в особняк, на освободившуюся должность дворецкого. Я снабдил его поддельными рекомендациями... Кстати, тогда, сержант, вы проявили бдительность и заставили Питерсона поволноваться.

– Ага... – глубокомысленно буркнул Губбинс.

– Я надеялся, что, возможно, Питерсону удастся напасть на след, узнать, где спрятана вторая половинка, но главной целью его появления в особняке было другое. Я хотел, чтобы он понаблюдал за действиями Фонтейна. Мне казалось, что это лишь вопрос времени, когда Фонтейн наконец выяснит, кто живет в коттедже «Плющ». Стоит только ему об этом узнать, и может случиться что угодно. Во время поездки в Лондон я также зашел в редакцию «Таймс», просмотрел старые выпуски в надежде увидеть некролог на смерть твоего отца, Ширли. Единственный случай на моей памяти, когда вы меня подвели, дорогая тетушка Мэрион. С датами дела у вас обстоят неважно. Выяснилось, что он умер пять лет тому назад, а вовсе не три года, как вы утверждали.

– Прости, что доставила тебе столько хлопот, мальчик мой дорогой.

– Тем не менее я все же нашел некролог и выписал адрес в Йоханнесбурге. Затем отправил телеграмму в частное сыскное агентство с просьбой выяснить: остались ли у умершего наследники и если да, то кто именно. Чтобы немного ускорить дело, нанял еще и частного детектива в Лондоне, дабы тот установил, где находятся Марк и Ширли Брауны. Ну а вернувшись в Грейторн, я нашел тебя здесь, Энтони. И ты, сам того не ведая, дал мне весьма ценную информацию. Ты рассказал, что Фонтейн получил от какого-то частного детективного агентства письмо и что оно страшно его огорчило. А это могло означать только одно: он тоже пытался выяснить, остались ли дети у его кузена, и если да, то где они находятся. И тот факт, что он страшно расстроился, говорил о том, что Марк и Ширли Фонтейны пребывают где-то поблизости. На следующий день ты рассказал мне, что между ним и Коллинзом разгорелся страшный скандал. Думаю, Фонтейн пришел к заключению, что Коллинз его обманывает. События начинали развиваться стремительно, но проблема заключалась в том, что действовать решительно было опасно, ведь жизненно важная часть нового завещания могла находиться у Коллинза. Проведя кое-какие расследования, я решил обратиться к тебе, Ширли. Счастливое совпадение. Ты считала, что теперь у Коллинза все

завещание целиком, вознамерилась как-то перекупить его и послала за ним, попросила зайти в коттедж «Плющ». Коллинз пришел, будучи уверен, что половинка, принадлежавшая Доусону, находится у тебя и это может разрушить игру, которую он затеял. Я видел, как камердинер выходил из коттеджа «Плющ». Могу лишь вообразить, как осторожно вы разыграли эту партию, как обменивались ударами, уклоняясь от прямых ответов. Ни один не был уверен в исходе этого поединка, оба считали, что вторая половинка находится у противника.

Ширли грустно улыбнулась:

– Да уж. Разыграли целое представление. Умудрились ни разу не произнести вслух слово «завещание».

– Мне страшно хотелось поговорить с тобой начистоту. И как только Коллинз ушел из коттеджа, появился я. Возможно, ты помнишь, что я тогда говорил. Я пришел за информацией, которую уже получил. Я убедился в том, что ты была в Южной Африке. Плед из шкур королевского шакала и болтовня твоего брата помогли мне сделать этот вывод. Еще не доказательство, конечно, но было с чего начать. Следующий ход в этой партии сделал Фонтейн. Позвонил и попросил меня о встрече. И на протяжении всей беседы украдкой наблюдал за моей реакцией. Он нервничал, как и большинство людей в подобном положении. Фонтейн хотел сбить меня со следа. Сочинил вместе с Коллинзом совершенно неправдоподобную историю о том, откуда вдруг у Доусона оказались большие деньги. Определенную пользу она принесла, я поручил расследовать это обстоятельство инспектору. Он обрадовался, наконец-то ему было чем заняться. Я находился в особняке, когда случилось крайне неприятное происшествие. Марк Фонтейн, находясь под воздействием алкоголя, заявился в особняк, одержимый совершенно безумной идеей – заставить Коллинза отдать свою часть завещания под угрозой пистолета. Камердинер попал в весьма щекотливое положение.

– Но тогда, ради всего святого, объясни, почему он так настойчиво просил Бэзила отпустить паренька? – спросил Кокрейн.

– Да, вот именно, почему? Дело в том, что Фонтейн, не зная Марка в лицо, твердо вознамерился вызвать полицию. И Коллинзу пришлось намекнуть, кто он такой, этот незванный гость. Если помните, он сказал следующее: «Молодой джентльмен из коттеджа “Плющ”». И Фонтейн сразу все понял. Этот инцидент лишний раз подтвердил мою версию о том, что он действительно получил письмо из детективного агентства. Во всяком случае, она прекрасно сюда вписывалась. Но дурацкое поведение Марка могло привести к нешуточным осложнениям. Не могу сказать, что я всерьез опасался, будто Фонтейн попытается его устранить; мне казалось, он не из тех людей, кто способен легко совершить убийство. Однако такая возможность все же существовала, и игнорировать ее было нельзя. И вот я приставил к Марку человека, чтобы тот повсюду следовал за ним по пятам и не скрывал этого. Понадеялся, что сам факт, что парнишка теперь под наблюдением, остановит Фонтейна. Тот, конечно, был не в восторге, но отпугнуть его оказалось не так-то просто, как я думал. Я, между прочим, специально нанес визит в Нортон – дал Бэзилу понять, что к Марку приставлен человек, а заодно убедился, что Питерсон благополучно обосновался у него в качестве дворецкого. Тем же вечером я получил ответ на телеграмму в Йоханнесбург. Теперь у меня уже не осталось никаких сомнений относительно твоего происхождения, Ширли. И я подумал, что пора бы повидаться с сержантом Губбинсом – предупредить, чтобы приставленный к Марку полицейский глаз с него не спускал. Но к сожалению, было уже слишком поздно. Я как раз находился в полицейском участке, когда поступило сообщение о смерти Марка... – Эмберли умолк, взглянул на Ширли. – Прости. Я понимаю, тебе больно это слушать. Но я должен рассказать все.

– Продолжай, – коротко бросила она.

– Марк упал в реку вовсе не потому, что был пьян. Да, он напился, очень сильно напился, но в реку его столкнули. А вот захлебнулся он потому, что был очень пьян. Убийство оказалось столь тщательно спланировано, что я сомневался, смогу ли доказать

причастность Фонтейна. Ведь пагубные привычки Марка уже стали притчей во языцех в Верхнем Неттлфолде; а кое-кто из завсегдатаев паба удивлялся, как это он раньше не свалился в реку, возвращаясь домой пьяным в стельку. К тому же все знали, что в это время года после наступления темноты туман особенно сгущается над впадиной, тем местом, где совсем рядом с дорогой протекает река Неттл. Фонтейн решил рискнуть – а может, просто знал, что Такер следует за Марком на определенном расстоянии. И я считаю, что ответственность за смерть Марка, пусть и косвенную, следует целиком возложить на инспектора Фрейзера. Ведь именно он дал Такеру понять, что направляет его на это задание лишь для того, чтобы потрафить моим капризам.

Сержант кашлянул:

– Наверное, будете писать докладную, да, сэр?

– Буду, сержант, только прошу, не перебивайте. Затем Фонтейн распространяет слух о том, что едет в Лондон. Он действительно выезжал в тот день из дома, но только не в Лондон. И если б ему не повезло, если б не удалось совершить задуманное, не сомневаюсь, он бы повторил этот маневр на следующий день. Но удача сопутствовала ему. Все вышло так, как он рассчитывал. Бэзил оставил свой автомобиль за поворотом, рядом с главной дорогой, что проходила вдоль реки, в том месте туман был особенно густой, и стал ждать Марка. И когда на дороге появился молодой Браун, Бэзилу оставалось лишь столкнуть его с берега в реку. Не думаю, что для этого потребовалось много усилий, к тому же Фонтейн был мужчиной физически крепким. Глубина реки в том месте значительная. Марк утонул, был слишком пьян, чтобы выплыть и спастись.

– Ну а если б, допустим, он не утонул, тогда что? – осведомился Энтони.

– Фонтейн, конечно, расстроился бы, но особой опасности для него ситуация не представляла. Если бы парнишка сказал, что его столкнули в реку, кто бы ему поверил?

– Ты, – сказал Кокрейн.

– Возможно. Но, хотя Фонтейн и подозревал меня, ему было неизвестно, как много мне удалось разузнать. Нет, ситуация для него сложилась вполне безопасная, и все получилось. Если б туман не был такой густой, если б Коллинз на время не упустил Марка из виду, тогда бы, конечно, ничего не вышло. Но Коллинз появился слишком поздно, и все его усилия откачать Марка ни к чему не привели, хоть он и очень старался, прилагал почти нечеловеческие усилия. Ведь с того момента, как Фонтейн узнал о присутствии брата и сестры в Верхнем Неттлфолде, Коллинз все время был начеку. Он-то знал Фонтейна куда лучше, чем я. Его история о портсигаре, якобы подаренном ему Марком, была чистой воды враньем. Тем не менее мисс Фонтейн ее подтвердила, не так ли, Ширли?

Девушка кивнула:

– Я была полностью в его власти. Если б часть завещания оказалась у него, я бы ни за что его не выдала. Вот одна из причин, по которой я тебе не доверяла. Он заподозрил тебя с самого начала. Думал, что тебе известно куда больше, чем полиции.

– И потому ты сочла, что довериться мне небезопасно, раз я скрываю то, что знаю? Ладно... продолжим. На следующий день после убийства Фонтейн заявился ко мне в Грейторн. Под тем предлогом, что его якобы очень интересует сам факт появления на месте происшествия Коллинза. Но на самом деле он хотел выяснить, что я обо всем этом думаю и по-прежнему ли Ширли живет в коттедже «Плюш». Я дал ему понять, что подозреваю Коллинза. Ну и намекнул, что ты все еще обитаешь в коттедже. Поскольку он устранил Марка, я опасался, что ты станешь следующей его жертвой, вот и решил взять его с поличным, арестовать его и Коллинза, но предъявить им разные обвинения. И план бы мой, несомненно, удался, если б не вмешательство Кокрейна, хоть он и действовал с самыми лучшими намерениями. Когда я отвез тебя в коттедж, Ширли, чтоб ты могла забрать свои вещи, я специально снял засов и цепочку с задней двери и вынул ключ. Затем, разместив тебя в гостинице «Голова вепря», я помчался обратно в Грейторн, позвонил Питерсону и велел ему глаз не спускать с Фонтейна и уведомить меня, если тот покинет особняк ночью. В середине нашего разговора в комнату вошла Фелисити и прошлась насчет моей манеры

говорить по телефону. Помнишь? Питерсон перезвонил мне сразу после полуночи, сообщил, что Фонтейн вышел из особняка и отправился куда-то на велосипеде. Тогда я заехал за вами, сержант, и мы вместе поехали к коттеджу «Плюш», чтобы ждать его там. Казалось бы, все было предусмотрено, и план непременно сработал бы, но тут появляется Кокрейн. Он спугнул Фонтейна, тот улизнул через заднюю дверь. Наверное, всем вам изрядно поднадоело слушать, как я все время упускаю этого хитрого лиса? Но что поделаешь, брать его надо было только с поличным. Ведь никаких доказательств против него у меня не имелось, ну разве что его застукали бы при попытке вторгнуться в чужой дом. Так что довольно комичная вышла история. И преследовал тогда Фонтейна не только ты, Энтони, но и Питерсон. Он заметил, как ты гонишь на велосипеде по дороге, и помчался следом. Оба проявили чрезмерное, но бесполезное усердие. Питерсон не узнал тебя, Энтони, испугался, что мне придется иметь дело с двумя преступниками вместо одного, вот и пришел на помощь. Я увидел его, когда пошел запереть заднюю дверь, он хотел подойти и поговорить со мной, но в этот момент заметил тебя, Энтони, и тактично удалился. То была первая попытка покушения на жизнь Ширли. Лично мне кажется, Фонтейн хотел представить все это как самоубийство. И причина напрашивалась сама собой – трагическая гибель Марка. В целом неплохая идея. Но я дал вам ключ, сержант, и думаю... думаю, вы могли бы проявить большую догадливость. Я сказал, что тот, кто проник в коттедж, не знал, что у мисс Фонтейн есть бультерьер. Коллинз знал, поскольку бывал там прежде. Я разочарован, сержант, опечален и разочарован.

– Да, неплохой то был ключ, не так ли, сэр? – с горечью откликнулся Губбинс. – Хочу заметить, об этом не знали никак не меньше полусотни людей.

– Но Коллинз-то знал, – заметил Эмберли.

– Да, сэр, и могу сообщить вам: именно поэтому я его и исключил из числа подозреваемых. – Сержант впери в Фрэнка, как ему самому казалось, гипнотический взгляд.

– Ну-ну, – пробурчал Эмберли. – У меня просто нет слов. – Он отложил трубку на каминную доску, засунул руки в карманы брюк. – А затем, – вдруг произнес Фрэнк, – в дело у нас вступает сэр Хамфри.

– Что?! – изумленно воскликнул хозяин Грейторна.

Эмберли взглянул на него с лукавой улыбкой:

– Да, именно вы, сэр. Вы пришли к Фонтейну поговорить о браконьерах, а вышли от него с пропавшей половинкой завещания.

– О чем это ты, черт возьми, толкуешь, Фрэнк?!

– Которую, – не моргнув глазом, продолжил Эмберли, – Коллинз спрятал в корешке той самой книги, каковую вы одолжили почитать. Интересно, видел ли Коллинз, что вы взяли именно эту книгу?

– Да! – воскликнула Фелисити. – Он видел и, как мне кажется теперь, твердо вознамерился забрать ее у папы хотя бы ненадолго. Предложил стереть с нее пыль, затем – завернуть, но папа отказался.

– И тогда ему ничего не оставалось, как ограбить этот дом, – заметил Эмберли. – Но, поскольку дядя унес книгу к себе наверх, в спальню, почитать перед сном, попытка завладеть ею не удалась. Я чувствовал: что-то не так в этом странном ограблении, пытался понять. И тут подсказку мне дала тетя Мэрион. Она все время удивлялась, зачем это грабитель перевернул книги в библиотеке. Тут наконец я догадался, попросил принести мне «Литературные курьезы». Но сколько ни старался, листка с половинкой завещания в книге не нашел. Ни вы, сэр, ни Фелисити не удосужились тогда упомянуть, что на несколько минут оставляли эту книгу в руках Ширли. Нет, просто непростительно с вашей стороны! А следующим утром мне позвонил Питерсон и сообщил, что Коллинзу звонила какая-то женщина. Ему показалось, что это Ширли Браун...

– Да, помню, – перебил его Кокрейн. – Я рассказал Бэзилу, и братец страшно рассердился.

– Нимало в том не сомневаюсь. Этим и объясняется, что тем же вечером он отправился

следить за камердинером, а я следил за Ширли. У нее была назначена встреча с Коллинзом, в павильоне возле озера. Целый день я старался не выпускать ее из виду, страшно утомительное занятие. Встреча состоялась, но под присмотром Фонтейна. И Питерсон тоже был неподалеку – исполнял мое задание, следил за Бэзиллом. Если б Фонтейн тогда мог добраться до Ширли, думаю, он бы убил ее прямо там. Но к счастью, Бэзил ее не нашел. Нашел я. Сам факт, что встреча состоялась, побудил Фонтейна принять самые крайние меры. Если Коллинз его обманывает, тогда и от него тоже надо избавиться. И тут, сам того не ведая, мой дядя подсказал ему, как лучше и безопаснее это сделать.

Сэр Хамфри так и подпрыгнул в кресле:

– Я?!

– Да, вы, сэр. Все эти разговоры о браконьерах... Нет, я вас несколько не виню. Я даже думаю, что Коллинз получил по заслугам, поскольку – и это несомненно – именно он убил Доусона. Однако доказать сие у нас не имелось ни малейшей возможности, что тоже не вызывает сомнений. Но до того как Фонтейну удалось осуществить свой план, Коллинз совершил еще одну попытку вернуть злосчастную книгу. А Питерсон тем временем методично и совершенно безуспешно просматривал книги в библиотеке. И все участники, с позволения сказать, этого действия страшно нервничали. Завещание словно испарилось, и если б попало в руки Фонтейна, тот бы сразу его уничтожил. И вот Коллинз, обнаружив, что в книге завещания нет, приходит к заключению, что оно теперь у меня, обыскивает мою спальню в Грейторне, и я сразу же чувствую облегчение. Поскольку это означает, что к Фонтейну оно не попало. В противном случае он бы наверняка дал Коллинзу понять, что сжег его. Вечером Коллинз возвращался из этого дома в особняк, на дороге его подстерег Фонтейн и застрелил. Тот самый Фонтейн, который, если помните, сержант, весь вечер провел у себя в библиотеке, писал там письма. И тут в очередной раз Бэзил проявил излишнюю осторожность. Не удержался и позвонил в полицию тем же вечером. Более чем правдоподобно объяснил свою озабоченность. А я, знаете ли, никогда не доверял слишком правдоподобным объяснениям. Питерсон сообщил, что он долго обыскивал комнату Коллинза в поисках половинки завещания, но так ничего и не нашел. Думаю, сержант, во время его допроса вы заметили, как он сказал мне, что ничего не нашел.

– Так точно, сэр. Сразу заметил, как же иначе.

– Советую вам, Губбинс, попробовать себя на сцене, – сказал Эмберли. Сержант погрузился в размышления на эту тему, Фрэнк меж тем продолжил: – А Фонтейн начал выдавать себя. Вместо того чтобы говорить как можно меньше и предоставить Фрейзеру возможность самому разобраться в этом деле, он активно пытался повернуть расследование в нужную ему сторону. Едва успев избавиться от Коллинза, он начал высказывать сомнения в надежности его алиби в день убийства Доусона. Иными словами, перестарался. До того момента он отказывался верить, что Коллинз способен совершить нечто подобное, как в свое время категорически отказывался увольнять его, несмотря на явную неприязнь к этому человеку. Но когда Коллинза благополучно удалось устранить, все мы с удивлением услышали, что, оказывается, он уволил его еще утром того же дня. Позвольте напомнить вам, сержант. Когда мы отъезжали от особняка, вы спросили, что я думаю обо всем этом. На что я ответил, что усматриваю здесь один или два важных момента. И я имел в виду противоречивое поведение Фонтейна.

Губбинс отреагировал в своем стиле:

– А я как раз думал, заметите ли и вы тут серьезные противоречия, мистер Эмберли?

– К счастью, – сухо бросил в ответ Фрэнк, – заметил. У меня возникло ощущение, что Фонтейн все дальше загоняет самого себя в угол, и понимает это. На следующий день после убийства Коллинза, то есть сегодня утром, я предпринял кое-какие меры предосторожности и отправился в Литтлхейвен.

– Мне сказали, что ты расследуешь убийство, – заметила леди Мэгтьюз.

– Официально да. Но я не хотел, чтобы Фонтейн узнал о реальном моем местонахождении.

– Но почему ты отправился именно в Литлхейвен, Фрэнк? – спросила Фелисити.

– Моторная лодка! Я не забыл о существовании моторки, способной пересечь Английский канал. Не стану притворяться, будто бы я предвидел, что она рано или поздно сыграет свою роль в этом деле. Нет, ничего подобного. Просто я предположил, что Фонтейн, осознавая всю опасность своего положения, непременно предпримет попытку бежать, как только поймет, что ситуация не в его пользу. И скоростная моторка – лучший способ удрать. Добравшись до Литлхейвена, я расспросил знающих людей из местных. Выяснилось, что моторку забрали с причала Мортон и перегнали вверх по речке, неподалеку от того места располагалось бунгало Фонтейна. Незадолго до этого моторка была отремонтирована, и когда я подплыл на весельной лодке взглянуть на нее, увидел, что она полностью готова к выходу в открытое море. Я убедился, что предположения мои верны, и потому нанял одного из местных, сторожа, чтобы он наблюдал за моторкой и известил меня по телефону в том случае, если кто-то попытается на ней отплыть. Тогда полиция могла бы преследовать Фонтейна до берегов Франции и при необходимости зайти в порты и попытаться остановить злоумышленника там. До сих пор считаю, что Фонтейн держал свою моторку наготове лишь с одной целью – удрать в случае опасности. Теперь, когда Коллинз мертв, у него не было ни малейшего желания причинять вред Ширли. Без завещания она все равно не могла ничего поделывать. Бэзил не хотел совершать ни одного из этих убийств. И я вполне верю, что он говорил правду, когда заявил, что прошел через настоящий ад. И если б в свое время Фонтейн не унаследовал от дяди все его состояние и особняк, вполне допускаю, что он так бы и остался тем человеком, каким являлся в глубине души – веселым добродушным парнем, который всего-то и хотел, что спокойной обеспеченной жизни и достаточно денег для удовлетворения своих невинных пристрастий. Но проблема заключалась в том, что он считал себя законным наследником Джаспера Фонтейна на протяжении слишком многих лет, и сама мысль о том, что теперь он должен лишиться всего этого и остаться с жалкими десятью тысячами, казалась просто невыносимой. Своих средств у него практически не было, но Бэзил на протяжении всей жизни получал вполне приличное годовое содержание от дяди. Бэзил произвел на меня впечатление человека хитрого и увертливого – если припереть его к стенке, но никак не глубокого ума. Уверен, он не предполагал, к каким последствиям может привести первое совершенное им преступление, еще не самое страшное. Двух слуг можно было заставить молчать с помощью небольшого подкупа. И, хотя он знал о существовании Марка и Ширли, вовсе не собирался делиться с ними, что тоже, конечно, не слишком порядочно с его стороны. Впрочем, Фонтейн был уверен – эти родственники никогда не узнают о причитающемся им наследстве. Он рассматривал особняк как свое законное владение и, полагаю, считал оправданным, что все это время скрывал факт существования более позднего завещания. И стоило ему сделать всего один неверный шаг, как все, по его собственным словам, стало нарастать, покатилося, точно снежная лавина. Он не хотел убивать, но ему приходилось. И я верю, Бэзил сам ненавидел себя за это и признал бы свое поражение, если б ему не грозил нешуточный тюремный срок. – Эмберли умолк. В комнате настала тишина. Все смотрели на него и ждали продолжения. – Следить за ходом мысли Фонтейна весьма любопытно, однако в критический момент он пришел к неверному умозаключению. Я уже упоминал об этом: после смерти Коллинза у него не было причин затевать что-то против Ширли. Лично я до сих пор глубоко в этом убежден. Но тут судьба в лице моей легкомысленной кузины вдруг наносит Фонтейну сокрушительный удар. От нее он узнает о зловещих своей книги под названием «Литературные казусы». Фелисити поведала ему, как я интересовался этой книгой, как просматривал ее, и в ней ничего не оказалось. И хотя Фелисити просто забыла упомянуть при мне, что «Литературные казусы» оставались в руках у Ширли достаточно время, чтобы можно было найти спрятанный в ней листок бумаги, она, точно назло, вспомнила об этом в присутствии Фонтейна.

– Ну, будет тебе, – сердито буркнула Ширли. – Она же не нарочно.

– Но ее болтливость едва тебя не прикончила, – парировал Эмберли. – Фонтейн знал, где Коллинз прятал свою часть завещания, и тут же сообразил, что листок теперь в руках

Ширли. Он зашел уже слишком далеко, чтобы остановиться, он понимает, что, если не предпримет решительных мер, ему конец. Ну, всем вам, конечно, известно, что произошло дальше. Если ли б не моя дорогая, достойная самых высоких похвал тетушка, ты бы, Ширли, сейчас лежала на дне моря. Именно она передала мне решающую информацию вместе с телефонным сообщением Питерсона. И я успел вовремя добраться до Литтлхейвена. И на всем пути только тем и занимался, что строил догадки.

Тут вдруг Кокрейн обрел дар речи:

– Догадки? Так ты это называешь?

– Да, представь себе. Я далеко не был уверен в дальнейших действиях Фонтейна. Но, когда убедился, что он направляется на юг, постарался выжать из машины, а потом и из лодки максимум возможного. К счастью, все закончилось благополучно...

– погоди минутку, – вмешалась в его монолог Ширли. – Скажи... ты можешь догадаться, почему он выбрал именно этот способ расправиться со мной? Почему просто не ударил меня по голове и не выбросил за борт моторки? До сих пор не понимаю.

– Действительно, понять не просто. Но думаю, дело было в его странном комплексе – он боялся мертвецов. Поэтому и не убил тебя, просто направил лодку в море. Ты же сама говорила, что за все то время он ни разу не сказал тебе ни слова, даже избегал смотреть на тебя. И я вполне в это верю. Фонтейн действительно прошел через сущий ад, он находился в полубезумном состоянии. – Эмберли набил трубку, затянулся. Стоял и переводил взгляд с одного замороженного слушателя на другого. – Что ж, думаю, я объяснил вам все. Довольно любопытное было дельце.

– Любопытное? Слабо сказано! – воскликнул Энтони. – Не знаю, что там думают другие, но, на мой взгляд, ты совершил настоящее чудо, Фрэнк! И только не говорите мне, дорогой сержант, что вы с самого начала знали все. Готов побиться об заклад, что не знали!

Губбинс, ни секунды не колеблясь, ответил:

– Нет, сэр, не знал. Но хочу сказать вот что. Если б мистер Эмберли не утаивал от нас ценную информацию, ну, к примеру, тот факт, что он видел молодую леди рядом с телом Доусона, нам было бы куда как лучше и проще разобраться в этой запутанной истории. Да если б я тогда знал *это*, мы бы мигом раскрыли дело! – Тут он встретился взглядом с Фрэнком и повторил упрямо: – Да, мигом, мистер Эмберли. Нет, я хочу сказать, для любителя вы справились просто прекрасно, но вот чего вам явно не хватало, так это натренированного ума, сэр. Да, именно натренированного ума и не хватало.